ИГОРЬ ГРАБАРЬ

Русскіе города

РАЗСАДНИКИ ИСКУССТВА

СОБРАНІЕ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫХЪ

МОНОГРАФІЙ

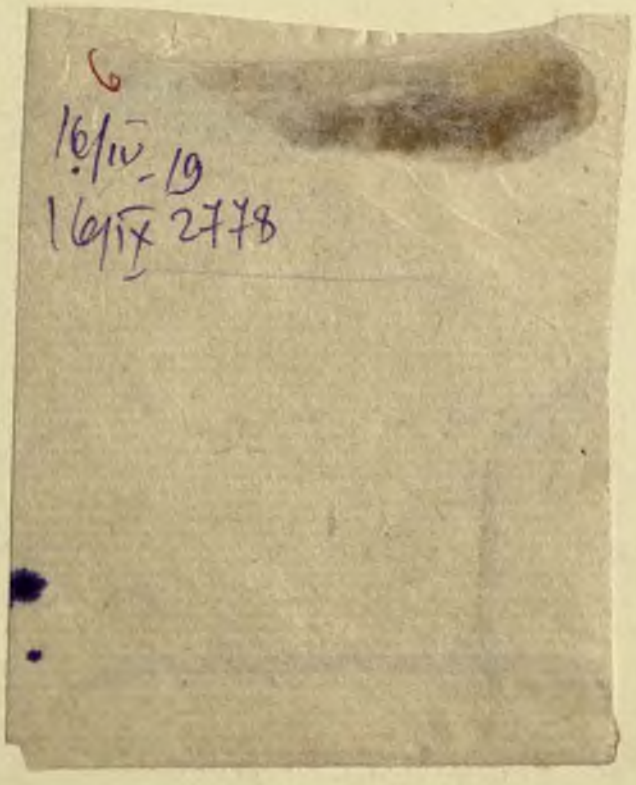
Борисъ фонъ Эдингъ

РОСТОВЪ ВЕЛИКІЙ

УГЛИЧЪ

МОСКВА
ИЗДАНІЕ ЖКНЕБЕЛЬ

6
16/IV 19
16/IX 2778

91
Т-75
№ 31/г
№ 67

Музей
VIII-6

Семашкевъ
Петроградъ 1916 г.

1
2 3
М 67

ЧТО ГОРОДЪ— ТО НОРОВЪ

ИГОРЬ ГРАБАРЬ

Русскіе города

РАЗСАДНИКИ
ИСКУССТВА
СОБРАНІЕ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫХЪ МОНОГРАФІЙ
ВЫПУСКЪ I

РОСТОВЪ ВЕЛИКІЙ

УГЛИЧЪ

МОСКВА
ИЗДАНІЕ І. КНЕБЕЛЬ

85.11
Э21

БОРИСЪ ФОНЪ ЭДИНГЪ

РостовъВеликій

Угличъ

ПАМЯТНИКИ
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ СТАРИНЫ

128777

ИЗДАНІЕ
І. КНЕБЕЛЬ

Товарищество
Р. Голике и А. Вильборгъ
С.-Петербургъ
Васильевскій № 12

Предисловіе

Съ выходомъ въ свѣтъ настоящей книги осуществляется завѣтная мечта, лелѣемая нами съ давнихъ поръ. Задолго до появленія первыхъ выпусковъ нашей «Исторіи Русскаго Искусства» насъ увлекала мысль объ изданіи большой серіи монографій, посвященныхъ историческимъ городамъ Россіи. Казалась безконечно заманчивой уже одна возможность увидѣть когда нибудь полку-другую книгъ, въ которыхъ, наконецъ, то были бы собраны всѣ чудесныя сокровища, разсыпанныя въ этихъ «разсадникахъ русскаго искусства». Такая полка книгъ сулила развернуть всѣ стороны этого искусства и ввести насъ въ самые глубокіе тайники художественнаго творчества древней и новой Руси. Постепенно выросъ бы тотъ фундаментъ, на которомъ уже нетрудно было бы возводить зданіе «Исторіи». Однако, въ то время иныя задачи отодвинули эту мысль на второй планъ: судьбѣ угодно было, чтобы мы отдали всѣ свои силы именно «Исторіи»,—не только собранію случайнаго матеріала, но и его систематизаціи. И вотъ теперь, когда эта послѣдняя работа уже близится къ концу, мы вновь имѣемъ возможность вернуться къ первоначальному проекту, и приступаемъ къ изданію серіи «русскихъ городовъ».

Въ «Исторію Русскаго Искусства» вошли главнымъ образомъ произведенія, сосредоточенныя въ столицахъ, и лишь весьма немногое попало сюда изъ тѣхъ небольшихъ захолустныхъ городковъ, которые были нѣкогда въ силѣ, славились своимъ художествомъ и имѣютъ великое счастье хранить въ своихъ стѣнахъ до сихъ поръ драгоцѣннѣйшіе памятники этого художества: Новгородъ, Псковъ, Владиміръ, Ростовъ, Угличъ, Ярославль, Суздаль, Кострома, Нижній Новгородъ, Казань, Вологда, Устюгъ, Архангельскъ,—чѣмъ это не музеи? Не тѣ музеи, которые случайнымъ

подборомъ вещей напоминаютъ лавки старьевщика, не музеи-кладбища, а музеи живого и жизненнаго искусства. Здѣсь никто ничего не собиралъ,—все стоитъ тамъ же, гдѣ стояло въ старину и нерѣдко все сохраняетъ тотъ же видъ, что и въ былыя времена.

Наша серія городовъ меньше всего должна напоминать «путеводители». Читатель очень разочаруется, если захочетъ отыскать здѣсь свѣдѣнія о приходящихъ и отходящихъ поѣздахъ и пароходахъ или удобныхъ и неудобныхъ гостиницахъ. Но если кому нибудь предстоитъ поѣздка въ Ростовъ или Ярославль, или Кострому, онъ хорошо сдѣлаетъ, ознакомившись предварительно съ соотвѣтствующимъ томомъ нашей библіотеки русскихъ городовъ: онъ съ удвоеннымъ интересомъ проведетъ въ нихъ время и увидитъ тамъ не мало прекрасныхъ произведеній, которыя, быть можетъ, ускользнули бы отъ его вниманія.

Игорь Грабарь.

Дугино
20 марта 1913 г.

Ростовъ Великій

Прошлое Ростова Великаго

ВВЕДЕНІЕ.

Болѣе ста лѣтъ Ростовъ живетъ тихой дремотной жизнью второстепеннаго провинціальнаго городка; фабрики, школы, заводы, гимназія и электричество—вотъ тѣ культурныя пріобрѣтенія, которыхъ, не торопясь, достигаетъ Ростовъ и, глядя на современный городъ, трудно себѣ представить, что здѣсь, на этомъ же мѣстѣ, широкимъ русломъ шла, полная значенія, жизнь религіознаго, политическаго и экономическаго центра огромной области.

Но не безслѣдно для города прошла жизнь эпохъ болѣе творческихъ, чѣмъ современность: храмы, стѣны, терема и башни—драгоцѣнное наслѣдіе старины, выдѣляющее Ростовъ изъ тысячи Богомъ и людьми забытыхъ городовъ. *Стр. 11, 13, 14.*

Высокое очарованіе, свойственное ему, раскинувшемуся у необъятной шири и глади озера, тонко намѣчаетъ одно старое стихотвореніе:

. . . . . .
Среди полей и пажитей цвѣтущихъ,
Богатыхъ селъ картиной окаймленъ,
Отрада душъ окрестъ тебя живущихъ,
Ты свыше, градъ Святой, благословленъ.

Когда востокъ зарею заалѣетъ,
Ночной покровъ изовьется надъ тобой,
И озеро твое румянится, краснѣетъ,
И тихій звонъ раздастся надъ водой,

И выйдешь ты изъ мрака ночи смѣло,
Твои колокола начнутъ привѣтный зовъ,
О градъ Святой, о градъ прекрасно-бѣлый,
И многобашенный, Ростовъ.
. . . . . .
Ночная тѣнь опять, какъ пеленою
Спустилась на тебя и тихо все вокругъ,
Лишь изрѣдка часовъ прислушаешься къ бою,
Да слышенъ сторожей унылый частый стукъ,

Да слышится вдали надъ озеромъ въ селеньѣ
Чуть слышный лай собакъ иль пѣсня по полямъ,
А иноковъ твоихъ послѣднее моленье
Вечерней жертвою восходитъ къ небесамъ [1].

Значеніе Ростова въ исторіи русской культуры огромно, но его скорѣе угадываешь, чѣмъ ясно представляешь себѣ. Городъ, уже въ старину считавшійся древнимъ, уже въ древности носящій имя «Славный» и «Великій», этотъ городъ за нѣсколько послѣдующихъ столѣтій только утрачивалъ свою славу. Цѣлыя поколѣнія, равнодушныя къ своей собственной славѣ и къ славѣ своихъ предковъ, свели на нѣтъ тысячелѣтнюю исторію «столицы сѣвера». Земля была болѣе вѣрной хранительницей минувшаго. Но не только она сохранила слѣды давнихъ эпохъ. Еще косность народной жизни передала стародавніе обряды и повѣрья, — быть можетъ мало понятные самому населенію. Ихъ немного, но навѣрное больше, чѣмъ извѣстно статистическимъ описаніямъ.

Близъ города, у маленькой часовни, есть колодезь, въ который проходящіе путники бросаютъ мелкія монеты. У деревни Сажино стоитъ береза, обвѣшанная пестрыми ленточками, лоскуточками и тесемками съ крестами. Это священная береза, на которую молятся «какъ на икону». Такъ народъ вѣковыми обычаями оправдываетъ описаніе суевѣрій Муромской мордвы: «очныя ради немощи въ кладезяхъ умывающеся и сребренницы на ня поверзающе..... дуплинамъ деревяннымъ вѣтви убрусцемъ обвѣшивающе и симъ покланяющеся» [2].

Еще одно врачеваніе говоритъ намъ, что значительные языческіе боги, уступивъ мѣсто новому культу, умерли, но большей живучестью отличались существа менѣе значительныя. Такъ, въ нѣкоторыхъ деревняхъ еще въ 1890-хъ годахъ сохранялся стародавній способъ лѣченія лихорадки: знахарка печетъ въ домѣ больного 12 пирожковъ и, обязательно ночью, выноситъ ихъ на перекрестокъ, за деревню. Этихъ жертвенныхъ пирожковъ, изготовленныхъ для двѣнадцати Трясовицъ, не можетъ тронуть ни одно живое существо, но если до утра они исчезнутъ, значитъ 12 сестеръ приняли жертву, и больной долженъ поправиться.

Свадебныя крестьянскія пѣсни, имѣющія практическое примѣненіе, сохранились лучше другихъ. Здѣсь мы приводимъ плачъ невѣсты сироты надъ могилой отца.

Вы подуйте-ко, буйны вѣтры,
Со всѣ четыре стороны,
Ужъ зайди-ко, туча грозная,
Ты ударь-ко, громова стрѣла,
Во матушку Сыру-землю,
Расколись-ко, гробова-доска,
Распахнись-ко, бѣло-полотно;

[1] И. Хрящовъ. «Ростовскій уѣздъ». Москва. 1859 г., съ примѣчаніемъ: изъ журнала «Звѣздочка». Полнѣе напечатано Титовымъ въ брошюрѣ «Іосафъ Лазаревичъ». Москва. 1887. [2] А. Титовъ. «Ростовскій уѣздъ».

Видъ Ростова съ сѣверной стороны.
(Фот. Д. И. Мальгина).

Ты востань-ко, кормилецъ батюшко,
Ужъ на эту пору-времячко,
На мою-то свадьбу горькую,
Ужъ на этотъ ли на горькій часъ:
Пришла я къ тебѣ, кормилецъ мой,
Попросити и покланяться:
Не объ златѣ, не объ серебрѣ,
Не о большомъ приданыемъ,
Ужъ прошу-то я, родимый мой,
Благословеньица великаго
На чужую дальну-сторону,
Ко чужому отцу съ матерью,
Ко дородному ко молодцу.
Простопала мать Сыра-земля,
Отсылала гробова доска:
Ужъ пойди-ко, ты дѣвица,
Ужъ пойди-ко, ты красная,
У Того проси благословеньица,
Кто тебя поилъ-кормилъ,
Кто тебя рядилъ-красилъ [1].

[1] Автору не приходилось встрѣчать ни повѣрій, ни пѣсенъ въ родѣ приводимыхъ здѣсь: свѣдѣнія о нихъ заимствованы изъ книгъ А. Титова «Ростовскій уѣздъ» и «Ярославская губернія».

Не только въ этихъ старыхъ пѣсняхъ, но даже въ современной частушкѣ встрѣчаются отголоски древняго міровоззрѣнія:

Пойдемъ, подруженька, помолимся
Рябинушкѣ сухой,
Не избавитъ ли рябинушка
Отъ славушки лихой.

Но и эти обычаи, послѣдніе слѣды народной культуры, умираютъ: и здѣсь мы должны отмѣтить, какъ трагична участь памятниковъ культуры стараго Ростова. Погибли почти всѣ мѣстные историческіе документы и замерли народныя преданія, могущія живымъ словомъ освѣтить прошлое. Крохи, дошедшія до насъ, говорятъ намъ о созданномъ когда то цѣломъ мірѣ народныхъ сказаній, теперь уже навсегда потерянномъ. Сохранилось частью то, что было занесено, болѣе или менѣе случайно, въ рукописи мѣстныхъ любителей, большей частью неизданныя и до сихъ поръ.

Въ 18-мъ и 19-мъ вѣкѣ среди всеобщаго невѣжества и непониманія гибли цѣлыя рукописныя собранія. Пожары и нашествія всѣхъ предыдущихъ эпохъ были не болѣе губительны для памятниковъ старины, чѣмъ то безразличіе къ родному прошлому, которое воцарилось въ истекшихъ двухъ столѣтіяхъ. Примѣчаніе Титова къ «Воспоминаніямъ» Артынова сохранило характерное мѣсто, при чтеніи котораго можетъ содрогнуться сердце не только антиквара, но и всякаго культурнаго человѣка.

«Покойный ростовскій гражданинъ А. И. Щениковъ, умершій въ началѣ 60-хъ годовъ въ глубокой старости, разсказывалъ намъ лично, что вскорѣ послѣ перевода Митрополіи изъ Ростова въ Ярославль въ 1785 (1795?) г. свитковъ и рукописей валялось въ башняхъ и на переходахъ архіерейскаго дома цѣлые вороха. И онъ, бывши въ то время мальчикомъ, вмѣстѣ съ товарищами вырывалъ изъ рукописей заставки и картинки, а изъ свитковъ золотыя буквы и виньетки, и наклеивалъ ихъ на латухи» [1]. Это было болѣе ста лѣтъ тому назадъ, но и теперь существенно ничто не перемѣнилось. Памятники старины гибнутъ въ меньшемъ количествѣ только потому, что ихъ самихъ стало меньше. А въ этомъ городѣ, среди монотонной, нѣсколько вялой природы, когда то умѣли жить и создавать такъ, что намъ въ памятникахъ прошлаго ясна печать нетлѣнной красоты.

[1] Артыновъ. «Воспоминанія», стр. 63.

Видъ Ростова съ озера. (Фот. М. А. Орлова).

Планъ Ростова 1830-хъ годовъ. (Изъ собранія Б. Н. фонъ Эдинга).

I.

ВОЛЬНЫЙ ГОРОДЪ.

Что же помнитъ эта низменная равнина, когда то лѣсистая, теперь открытая,—эта равнина, съ царящими надъ всѣмъ горизонталями огромнаго озера и необозримыми луговыми далями? Такъ много помнитъ она, что намъ былъ бы непонятенъ ея разсказъ о древнихъ насельникахъ края.

Однако, курганы сохранили въ себѣ нѣкоторые остатки минувшей жизни; большое количество монетъ 8—11-го вѣка свидѣтельствуетъ объ оживленныхъ торговыхъ сношеніяхъ съ Востокомъ. «Первіи насельници въ Ростовѣ Меря, въ Бѣлоозерѣ Весь», такъ отмѣчаетъ начальная лѣтопись, не помнящая возникновенія Ростова. Меря—народность финскаго племени, остановилась у Ростовскаго озера, очевидно, вслѣдствіе природныхъ мѣстныхъ богатствъ и удобства водныхъ путей. «Старѣйшіе люди, обходя окрестныя страны озера видѣша, яко мѣсто то зѣло красно и мнозіи бяху ту ловы въ дебрѣхъ лѣсныхъ и во озерѣ, обильныя пажити, многочисленныя борти и бобровыя гоны вельми имъ удобно селитися ту, и начаша жити ту собѣ» [1]. Однако, истекшіе вѣка не прошли безслѣдно ни для исторіи, ни для топографіи Ростова. Еще на памяти исторіи (17 в.) Ростовцы отстаивали судоходство по рѣкѣ Которосли, которому во многомъ были обязаны Ростовъ и Ярославль своими первоначальными богатствами; но рѣка обмелѣла и была перегорожена фабричными запрудами [2]. Также и Ростовское озеро не оставалось неизмѣннымъ; въ «Воскресенской лѣтописи» мы находимъ: «Въ лѣто 6975, ноября 1 ставясь езеро Ростовское нача выти; бысть того по двѣ недѣли, и ночи людемъ по граду не даде спати, какъ въ шестерѣ молотятъ или въ осмерѣ и на послѣ протяжно застучитъ, и за много лѣтъ того не бывало» [3].

Прекрасный отрывокъ народной пѣсни, сохраненный тѣмъ же Артыновымъ, говоритъ объ исчезнувшихъ теперь богатствахъ моря Тиннаго—Ростовскаго озера.

Ой ты гой еси, море тинное,
Море тинное, ты чужское,
Отчего тебя зовутъ озеромъ?
Оттого меня зовутъ озеромъ,

[1] Артыновъ. «Село Угодичи». [2] Ярославль не замѣтилъ потери Которосли, уже давно владѣя торговлей по всей Волгѣ. [3] Полное собраніе русскихъ лѣтописей, изд. археографич. комис., т. 8, стр. 151.

Что песку во мнѣ нѣтъ на донышкѣ
И что нѣтъ во мнѣ рыбъ заморскіихъ,
Лишь живутъ во мнѣ ершъ со щукою,
Мелка плотичка со карасикомъ,
Краснопёрый окунь со налимами.
Еще сомъ рыба, когда жалуетъ
Изъ тое-ль рѣки Волги быстрыя
Со ляземъ рыбой и со лещикомъ».

О самомъ городѣ сохранилось очень мало данныхъ. По косвеннымъ указаніямъ одной легенды городъ былъ въ нѣсколько разъ больше современнаго; его «середній ровъ» окружалъ огромныя пространства, въ настоящее время совершенно пустынныя. Огражденья города были воздвигнуты, при страшныхъ заклятіяхъ, на «головахъ девяти старѣйшинъ народныхъ». Если вѣрить записанному Артыновымъ преданію, воды двухъ рѣчекъ наполнили городской подковообразный ровъ, концы котораго были открыты въ озеро.

Въ 10-мъ вѣкѣ насельники Ростова были покорены Новгородскими колонизаторами. Ключевскій полагаетъ, что долгое сосуществованіе славянскихъ и чудскихъ элементовъ указываетъ на мирный характеръ захвата. Затѣмъ въ Ростовѣ былъ посаженъ «Мужъ отъ Олега», плательщикъ ему дани. Пока югъ былъ центромъ жизни русскаго государства, ростовская область не имѣла постояннаго пребыванія своего князя. Въ связи съ этимъ важно отмѣтить духъ вольности его сильнаго вѣча и ничѣмъ не сдерживаемое буйство его земскихъ бояръ, память о чемъ сохранилась въ преданіяхъ до 18-го столѣтія. Когда же сѣверъ становится средоточіемъ политической жизни, Андрей Боголюбскій предпочитаетъ древнему Ростову незначительный Владиміръ, не разсчитывая, очевидно, прочно устроиться въ Ростовѣ съ его давними земскими традиціями. Съ этихъ поръ начинается борьба городовъ. Лѣтописи ярко отразили страстныя вспышки ненависти вѣча обиженнаго Ростова. «Пожьжемъ Володимеръ, иль паки иного посадника въ немъ посадимъ; то суть наши холопи, каменьници» [1].

Почти сто лѣтъ съ измѣнчивымъ счастьемъ отстаивалъ Ростовъ свое первенство, неоднократно утрачивая его. Славнымъ временемъ для города было княженіе великаго князя Константина, родоначальника князей ростовскихъ, не побоявшагося, за обладаніе Ростовской областью, преступить волю своего отца — великаго князя Всеволода. За дѣятельную любовь къ просвѣщенію, Константинъ названъ въ лѣтописяхъ «Мудрымъ»; имъ было открыто (сперва въ Ярославлѣ) первое на сѣверѣ училище.

[1] Полное собраніе русскихъ лѣтописей, изд. по Высочайшему повелѣнію археографич. комиссіей. «Ипатьевская лѣтопись», стр. 117. Въ «Никоновской лѣтописи» подъ тѣмъ же 1175 годомъ стоитъ: «пожжемъ вся, и возмемъ градъ, и посадника въ немъ своего посадимъ; тѣ бо суть холопи наши, каменосѣчцы и древодѣли».

Восточные патріархи, на ряду съ религіозными реликвіями, присылали Великому князю и рукописи. Въ княжескомъ книгохранилищѣ было около тысячи греческихъ книгъ. Татарское нашествіе, гибельное для всей Россіи, тяжело отразилось на Ростовѣ; древній городъ нашелъ выраженіе своей скорби въ словахъ юнаго князя Василька, замученнаго татарами: «Младая память моя желѣзомъ погыбнетъ и тонкое мое тѣло увядаетъ» [1]. Тяжело было Ростову, гордившемуся уже древней славой, примириться съ владычествомъ «поганыхъ». Подъ 1262 г. мы находимъ въ «Воскресенской лѣтописи»: «Избави Богъ отъ лютаго томленіа бесрьменскаго люди Ростовскіа земли молитвами святыа Богородицы и вложи ярость Христіанамъ во сердце, не можаху бо уже терпѣти насиліа поганыхъ и созвонише вѣче, а выгнаше ихъ изъ градовъ: изъ Ростова, изъ Володимеря, изъ Суждаля, изъ Ярославля, изъ Переяславля; окупаху бо тіи окаянніи бесрьмена дани у татаръ и отъ того пагубу велику творяху людемъ, работяще люди христіаньскіа въ рѣзѣхъ и многи души разведени быша; человѣколюбець же Богъ нашъ милосердіемъ своимъ избави люди своя ото великія бѣды».

II.

ПОДЪ ВЛАСТЬЮ МОСКВЫ.

12877.

Въ 13—14-мъ вѣкѣ наступаетъ дробленіе и мельчаніе Ростовскаго княжества. «Что ни село, то князь, что ни деревенька, то князекъ». «У семи ростовскихъ князей одинъ воинъ»,—иронически отмѣтили народныя пословицы. Это дробленіе подрывало значеніе и силу Ростова и укрѣпляло возвышеніе хищной Москвы. «Увы, увы тогда граду Ростову,—находимъ мы въ житіи преп. Сергія,—паче-же и княземъ ихъ, яко отъяся отъ нихъ власть и княженіе и имѣніе и честь и слава и вся прочая и потягну к Москве» [2].

Неистовства Московскихъ намѣстниковъ вызвали въ населеніи панику. Многіе бояре Ростовскіе оставили древній и славный, но безправный городъ и предпочли ему область вѣроломной, но гостепріимной Москвы. Въ 1474 г. послѣдняя часть Ростова была куплена Іоанномъ III. Утерявъ политическое значеніе, Ростовъ надолго сохранилъ значеніе религіозное. «Теперь я уже ничѣмъ неохужденъ передъ другими», воскликнулъ Андрей Боголюбскій, узнавъ объ открытіи мощей св. Леонтія въ Ростовѣ, первыхъ мощей въ его области [3].

[1] «Новгородская четвертая лѣтопись», т. 4, стр. 32. [2] «Великія минеи четіи, собранныя всероссійскимъ митрополитомъ Макаріемъ». Изд. Археографич. Комиссіи. Мѣсяцъ сентябрь. [3] Корсаковъ. «Меря и Ростовское княжество», стр. 139.

Значеніе святыни для Ростовской области намѣчаютъ строки изъ службы: «Римская земля хвалитъ Петра и Павла, Греческая земля—Константина-царя, Кіевская Князя Владиміра; а Ростовская земля тебя, великій святителе Леонтіе, ублажаетъ, сотворшаго дѣло равноапостольнаго». Цѣлый рядъ Ростовскихъ епископовъ, архіепископовъ и митрополитовъ, святыхъ, преступныхъ, ничтожныхъ и значительныхъ проходятъ въ «Архереомъ Ростовскимъ лѣтописи»,—приписываемой святителю Дмитрію. Изъ этой лѣтописи мы беремъ описаніе горестей, выпавшихъ и на Ростовъ въ смутное время. Еще заранѣе Ростовскій митрополитъ Іона II, будучи въ Москвѣ у патріарха и у царя, предчувствовалъ «лихолѣтье» и указывалъ на Григорія Отрепьева. «Той въ царство Бориса Годунова, на Москвѣ, у святѣйшаго патріарха Іова видѣвъ живуща діакона потаеннаго вора-Гришку Отрепьева, изъ Чудова монастыря въ домъ патріаршескій взята, пророчески о немъ патріарху возвѣсти, яко сей чернецъ діаволу сосудъ будетъ. Патріархъ же тому не внимаше. Преосвященный же сей митрополитъ ростовскій Іона, по малѣмъ времени, и самому царю Борису сказа, яко чернецъ той самому сатанѣ сосудъ есть» [1].

На ряду съ общеизвѣстными героями смутнаго времени народъ выдѣлилъ въ Ростовѣ «Героя религіозной мысли и религіознаго чувства, который своими подвигами ясно обозначилъ сокровенныя народныя думы о событіяхъ времени» [2]—преподобнаго Иринарха, затворника Ростовскаго Борисоглѣбскаго монастыря. Въ тѣсной кельѣ затворника своеобразно отражалась жизнь въ его эпохѣ. Въ годъ первой попытки закрѣпощенія крестьянъ преподобный приковалъ себя желѣзнымъ ужищемъ къ тяжелому обрубку дерева. «Ужище затворника,—говоритъ Забѣлинъ, служило какъ бы прообразованіемъ крѣпостного ужища, наложеннаго государствомъ на вольныхъ людей. Шесть лѣтъ старецъ Иринархъ трудился на трехъ саженяхъ ужища. Въ это время смутныя дѣла стали затягиваться сильнѣе. Въ Угличѣ погибъ царевичъ Дмитрій. Въ правительствѣ ходила мысль о закрѣпощеніи всего крестьянскаго населенія. И вотъ, преподобный и себѣ прибавилъ еще три сажени желѣзнаго ужища, которое получилъ, по замѣчательному совпаденію обстоятельствъ, отъ одного христолюбца изъ того же Углича. Прошло еще шесть лѣтъ, и въ 1598 г., когда уже явился прямой указъ о закрѣпощеніи крестьянъ, когда съ кончиною царя Ѳеодора пресѣкся на русскомъ престолѣ царскій Рюриковъ корень и внутреннія дѣла стали запутываться въ новыя ужища и цѣпи, у преподобнаго подвижника тоже прибыло еще три сажени ужища, полученныя отъ нѣкоего брата, также «трудившагося въ желѣзѣ».

Въ тягостномъ 1611 году Иринархъ получилъ ужище старца Тихона, бывшаго въ томъ же Борисоглѣбскомъ монастырѣ, съ этихъ поръ преподобный носилъ на

[1] «Архереомъ Ростовскимъ лѣтопись», изд. Общ. любителей древней письменности, стр. 11. [2] И. Е. Забѣлинъ. «Мининъ и Пожарскій. Прямыя и кривыя въ смутное время». Москва. 1901 г.

Юго-восточная глава собора.
(Фот. Д. Н. фонъ Эдинга).

себѣ цѣнь въ двадцать саженъ. Но старецъ Иринархъ проходилъ свой подвигъ не въ одномъ этомъ двадцатисаженномъ ужищѣ, которое съ такою изобразительностью обозначаетъ ходъ смутной исторіи. При всемъ этомъ, старецъ, сидя даже и въ крѣпкомъ затворѣ, отнюдь не удалялъ своихъ мыслей и отъ общихъ дѣлъ государства. Онъ чутко стерегъ ходъ народныхъ событій, тѣмъ болѣе, что важнѣйшія изъ нихъ почти всѣ проходили, такъ сказать, въ виду его затвора, по той же Ярославской и Ростовской дорогѣ, съ сѣвера на югъ въ Москву.

Однажды, еще въ 1608 г., видитъ онъ въ тонкомъ снѣ потрясающую картину всеобщаго бѣдствія. Вотъ царствующій городъ Москва посѣчена отъ Литвы, все царство поплѣнено, разграблено, пожжено. Проснувшись, сталъ онъ плакать и сокрушаться о видѣніи. Поплакавъ довольно, онъ успокоился. Тогда внезапно озарилъ его праведный свѣтъ и изъ свѣта послышался голосъ, повелѣвавшій итти въ Москву и разсказать царю Василью (Шуйскому), что все это непреложно сбудется. Старецъ оставляетъ свой многолѣтній затворъ, поспѣшаетъ въ Москву; по обычаю,

сначала приходитъ въ Успенскій соборъ, оттуда его зовутъ во дворецъ. Представъ царю, старецъ благословляетъ его своимъ крестьянскимъ поклоннымъ крестомъ и возвѣщаетъ пророчество: «Я пришелъ разсказать тебѣ правду... А, ты, царь, стой въ вѣрѣ твердо и непоколебимо»,—заключилъ свою бесѣду затворникъ. Эта правда, конечно, состояла въ той народной мысли, что, по ходу дѣлъ, въ царствованіе Шуйскаго уже невозможно было отвратить грядущихъ для отечества бѣдствій; что бѣды собирались со всѣхъ сторонъ уже по той одной причинѣ, что царемъ былъ Шуйскій; и само пророчество затворника являлось какъ бы обличеніемъ царю, не показавшему достойныхъ силъ и талантовъ въ борьбѣ со смутными обстоятельствами. Однако, народная мысль желала злополучному царю, чтобы стоялъ онъ въ своемъ злополучіи твердо и непоколебимо» [1]. Но наступило «лихолѣтье», и страна была предоставлена грабежу и полному разоренію.

«Архереомъ Ростовскимъ лѣтопись» подробно разсказываетъ о нашествіи на Ростовъ поляковъ въ 1609 г. Къ отряду Сапѣги примкнули люди Переяславля Залѣсскаго и «поидоша ко граду Ростову, вѣдуще того некрѣпка суща». Ростовцы, услышавъ о приближеніи врага, не готовились къ оборонѣ; они бросились къ митрополиту Филарету Никитичу, прося благословенія бѣжать въ Ярославль. «Онъ же увѣщаваше и утверждаше ихъ стояти крѣпко за православную христіанскую вѣру, и за царя своего ему же и крестъ цѣловаша, и глагола къ нимъ: аще и одолѣны отъ супостатъ нашихъ и избіены будемъ, то вѣнцы мученическіе отъ Бога пріимемъ. Люди-же молиша его да и самъ со ними въ Ярославль пойдетъ; а святитель Божій, яко адамантъ твердый стоявъ непоколебимъ, съ мужественнымъ великодушіемъ отвѣщавъ рече имъ: аще ми будетъ и многія муку претерпѣти, дому пречистыя Богородицы и святыхъ ростовскихъ чудотворцевъ не оставлю. То слышавше отъ него людіе овыи бѣжаша въ Ярославль, а друзіи, яко овцы при пастырѣ своемъ, при архіереѣ божіи осташася».

Лишь только стало извѣстно, что непріятель приближается уже къ городу, Святитель прошелъ въ соборъ, гдѣ, какъ въ послѣдней твердынѣ беззащитнаго города, собрались оставшіеся горожане. Духовенство облеклось въ лучшія ризы, причастилось и началось причащеніе людей, готовящихся къ смерти. Переяславцы и Литва уже вступили въ городъ, убивая, грабя и сжигая все попадавшееся на пути.

«Митрополитъ-же повелѣ утвердити двери; и начаше тіи къ нимъ приступати и біюще сокрушаху двери и добывати церковь. Митрополитъ же ко дверямъ пришедъ, начатъ говорити къ переяславцамъ увѣщевая отъ божественнаго писанія, чтобы помнили свою православную христіанскую вѣру и отъ литовскихъ бы людей отстали, и чтобы обратилися ко своему государю, ему же крестъ цѣловаша; а пере-

[1] «Е. И. Забѣлинъ. Мининъ и Пожарскій. Прямыя и кривыя въ смутное время». Москва. 1901 г.

Ростовская митрополія.

яславци, яко волцы возопиша веліемъ гласомъ и начаше жесточае въ двери бити, и выбивше двери, начаше сѣщи людей и изсѣкоша множество неповиннаго народа, а митрополита съ мѣста его жива взяша и святительскія одѣянія содраша съ него и одѣяше его въ худыя одѣянія и даше ему пристава. Раку же чудотворца Леонтія златую снемше, разсѣкоше на части и по жребіямъ раздѣлиша себѣ, и всю казну церковную и архіерейскую и градскую разграбиша, и вся церкви и весь градъ раззориша и опустошиша, а митрополитя отослаша въ село глаголемое Тушино еже близъ Москвы, въ коемъ Тушинѣ тогда воръ, иже звашеся ложно царевичемъ Димитріемъ, со измѣнниками быше» [1].

Но уже въ Ярославлѣ возникало великое дѣло—спасеніе родины силами народа. Митрополитъ Кириллъ, еще раньше бывшій на Ростовской митрополіи, очевидно былъ памятенъ и любимъ народомъ. Возникшія въ Ярославлѣ несогласія были улажены Ростовскимъ митрополитомъ, прибывшимъ сюда для этого изъ Троицкой лавры. «Изыде изъ келіи своея и прінде въ градъ Ростовъ, скуденъ сущь по раззореніи и прослезися о немъ; таже иде въ Ярославль и утѣши люди божія пришествіемъ своимъ и укрѣпляша я, и бываемыя между ими свары разсуждая уми-

[1] «Архереомъ Ростовскимъ лѣтопись».

ряше ихъ» [1]. А разореніе города было велико, и нескоро поправлялся Ростовъ, пережившій уже эпохи славы, доблести и богатства. До января 1612 г. въ Ростовѣ были поляки, но уже во время проѣзда Михаила Ѳеодоровича, разоренный Ростовъ съ возможной торжественностью чествовалъ юнаго царя. Михаилъ Ѳеодоровичъ со «старицею»—своею матерью пріѣхалъ наканунѣ Благовѣщенія. На владычномъ дворѣ ему была приготовлена «Красная Палата». На другой день, послѣ торжественной литургіи въ томъ же соборѣ, гдѣ былъ схваченъ поляками Филаретъ Никитичъ, царь принималъ хлѣбъ-соль отъ земства.

При этомъ были «князь Владимиръ Ивановичъ Бахтеяровъ, князь Афанасій Васильевичъ Лобановъ, посадскіе люди, Василій Зыковъ, Иванъ Черемчинъ, Максимъ Шелудяковъ, Давыдъ Приваловъ, Ievъ Тимоновъ, Лукьянъ Голицынъ, Ѳедоръ Кичигинъ, Гурко Мальгинъ, Борисъ Говядиновъ, Никита Щаповъ, Елисей Серебренниковъ, Кипріанъ Щеткинъ всесвятскій и Василій Ломтевъ и другихъ сословій люди, соколей помытчикъ Васька Кѣкинъ, Соколей помытчикъ Петръ Шестаковъ» [2].

Но еще въ 1619 г., когда князь Иванъ Борисовичъ Черкасскій «дозиралъ живущее и пустое, что запустело во Ростовѣ»..., безотрадную картину представлялъ городъ. Въ «Дозорной книгѣ» этого года мы зачастую встрѣчаемъ мѣста въ родѣ нижеслѣдующаго: «Мѣсто пожарное Олеши Ошанина, а онъ былъ въ земскихъ старостахъ и литовскіе люди его ссѣкли, а тѣло его собаки сіели. Мѣсто пожарное Дьячка Князева, а онъ убитъ. Мѣсто пожарное Нежданка Оладьина: скитаетца по миру. Дворъ Лучки Ермольева: обнищалъ...» [3]. Однако, городъ богатѣлъ и обстраивался, а память перенесенныхъ погромовъ была еще жива; въ 1632 г., «по особому вниманію къ Ростову Царя и Великаго князя Михаила Ѳеодоровича», въ Ростовѣ начали сооружать новый валъ, на протяженіи почти трехъ верстъ, съ двумя каменными и третьимъ деревяннымъ подземными ходами. Въ Хлѣбниковской рукописи [4] была выдержка о сооруженіи этого вала. «Въ 140 году въ Ростовѣ почали дѣлать городъ земляной тремя городы Ростовомъ Кинешмой, Пошехоньемъ, а работниковъ было пѣшихъ 1000, да конныхъ 100 а землю, на городъ возили телешками на одномъ колесѣ дѣланы, а конныя телеги были дѣланы на дву колесѣхъ. Ящики на ветлугахъ. а Мастеры были нѣмцы [5]. а дѣлали 3 лѣта».

[1] «Архереомъ Ростовскимъ лѣтопись». [2] Списокъ приведенъ въ рукописи Артынова «Лѣтописецъ Ростовской» безъ указанія источника; рукопись эта, на ряду съ испорченными легендами о Ростовской старинѣ и недостойными сплетнями для 19-го в., сообщаетъ массу драгоцѣннѣйшихъ, часто документальныхъ свѣдѣній, требующихъ, конечно, осторожнаго отношенія; часть приходится отбросить, какъ не достовѣрное, часть оставить подъ сомнѣніемъ. Въ распоряженіи Артынова были рукописи, утраченныя уже навсегда. «Лѣтописецъ» переданъ въ составѣ собранія рукописей А. Титова въ Имп. Публичную Библіотеку въ Спб. [3] А. Титовъ. «Дозорныя и переписныя книги города Ростова». [4] Теперь поступившей въ числѣ другихъ изъ собранія А. Титова въ Имп. Публ. Библіотеку въ Спб. [5] У Артынова въ рукописи стоитъ имя нѣмчина Горододѣльца—Янъ. У В. Лѣствицына «Отъ Ярославля до Москвы». Ярославль. 1869 приведено изъ «Актовъ юридическихъ» полностію: «имя нѣмчина—Янъ Корниловъ Класенъ Клютингъ».

Іона Сысоевичъ.
1607 (?)—1690 г.

Съ портрета, находящагося въ «Бѣлой палатѣ».
(Фот. И. Ф. Борщевскаго).

III.

ЭПОХА ІОНЫ СЫСОЕВИЧА.

Въ 1562 г. на Ростовскую митрополію вступаетъ Іона Сысоевичъ—Іона III, имя котораго прославили архитектурные памятники Ростова и Углича. *Стр. 21, 27.*

Поздній портретъ Іоны, по всей вѣроятности, правильно передаетъ простонародныя «заботныя» черты великоросса. *Стр. 23.* Іона не былъ родовитъ; его отецъ былъ попомъ на глухомъ погостѣ близъ деревеньки Ангелово,—но мѣсто родины всегда было памятно Іонѣ; грандіознымъ храмомъ въ 365 оконъ онъ отмѣтилъ глухой погостъ, будучи уже всесильнымъ митрополитомъ [1].

Въ Угличскомъ Воскресенскомъ монастырѣ, гдѣ прошли иноческіе годы Іоны, была воздвигнута въ 1674 г. цѣлая группа церквей, колокольни и придѣловъ, связанныхъ папертями. *Стр. 164—170.* Бѣлогостицкій и Богоявленскій монастыри, гдѣ Іона былъ архимандритомъ и настоятелемъ, были украшены храмами и росписью. Но Іона не былъ провинціальнымъ владыкою, отъ скуки занимающимся строительствомъ. Безъ его участія не проходило ничего значительнаго въ жизни русской церкви, и одно время онъ былъ мѣстоблюстителемъ Патріаршаго престола.

[1] Храмъ сгорѣлъ отъ молніи уже въ 17-мъ вѣкѣ. Артыновъ отмѣчаетъ, что съ многочисленными переходами онъ напоминалъ одновременно и Василія Блаженнаго и Новоіерусалимскій храмъ Патріарха Никона; окна были посвящены князьямъ, царямъ и іерархамъ. Артыновъ. «Лѣтописецъ Ростовской», его-же «Воспоминія»; Титовъ, прим. къ «Архереомъ Ростовскимъ лѣтопись».

Сохранилось «окружное посланіе», обращенное къ паствѣ новымъ пастыремъ, вступающимъ на Ростовскую митрополію; очень обширное, оно приводится нами только въ выдержкахъ; сперва оно наполнено убѣжденіями, увѣщаніями, затѣмъ угрозами. Оно заканчивается слѣдующими строками, характернѣйшими для эпохи: «Аще-ли же отъ Бога поданное вамъ исправите, тогда въ день страшнаго суда предъ Судіею чисти станете, и тогда и азъ многогрѣшный, аще и самъ не исправился, но съ вами вѣренъ свидѣтель вамъ, яко исправилъ заповѣди Божія. Невѣжа есми, искусу духовному недостаточенъ есми отъ божественныхъ словесъ изглаголати и не имѣю витійскаго ученія, а нравомъ грѣхолюбителенъ и человѣкомъ досадителенъ, только отчасти совѣтъ духовенъ подаваю вамъ (понеже чада ми естя, и отъ грѣшна мужа дѣтемъ святымъ мощно родится понеже силенъ и всемощенъ Богъ немощна въ силѣ устроити). слышите, чадца моя» [1].

Однако, самъ Іона, «безмолвно» преданный Никону, не совмѣстилъ счастливо голубиной кротости и мудрости змѣя; въ конфликтѣ между царемъ и патріархомъ онъ искалъ двухъ путей.

Митрополитъ Макарій живо разсказываетъ случай, заставившій Іону сойти съ мѣстоблюстительства Патріаршаго престола. «1664 года въ ночь съ 17 на 18 декабря, подъ недѣлю св. отецъ, часа за полпятаго (4½) до свѣта, къ Никитскимъ воротамъ города Москвы подъѣхало до десяти саней съ сидѣвшими на нихъ людьми и человѣкъ пять или шесть верховыхъ. Они постучали въ ворота, которыя были заперты, и, объявивъ часовому стрѣльцу, что ѣдетъ звенигородская (т. е. Саввина монастыря) власть, велѣли открыть ворота, и были пропущены. То же самое они объявили потомъ и также были пропущены у смоленскихъ воротъ, у троицкихъ, у отводной башни и быстро поѣхали къ Успенскому собору. Въ соборѣ шла заутреня, читалась вторая каѳизма. Вдругъ загремѣли сѣверныя двери и въ церковь съ шумомъ двинулось множество людей: впереди шли «напроломъ, съ великимъ безстрашіемъ» люди «въ служиломъ платьѣ», за ними старцы, за старцами несли крестъ,

[1] «Акты историческіе», изд. Археографич. Комиссіи. Спб. 1842 г., т. IV, стр. 179. Приведено по современному списку, находившемуся въ собраніи П. М. Строева. Есть списокъ и въ Новгородскомъ Софійскомъ соборѣ. ...«Молю любовь вашу, украшайтесь духовнаго свѣта образомъ; аще-ли же богатѣете отъ божественныхъ словесъ поученіемъ, не токмо безгрѣшни будете, но и паче прехвални сотворите себѣ судбы. Вѣдите, брати, Господь свѣсть помышленія человѣческая: что можетъ отъ него утаенно бысть? Блаженъ человѣкъ его-же накажетъ Господь; люто есть, еже отемнѣти и отпасти величествія Божія: да не входитъ безуміе въ помыслы ваша, да не ослѣпѣетъ умъ вашъ, понеже зрѣти и не видѣти, и слышати и не чувствовати да не будетъ вина сему». ...«А будетъ кто отъ мірскихъ поповъ и дьяконовъ, или отъ простыхъ людей кто явится безстрашникомъ, или обрящется въ каковѣ безчиніи, а то намъ учинится вѣдомо: и таковыхъ безчинниковъ будемъ казнить казнію церковною по святымъ Правиламъ, безъ милости, понеже бо не показали святіи Отцы и Апостоли въ своихъ правилѣхъ ни пощадѣнія, ни милости, и отъ насъ милости не будетъ же. Да и то вамъ буди вѣдомо: аще гдѣ во градѣ, или въ селѣхъ, или гдѣ ни есть явится сопротивникъ дѣлу Божію, или отъ божественнаго Писанія поученію кто учнетъ соперникъ быти, или кто истиннаго пастыря и учителя, архимандрита или игумена, или попа, или дьякона поносити учнетъ; и мы на таковыхъ раскольниковъ, съ Божіею помощію, готовимся на таковыхъ намъ волковъ ловить будетъ, якоже на душевныя разбойники готова духовная палица».

а за крестомъ слѣдовалъ патріархъ Никонъ съ посохомъ въ рукахъ. Крестъ поставили въ церкви у Спасова образа, противъ патріаршаго мѣста; а Никонъ взошелъ на патріаршее мѣсто и, отдавъ свой посохъ одному изъ старцевъ, взялъ стоявшій тамъ посохъ святителя Петра. Старцы запѣли: «исъ полла эти деспота» и потомъ: «достойно есть»... Никонъ приказалъ остановить чтеніе псалтири, а соборному дьякону Михаилу велѣлъ говорить ектенію: «помилуй насъ, Боже», и самъ, съ посохомъ святителя Петра, пошелъ прикладываться къ святымъ иконамъ, къ мощамъ чудотворцевымъ и къ ризѣ Господней. Возвратившись на патріаршее мѣсто, Никонъ, когда окончилась ектенія, за которою поминалось и его имя, прочелъ молитву: «Владыко многомилостиве», и послалъ сказать митрополиту Іонѣ, находившемуся въ церкви, чтобы шелъ подъ благословеніе къ патріарху... Іона въ испугѣ не осмѣлился противиться Никону и явился принять у него благословеніе, которое, вслѣдъ за митрополитомъ, приняли также протопопъ и прочія духовныя лица, бывшія въ церкви, а за ними многіе изъ народа. Тогда Никонъ послалъ Іону, вмѣстѣ съ своимъ воскресенскимъ архимандритомъ и ключаремъ собора, къ великому государю и велѣлъ возвѣстить о своемъ приходѣ.

Царь, находившійся также на утренней службѣ въ церкви преподобной мученицы Евдокіи, что у него на сѣняхъ, былъ пораженъ извѣстіемъ, какое передали ему Іона и ключарь и тотчасъ же послалъ звать къ себѣ думныхъ бояръ и архіереевъ. Весь дворъ внезапно освѣтился и въ немъ происходили шумъ, бѣготня и общее смятеніе, какъ будто случилось неожиданное нашествіе враговъ... Царь негодовалъ, бояре кричали, архіереи призывали Бога».

При разбирательствѣ болѣе всѣхъ виноватымъ оказался Ростовскій митрополитъ Іона, и именно въ томъ, что принялъ благословеніе отъ патріарха Никона и своимъ примѣромъ увлекъ къ тому же другихъ. Государь, какъ только услышалъ изъ устъ Іоны сознаніе въ этомъ, сказалъ ему: «ты, митрополитъ, поставленъ блюстителемъ соборныя церкви, и зналъ соборное изложеніе всѣхъ васъ, подъ которымъ есть и твоя рука: что патріархъ Никонъ самовольно оставилъ свой престолъ и обѣщалъ на него не возвращаться». Іона оправдывался предъ государемъ и говорилъ, что совершилъ то забвеніемъ, устрашась его, Никона, и его внезапнаго пришествія. Но государь, какъ самъ выразился,—«за такое презрѣніе Іоною изложенія всего освященнаго собора и за неопасное блюстительство соборныя церкви» не захотѣлъ принять отъ Іоны благословенія, и велѣлъ разсмотрѣть дѣло собору.

Архіереи, собравшись 22 декабря въ патріаршей Крестовой палатѣ, признали митрополита Іону виновнымъ въ томъ, что онъ, забывъ свое соборное рукоподписаніе и будучи намѣстникомъ патріаршаго престола, прежде всѣхъ принялъ благословеніе отъ бывшаго патріарха Никона и тѣмъ подалъ худой примѣръ прочимъ церковникамъ. Но желая оказать снисхожденіе къ немощи своего брата,

предложили ему, чтобы онъ, по обычаю, какой существуетъ въ подобныхъ сомнительныхъ случаяхъ на востокѣ, возложивъ на себя епитрахиль и омофоръ, очистилъ себя отъ зазора слѣдующею клятвою: «свидѣтельствуюсь Богомъ, что я не имѣлъ никакого согласія и совѣта съ бывшимъ патріархомъ Никономъ о пришествіи его на престолъ; что принялъ отъ него благословеніе безъ хитрости, будучи устрашенъ его внезапнымъ пришествіемъ и одержимъ ужасомъ, и что въ то время мнѣ не пришло на умъ мое соборное рукоподписаніе, которое сотворилъ я о непріятіи Никона на патріаршескій престолъ».

Соборъ постановилъ: «митрополиту Іонѣ блюстителемъ соборныя апостольскія церкви впредь не быть, а въ томъ его внезапномъ прегрѣшеніи быть свободнымъ и въ соборной церкви, въ своей ему прежней степени, сообщаться и служить невозбранно»; государь 2 марта своими грамотами извѣстилъ всѣхъ архіереевъ, что онъ, посовѣтовавшись съ освященнымъ соборомъ, указалъ: «митрополиту Іонѣ быть на митрополіи въ Ростовѣ, а на Москвѣ блюстителемъ соборныя апостольскія церкви быть Павлу митрополиту» [1].

Іона лишился своего высокаго назначенія, но этимъ не было уничтожено его личное вліяніе въ Москвѣ; извѣстно, что почти каждый годъ онъ присутствовалъ на соборахъ, надолго отлучаясь изъ своей митрополіи, но его эпоха оставила въ Ростовѣ цѣлый рядъ памятниковъ, говорящихъ о плѣнительныхъ замыслахъ владыки, украшавшаго свой престолъ архитектурой и живописью.

Что же это было за время? какова была обыденная жизнь тѣхъ, кто оставилъ по себѣ слѣды высокаго лучезарнаго творчества? Одно «дѣло» воскрешаетъ передъ нами жизнь эпохи не въ творческомъ моментѣ, а въ тяжелой повседневности, въ темнотѣ народной жизни.

«Изъ преданій старины извѣстно, что владыки митрополиты особенно торжественно праздновали въ Ростовѣ день св. Леонтія, Ростовскаго чудотворца,—23 мая. Гости и богомольцы съѣзжались въ Ростовъ за нѣсколько дней до праздника и отъ этихъ съѣздовъ образовалось нѣчто въ родѣ небольшой ярмарки, которая еще и до днесь славится у ростовскихъ торговцевъ, какъ порядочный базаръ 23 мая. Съѣздъ епископовъ, архимандритовъ, игуменовъ съ иноками и служками, почетныхъ гостей и крестьянъ съ оброками представлялъ чрезвычайно разнообразную картину. Особенно было интересно видѣть, когда, послѣ торжественнаго служенія у мощей угодника въ древнемъ соборѣ, было шествіе въ кремлевскій митрополичій домъ, въ бѣлую гостиную палату, гдѣ происходила обильная трапеза. Не забывался и народъ: ему выкачивали на площадь близъ собора нѣсколько сотъ бочекъ пива, которое, конечно, не долго оставалось послѣ того въ бочкахъ.

[1] Макарій. «Исторія русской церкви», т. XII.

Западная стѣна Ростовской митрополіи.

И вотъ, въ одинъ изъ такихъ праздниковъ, въ 1693 г., когда пиршество было въ самомъ разгарѣ и пиво въ бочкахъ стало быстро усыхать, митрополичій слуга Никита Хухаревъ затѣялъ ссору съ посадскимъ Гришкой Севастьяновымъ. Какъ видно изъ сыскного дѣла, Севастьяновъ хотѣлъ не только выпить, но и пообѣдать на митрополичьемъ дворѣ, а за обѣдомъ кормили только пріѣзжихъ гостей, да домовыхъ крестьянъ. Ни къ тѣмъ, ни къ другимъ Григорій не принадлежалъ, и митрополичьи слуги стали отъ столовъ его гнать, а Никита Хухаревъ началъ еще и насмѣхаться и «сказывать», что де «ты нищаго то притворяешь», есть де, «у тебя съ осмину жемчуга, а съ деньгами не одна де кадушка». Севастьяновъ такихъ поносныхъ рѣчей не стерпѣлъ, и взялъ митрополичьяго служку за бороду и такъ трясъ, что «добрый клокъ бороды въ рукахъ оставилъ». Начался крикъ, за Хухарева вступились другіе митрополичьи слуги, за Севастьянова — посадскіе и совершилось сраженіе. Дѣло разыгралось близъ деревянныхъ навѣсовъ «блинныхъ» около ветхаго гостинаго двора: во время свалки навѣсы рухнули надъ очагами съ горячими углями; вспыхнулъ пожаръ, запылали лавки. Къ счастью, какъ значится

въ актахъ, по Божьему милосердію и заступничеству угодника Леонтія чудотворца, вдругъ пошелъ столь сильный дождь, что пожаръ сталъ ослабѣвать и скоро прекратился. Однако, сгорѣлъ гостиный дворъ, три ряда лавокъ и «съѣзжая изба». Обгорѣла и церковь св. Екатерины, стоявшая въ центрѣ торговыхъ рядовъ.

Начался судъ и розыскъ. Митрополичій слуга Никита Хухаревъ да посадскій человѣкъ Гришка Севастьяновъ были пойманы и «пытаны: дано три стряски, по десяти ударовъ клещами и огнемъ жжены и въ петлѣ висѣли», но съ пытки твердили только одно, что были пьяны и никакого худого вымысла за собою не вѣдаютъ. Дѣло окончилось тѣмъ, что преступники были «биты кнутомъ на козлѣ и въ проводку» [1].

«Во время судебнаго процесса произошелъ слѣдующій замѣчательный случай. Ростовскимъ воеводой въ это время былъ Василій Кафтыревъ, человѣкъ жестокій, не знавшій никакого состраданія и жалости. Съѣзжая изба сгорѣла и была переведена въ холодныя каменныя палатки подъ соборною колокольнею. 20 іюня, во время особенно почитаемаго тогда Ростовцами праздника Владимірской Божіей Матери, чудотворная икона которой составляетъ главную святыню соборнаго храма, митрополитъ служилъ обѣдню, а въ нѣсколькихъ шагахъ отъ собора воевода чинилъ розыски по пожарному дѣлу.

Когда преступниковъ пытали и въ другоредь клещами и «огнемъ жгли», митрополитъ въ открытое соборное окно услыхавъ неистовые крики своего митрополичьяго слуги Никитки Хухарева, приказалъ остановить богослуженіе. Онъ послалъ сказать воеводѣ Василію Кафтыреву, что пока не перестанетъ мучить и истязать его вѣрныхъ слугъ, онъ не станетъ продолжать литургіи. Воевода, должно быть уважая гнѣвъ ростовскаго владыки, прекратилъ расправу до другого дня» [2].

Живую картину стараго русскаго судопроизводства, былого сутяжничества и ябедничества, даетъ народная сатирическая сказка, созданная, очевидно, гдѣ то около Ростова. Въ рукописи 18-го вѣка она носитъ заголовокъ: «Списокъ съ суднаго дѣла слово въ слово, какъ былъ судъ у Леща съ Ершомъ»; проще она называлась «сказкой о Ершѣ Щетинниковѣ».

«Рыбамъ господамъ: великому Осетру и Бѣлугѣ, Бѣлой-рыбицѣ, бьетъ челомъ Ростовскаго озера сынишко боярской Лещъ съ товарищи. Жалоба, господа, намъ на злаго человѣка на Ерша Щетинникова и на ябедника. Въ прошлыхъ, господа, годѣхъ было Ростовское озеро за нами; а тотъ Ершъ злой человѣкъ Щетинник(ов)ъ наслѣдникъ лишилъ насъ Ростовскаго озера, нашихъ старыхъ жировъ; расплодился тотъ ершъ по рѣкамъ и озерамъ; онъ собою малъ, а щетины у него аки лютыя рох(г)атины, и онъ свидится съ нами на стану—и тѣми острыми своими щетинами подкалываетъ наши бока и прокалываетъ намъ ребра, и суется по рѣкамъ и озе-

[1] А. Титовъ. «Кремль Ростова Великаго». [2] А. Него. «Родныя картинки».

рамъ, аки бѣшеная собака, путь свой потерявъ. А мы, господа христіански, лукавствомъ жить не умѣемъ, а браниться и тягаться съ лихими людьми не хотимъ, а хотимъ быть оборонены вами, праведными судьями»..

Дали говорить Ершу:

«...Я, господа, Ершъ божіею милостію, отца своего благословеніемъ и материими молитвами, не смутщикъ, не воръ, не тать и не разбойникъ, въ приводѣ никогда не бывалъ, воровского у меня ничего не вынимывали; человѣкъ я доброй, живу я своею силою, а не чужею; знаютъ меня на Москвѣ и въ иныхъ великихъ Городахъ князи и бояря, стольники и дворяня, жильцы московскіе дьяки и подьячіи и всякихъ чиновъ люди и покупаютъ меня дорогою цѣной, и варятъ меня съ перцомъ и съ шав(ф)раномъ и ставятъ передъ собою честно. И многіе добрые люди кушаютъ съ похмелья и, кушавши, поздравляютъ»...

Послѣ долгихъ препирательствъ «судьи послали пристава Окуня и велѣли взять съ собою въ понятыхъ Миня (налима), приказали взять ко правдѣ переславскую Сельдь. Приставъ же Окунь емлетъ въ Понятыхъ Миня, и Мень Окуню-приставу сулитъ посулы великіе и рече: «Господине Окуне! Азъ не гожуся въ понятыхъ быть: брюхо у меня велико—ходить не смогу, а се глаза малы—далеко не вижу, а се губы толсты—передъ добрыми людьми говорить не умѣю»... Переславская сельдь рече въ правдѣ: «Леща съ товарищи знаютъ; Лещъ человѣкъ доброй, христіянинъ Божій, живетъ своею, а не чужей (силою); а Ершъ, господа, злой человѣкъ,—Щетинникъ»... Поставленный въ свидѣтели Осетръ тоже далъ показанія не въ пользу Ерша: «Азъ, господа, не въ правдѣ [1] и не въ послушествѣ, а впрямь (скажу): слышалъ про того Ерша, что сварятъ его въ ухѣ, а столько не съѣдятъ, сколько расплюютъ».

Послѣ этой общей неблагопріятной характеристики Осетръ разсказывалъ о коварствѣ Щетинника:

Шелъ разъ Осетръ жить въ Ростовское озеро. Повстрѣчался ему Ершъ, спрашиваетъ: «Братецъ Осетръ, гдѣ идеши?» И азъ ему повѣдалъ: «Иду къ Ростовскому озеру и къ рѣкамъ жировать». И рече ми Ершъ: «Братецъ Осетръ, когда азъ шелъ Волгою-рѣкою, тогда азъ былъ больше тебя и доле; бока мои терли у Волги-рѣки береги, очи мои были аки полная чаша, хвостъ же былъ аки большой судовой парусъ; а нынѣ, братецъ Осетръ, видишь ты и самъ, каковъ я сталъ скуденъ,—иду изъ Ростовскаго озера». Азъ же, господа, слышавъ такое его прелестное слово, и не пошелъ въ Ростовское озеро, къ рѣкамъ жировать, дружину свою и дѣтей голодомъ поморилъ, а самъ отъ него въ конецъ погинулъ».

Другой разъ Ершъ заманилъ Осетра—стараго мужика въ неводъ: «И я на его, господа, прелестное слово положился и въ неводъ пошелъ, обратился въ неводъ да

[1] Т. е. не ради суда.

увязъ, а неводъ, что боярской дворъ—итти ворота широки, а вытти—узки». Осетра вытащили. «И стали бить дубинками по головѣ, и я нача стонать и онъ Ершъ рече ми: «Братецъ Осетръ, терпи Христа ради!»

Судьи слушали суднаго дѣла и приговорили: Леща съ товарищами оправить, а Ерша обвинить. И выдали истецу того Ерша головою и велѣли казнить торговою казнію—бити кнутомъ и послѣ кнута повѣсить въ жаркіе дни противъ солнца за его воровство и за ябедничество. А у судного дѣла сидѣли люди добрые: дьякъ былъ Сомъ съ большимъ усомъ, а доводчикъ Карась, а списокъ съ судного дѣла писалъ Вьюнъ, а печаталъ Ракъ своею заднею клешею, а у печати сидѣлъ Вандышъ [1] переславской. Да на того же Ерша выдали правую: гдѣ его застанутъ въ своихъ вотчинахъ, тутъ его безъ суда казнить.

Рече Ершъ судьямъ: «Господа судьи! судили вы не по правдѣ, судили по мздѣ. Леща съ товарищи оправили, а меня обвинили».

Плюнулъ Ершъ судьямъ въ глаза и скочилъ въ хворостъ,—только того Ерша и видѣли» [2].

Еще одинъ документъ,—обращеніе Ростовцевъ къ своему митрополиту Іонѣ,—Государю, на котораго возложены послѣднія надежды безправнаго и угнетеннаго народа, вскрываетъ намъ жизнь эпохи.

«Да онъ же воевода намъ сиротамъ чинитъ всякіе большіе налоги, и спрашиваетъ на насъ поминковъ и почестей болшихъ, и въ исцовыхъ искахъ, и въ кабальномъ и безкабальномъ долгу, черезъ поруки, на правержѣ бьетъ и въ тюрьму сажаетъ для своей корысти, и мы сироты отъ тоѣ его воеводской налоги и обиды вконецъ погибли. Умилостився, государь, пресвященный Іона, митрополитъ Ростовскій и Ярославскій! Пожалуй насъ сиротъ, вели, государь, челобитье наше и явку записать, чтобы намъ сиротамъ отъ его воеводской налоги и отъ цѣловальника... отъ Великаго Государя въ пенѣ и опалѣ и на провержѣ забитыми не быть и вконецъ не погибнуть. Государь, смилуйся пожалуй» [3].

Къ счастью, сохранился самый царскій наказъ 1661 г. Григорію Пустошкину, посылаемому въ Ростовъ [4]. Онъ даетъ драгоцѣнныя черты Московской тактики «во всемъ Государеву дѣлу искать прибыли».

«Григорію Пустошкину пріѣхавъ въ Ростовъ взять у князя Ивана Елецкого ключи городовые, и нарядъ и въ казнѣ зельѣ и свинецъ, и всякіе пушечные и въ житницахъ всякіе хлѣбные запасы... и каковы въ Ростовѣ тайники и колодези и какова въ нихъ вода, и въ осадное время въ Ростовѣ скудно не будетъ ли, и что

[1] Свитокъ. [2] Аѳанасьевъ. «Русскія сказки». Изъ рукописн. сбор. XVIII ст. И. Е. Забѣлина. [3] «Акты историческіе», т. IV, стр. 335. [4] Тамъ же. Архивъ А. С. Танѣева. «Царскій наказъ 1661 г. Григорію Пустошкину».

въ приказной избѣ какихъ Государевыхъ судныхъ вершоныхъ и невершоныхъ дѣлъ: и ему то все велѣть написать въ книги подлинно, по статьямъ, да о томъ о всемъ и о пріѣздѣ своемъ отписать, и тому всему роспись и смотру своего всякихъ людемъ списокъ въ тетратѣхъ прислать къ Великому Государю.

... никакимъ людемъ на себя работать не велѣть, чтобы ни отъ какихъ людей ни въ какихъ обидахъ и налогахъ и въ посулахъ челобитья Государю на него не было. Да и того ему беречь накрѣпко и заказъ крѣпкой всякимъ людямъ учинить, чтобъ въ Ростовѣ въ городѣ и въ острогѣ и на посадѣ и на слободахъ, въ лѣтніе въ жаркіе дни избъ и мыленъ никто не топилъ, и въ вечеру поздно съ огнемъ не ходили и не сидѣли. А однолично Григорью жить въ Ростовѣ съ великимъ береженьемъ, неоплошно, и Государевымъ Царевымъ и Великаго князя Алексѣя Михайловича, всеа Великія и Малыя и Бѣлыя Росіи Самодержца, всякимъ дѣломъ промышляти по сему нашему Государеву наказу и по указнымъ грамотамъ, и смотря по тамошнему дѣлу, и во всемъ Государеву дѣлу искать прибыли.

Каменный крестъ 1458 г.
«Бѣлая палата».
(Фот. И. Ф. Борщевскаго).

А только онъ въ Ростовѣ начнетъ жить, оплошно и его оплошкою и небреженьемъ въ Ростовѣ какое дурно учинится, или онъ будучи въ Ростовѣ, учнетъ дѣлать кому какіе обиды и налоги, или учнетъ у кого отъ какихъ дѣлъ имать посулы и поминки, а послѣ про то сыщется: и ему Григорью отъ Государя Царя

и Великаго Князя Алексѣя Михайловича, всея Великія и Малыя и Бѣлыя Росіи Самодержца быть въ великой опалѣ и въ жестокомъ наказаньѣ».

Какъ ни была заботлива Москва о своихъ прибыткахъ, она не смогла оградить Ростова отъ жадности воеводы. Нѣкоторыя выраженія мольбы Ростовцевъ кажутся заимствованными изъ царскаго наказа, очевидно твердо усвоеннаго воеводой. Намъ неизвѣстно, принялъ ли участіе Ростовскій митрополитъ въ бѣдствіяхъ своей паствы въ данномъ случаѣ. «Лѣтописецъ Ростовской» свидѣтельствуетъ, что Іона, въ другомъ случаѣ, заступившись за стольницу Мусину-Пушкину, «низвергнулъ со Ростовскаго воеводства воеводу Бестужева» (1674 г.).

Вдова стольника—Ирина Мусина-Пушкина принадлежала къ интереснѣйшимъ лицамъ эпохи. Драгоцѣнный обликъ ея дошелъ до насъ съ измѣненными и недостовѣрными чертами, такъ какъ ея жизнеописаніе было доведено до легенды, но и въ сказкѣ можно находить конкретныя черты эпохи.

Дѣтскіе и дѣвичьи годы Ирины протекли частью въ Москвѣ въ родовомъ домѣ ея отца—боярина Алексѣя Козмича Луговского, частью въ Ростовѣ, куда бояринъ часто ѣздилъ. Находясь при дворѣ, Алексѣй Козмичъ знакомился съ иностранцами и, будучи новымъ человѣкомъ новаго времени, пожелалъ дать и далъ своей дочери современное иностранное образованіе. При всемъ томъ Ирина отличалась и замѣчательной красотой; изъ Московскихъ красавицъ «Овчинниковская» (гдѣ былъ домъ боярина Луговского) была въ числѣ первыхъ.

Сказаніе отмѣчаетъ, что въ пылкой душѣ Ирины воскресъ духъ былого геройства, такъ часто присущаго княжнамъ древняго Ростова. Эта черта, очевидно, проявлялась не въ чопорной Москвѣ, а въ захудаломъ Ростовѣ. Здѣсь она ѣздила верхомъ и охотилась съ несравненнымъ искусствомъ и отвагой. Но эта отвага пригодилась не только на охотѣ. Ея отецъ, не превышая въ этомъ случаѣ понятій своего времени, думалъ отдать Ирину замужъ за нелюбимаго ростовскаго боярина. Ирина бѣжала ночью съ Богданомъ Мусинымъ-Пушкинымъ, приглянувшимся ей, въ престольный праздникъ Покрова, въ ихъ приходѣ. Молодые счастливо жили въ тихомъ родовомъ имѣніи Алексѣя Богдановича въ Иломнѣ на рѣкѣ Мологѣ до объявленія похода противъ Литвы. Молодой бояринъ тотчасъ же собрался на войну, а вмѣстѣ съ нимъ поѣхала и его жена Ирина, подъ видомъ младшаго брата Ивана.

Безпримѣрная храбрость, оказанная братьями Мусиными-Пушкиными подъ стѣнами Смоленска, обратила на нихъ вниманіе царя, они были щедро награждены, и только бояринъ Луговской, также находившійся на войнѣ, узналъ въ Иванѣ Мусинѣ-Пушкинѣ свою дочь Ирину. Война окончилась. Возвратившись къ мирной жизни, Мусины-Пушкины поселились въ Угодичахъ, когда то бывшей лѣтней

Соборъ Успенія Пресвятой Богородицы.
15—16-й вѣкъ.

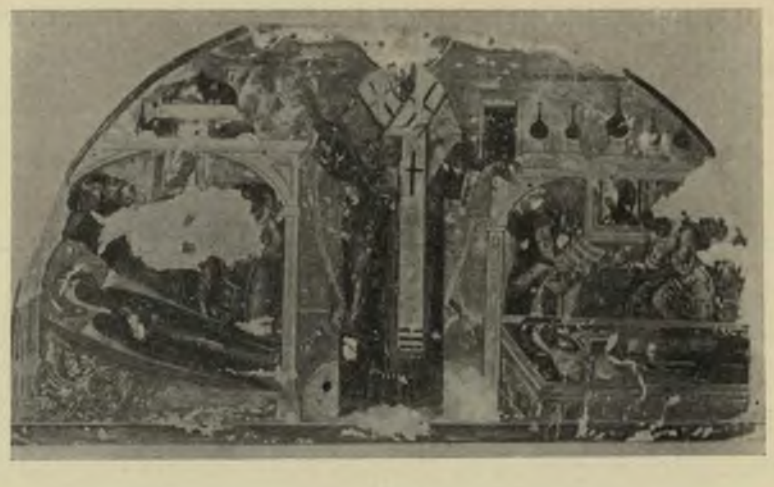
резиденціи князей Ростовскихъ. Здѣсь, увлеченные славнымъ прошлымъ Ростова, они ревностно принялись собирать древнія рукописи и заниматься исторіей Россіи.

Есть глухое указаніе, что въ 1672 г. Алексѣй Богдановичъ напечаталъ въ Москвѣ «Книгу о Славяно-русскомъ народѣ и великихъ князьяхъ русскихъ, от-

колѣ произыдѣ корень ихъ на Руси». Смерть Богдана Алексѣевича прервала его труды, но Ирина не прекращала переписки съ иностранцами, что способствовало выработкѣ самостоятельныхъ и независимыхъ сужденій. Ростовскіе воеводы, преданные благамъ Москвы, зорко слѣдили за этой перепиской. Результатомъ ихъ доносовъ былъ пріѣздъ Артамона Матвѣева для сыска. Преступнаго не нашли ничего, но, за «неумѣстныя ея воззрѣнія», стольницѣ былъ запрещенъ въѣздъ въ Москву, переписка была запрещена, исключительное право рыбной ловли въ озерѣ было отобрано.

Іона Сысоевичъ, высоко цѣнившій Ирину, «низвергнулъ съ Ростовскаго воеводства Андреяна Дмитріевича Бестужева за неумѣстныя нападки на стольницу» [1], но въ самой Москвѣ, все еще опасливой ко всякой самобытности, не были склонны къ великодушію Ростовскаго митрополита: въ 1684 г. послѣдовалъ новый доносъ воеводы Давыдова, и въ слѣдующемъ году вновь былъ присланъ Матвѣевъ. Этотъ вторичный сыскъ ускорилъ кончину Ирины. Такъ погубила царственная Москва культурныя начинанія одной изъ замѣчательнѣйшихъ русскихъ женщинъ. Въ 1690 г. Іона ушелъ съ Ростовской митрополіи «на покой», но истиннымъ покоемъ для этого человѣка была только смерть. Въ томъ же году онъ скончался. Истративъ изъ домовой казны на поминовеніе и погребеніе 871 р. 12 алтынъ и 2 деньги, его похоронили въ Ростовскомъ соборѣ, а вмѣстѣ съ нимъ митрополія погребла и былую силу, а Ростовъ потерялъ послѣднее величіе.

[1] Артыновъ. Рукопись «Лѣтописецъ Ростовской».

Фреска Леонтьевскаго придѣла въ соборѣ.
(Съ копіи, хранящейся въ «Бѣлой палатѣ»).

IV.

ЗАХУДАНІЕ РОСТОВА.

9 іюля 1692 года Ростовъ былъ причисленъ къ Ярославскому воеводству.

Предпріятія и реформы Петра лишили Ростовскую митрополію богатствъ, когда то огромныхъ. Въ концѣ 17-го столѣтія митрополіи принадлежало больше 16 тысячъ душъ и тысяча триста двадцать четыре животины. А въ 1708 г. святитель Дмитрій, благодаря митрополита Іова за присланную въ подарокъ полбочки рыбы, писалъ: «не имамъ чимъ воздать, убогъ сый; молю богатаго въ милости Христа, да Онъ воздастъ».

Но Дмитрій былъ убогъ только матеріально. Извѣстнымъ ораторомъ и писателемъ прибылъ онъ въ Ростовъ, гдѣ просвѣщеннаго митрополита больше всего поразило общее невѣжество; передъ нимъ открылась печальная картина скудости душевной и матеріальной. Тѣмъ разительнѣе было невѣжество Ростова, чѣмъ живѣе была память о древней просвѣщенности.

Въ Ростовъ было переведено въ началѣ 13-го вѣка первое на сѣверѣ училище; въ серединѣ того же вѣка на клиросахъ собора пѣли по гречески и по русски; въ 1365 г. здѣсь серіозно изучалъ греческій языкъ Стефанъ Пермскій, просвѣтитель

зырянъ. Святитель Дмитрій не нашелъ ни училища, ни поддержки своимъ культурнымъ начинаніямъ.

Стольникъ Иванъ Мусинъ-Пушкинъ мало походилъ на свою мать; притѣсненія, чинимыя Дмитрію, были настолько значительны, что училище «греческое и латинское» пришлось на время закрыть. Въ бѣлой палатѣ за трапезой Петръ сказалъ воеводѣ: «если тебѣ прикажетъ архіерей домъ архіерейскій перенести на островъ, то ты непремѣнно сдѣлай».

Петръ умѣлъ цѣнить митрополита Дмитрія, представленнаго ему въ Кіевѣ еще Мазепой, но царская шутка имѣла мало значенія; митрополитъ занимался не переносомъ архіерейскаго дома, а просвѣщеніемъ, и встрѣчалъ на своемъ пути постоянныя препятствія. Мелкіе доносы и обиды сторожили Дмитрія на каждомъ шагу. Такъ, много непріятностей перенесъ святитель за то, что употребилъ старыя ризы прежнихъ митрополитовъ на костюмы рождественской комедіи. Многое измѣнилось въ митрополіи; непонятнымъ могло казаться великолѣпіе архіерейскаго дома, когда митрополиту часто изъ-за скудости средствъ приходилось ходить пѣшкомъ.

Духъ времени сказался и на убранствѣ покоевъ святителя. «Комнаты онъ украсилъ портретами своего отца—Саввы Туптала, архіепископа Лазаря Барановича, митрополитовъ Варлаама Ясинскаго и Стефана Яворскаго, глобусами, небеснымъ и земнымъ, въ станкахъ столярныхъ и пр. Въ нихъ же помѣстилась и его библіотека около 300 томовъ, которую онъ пополнялъ неустанно, выписывая книги изъ-за границы черезъ Архангельскъ» [1]. «Самъ святитель, въ это время, былъ бѣлокурый съ просѣдью, худенькій человѣкъ небольшого роста, сгорбленный, съ маленькой клинообразной бородкой, въ очкахъ, ходившій обыкновенно въ шерстяной рясѣ любимаго темно-зеленаго цвѣта» [2].

Въ 1709 г. въ Ростовъ должна была притти послѣдняя царица—Прасковья Ѳеодоровна для поклоненія иконѣ Толгской Божіей Матери, изъ-за дурного пути перенесенной для царицы изъ Ярославля въ Ростовъ. Узнавъ объ этомъ, Дмитрій, которому была открыта его скорая кончина, сказалъ: «Се грядутъ въ Ростовъ двѣ царицы, Царица Небесная и царица земная; токмо я уже видѣть ихъ не сподоблюся»... Святитель скончался наканунѣ прихода царицы. Вечеромъ послѣдняго дня жизни, митрополитъ позвалъ въ свой покой пѣвчихъ, и они пѣли ему его юношескіе псалмы. Дмитрій слушалъ пѣніе, грѣясь у печки и, отпуская пѣвчихъ, задержалъ одного изъ нихъ, любимаго переписчика сочиненій. Ему митрополитъ началъ разсказывать о своемъ дѣтствѣ, юности, о пережитыхъ молитвенныхъ восторгахъ. Про-

[1] Списокъ книгъ библіотеки напечатанъ Титовымъ въ примѣчаніяхъ къ «Архересомъ Ростовскимъ лѣтопись», подборъ книгъ ясно характеризуетъ интересы Дмитрія, не ограничивающагося церковными вопросами, а старающагося слѣдить за европейской просвѣщенностью. [2] И. Шляпкинъ. «Св. Димитрій Ростовскій и его время». Спб. 1891 г.

Митра Ростовскихъ архіереевъ.

1634 г. (Фот. В. А. Лопатина).

вожая изъ кельи пѣвчаго, Дмитрій поклонился, прощаясь, почти до земли. Утромъ его нашли скончавшимся на колѣняхъ.

Святитель Дмитрій былъ послѣднимъ блестящимъ и свѣтлымъ явленіемъ на митрополичьемъ престолѣ Ростова. Съ «ростовской лужи», какъ Петръ назвалъ озеро, поднимались испаренія, опасныя для великаго императора. Досиѳей Глѣбовъ, слѣдующій злополучный митрополитъ Ростовскій, принималъ дѣятельное участіе въ заговорѣ въ пользу первой супруги Петра—Евдокіи Ѳеодоровны. Звѣрскія пытки и казни на Красной площади постигли заговорщиковъ. Высокій санъ не спасъ Ростовскаго владыку: онъ былъ колесованъ. Но зрѣлище пытокъ не удовлетворяло Петра, ему нужны были показанія; онъ наклонился надъ умирающимъ Досиѳеемъ, что то спрашивая. Митрополитъ плюнулъ и скончался.

Слѣдующій митрополитъ—Георгій Дашковъ, былъ вице-президентомъ Синода и, покровительствуемый Долгорукимъ, лелѣялъ мысль быть патріархомъ. Все перемѣнилось съ воцареніемъ Анны. Георгій былъ лишенъ сана и сосланъ.

Итакъ, мы уже встрѣчали на Ростовской митрополіи попытки политической борьбы, интриги и заговора, но непремиримымъ протестантомъ правительству былъ Арсеній Маціевичъ, вступившій на митрополію въ 1742 г., человѣкъ, богато одаренный, образованный, а главное пламенно вѣрившій въ правоту своего дѣла.

Личность Арсенія III до сихъ поръ остается неразгаданной. Самыя свѣтлыя и возвышенныя черты его характера уживались съ темными и низкими. Вѣрно

одно — это была исключительная личность и, какъ это часто бываетъ въ русской дѣйствительности, личность непонятная современникамъ и загадочная потомкамъ. При неизсякаемомъ запасѣ энергіи, жизнь Арсенія была сплошной горячкой дѣла, самаго разнообразнаго. Сперва онъ выдѣлился на поприщѣ экзаменатора ставленниковъ по Московской епархіи, затѣмъ былъ участникомъ Камчатской экспедиціи 1734—1736 г., съ лейтенантами Муравьевымъ и Павловымъ былъ арестованъ, но оправданъ, въ 1738 г. былъ законоучителемъ Академіи Наукъ и экзаменаторомъ Петербургскихъ ставленниковъ. Въ 1741 году, по выбору Анны Леопольдовны, Арсеній былъ назначенъ на Тобольскую митрополичью каѳедру, а въ слѣдующемъ году переведенъ въ Ростовъ.

Здѣсь дѣятельность митрополита была весьма разнообразна. То безчеловѣчно, «безъ всякаго похлебства», борется онъ съ расколомъ, то, будучи страстнымъ любителемъ лошадей, которыхъ у него было до шестисотъ, зорко присматриваетъ за конскими заводами, не брезгуя никакой работой; объѣзжалъ епархію, «обиралъ серебряныя и жемчужныя украшенія на обогащеніе своей ростовской церкви» [1]; во всемъ проявлялъ доброту и непомѣрную жестокость.

Но къ истинному служенію Арсеній увидѣлъ призваннымъ себя, когда сперва Петръ III, затѣмъ Екатерина пожелали отобрать у духовенства церковныя имущества. Съ безпримѣрнымъ жаромъ встрѣтилъ онъ мѣропріятія правительства; посылалъ протесты въ Синодъ, предавалъ въ Ростовскомъ соборѣ проклятію «Еретиковъ», покусившихся на церковную собственность [2]. Протесты были переданы государынѣ; Арсенія арестовали и привезли въ Москву [3].

Едва ли понятный современникамъ, митрополитъ обладалъ огромной силой личнаго обаянія; часто простые люди сохраняли на всю жизнь чувство глубокой преданности къ Арсенію. Имъ мы обязаны возникновеніемъ нѣсколькихъ легендъ о пострадавшемъ митрополитѣ, легендъ не всегда исторически вѣрныхъ, но отражающихъ образъ большой личности.

Такъ, Александръ Златоустовъ, свидѣтель суда и лишенія Арсенія знаковъ митрополичьяго достоинства, разсказывалъ Артынову: «Арсеній предсталъ на судъ,

[1] «Архіереомъ Ростовскимъ лѣтопись», стр. 19. Арсеній, между прочимъ, увезъ изъ Романова-Борисоглѣбска грандіозный образъ Спасителя, работы Діонисія Глушицкаго (?). Образъ былъ возвращенъ въ 1793 г. [2] Арсеній заимствовалъ добавленія изъ древняго писанаго обряда анаѳемствованія 1642 г., частью дополнивъ отъ себя. «I) Иже кто встанетъ на церкви Божіи, на храмы и мѣста святыя, зліи кромольници и совѣтницы ихъ, да будутъ прокляты. II) Вси насильствующіи и обидящіи святыя Божіи церкви и монастыри, отнимающе у нихъ данныя тѣмъ, отъ древнихъ боголюбцевъ и монарховъ благочестивыхъ имѣнія и черезъ то, воплощенія Христова дѣло безкровную жертву истребляющіи, еще не останутся отъ сего же таковаго начинанія, но и еще помышляти будутъ таковое злодѣйство, яко Ананія и Сапфира и яко крайніи врази Божіи, да будутъ прокляты». [3] Екатерина писала генералъ-прокурору Глѣбову, по случаю пріѣзда Арсенія въ Москву: «Александръ Ивановичъ! нынѣшней ночью привезли враля, котораго исповѣдывать должны; пріѣзжайте ужо ко мнѣ, онъ здѣсь во дворцѣ будетъ». Эта исповѣдь происходила въ присутствіи императрицы, гр. Орлова, Глѣбова и Шешковскаго. «...Арсеній былъ до того откровененъ, что императрица зажала себѣ уши, а ему заклепили ротъ». Иконниковъ. «Арсеній Маціевичъ». «Русская Старина».

Плащаница Ростовскаго собора.—1661 г.
(Фот. М. А. Орлова).

какъ бы на священнослуженіе: въ архіерейской мантіи съ источниками, въ омофорѣ и бѣломъ клобукѣ, съ панагіей на персяхъ и архіерейскимъ посохомъ, послѣдуемый посошникомъ Александромъ Златоустовымъ. При входѣ въ залу засѣданія взоры присутствующихъ были обращены на выраженіе лица Маціевича, который, вмѣсто страха и унынія, обнаружилъ крайнее негодованіе на свою собратію, дѣйствовалъ и говорилъ, какъ будто онъ былъ вполнѣ самовластный владыка у себя въ епархіи.

Секретарь прочелъ указъ о его низложеніи. Маціевичъ, выслушавъ сіе, громко и твердо сказалъ: «благо мнѣ, яко смирилъ мя еси! Государыня же Екатерина за сіе не удостоится христіанской кончины».

При такомъ трогательномъ зрѣлищѣ поруганія пастыря одинъ митрополитъ Московскій Тимофей не могъ удержаться отъ слезъ и заплакалъ; Маціевичъ указалъ на него рукой и сказалъ: «сей воистину израильтянинъ, въ немъ же льсти нѣтъ».

Первый приступилъ къ нему митрополитъ Петербургскій и Новгородскій, чтобы снять клобукъ; Арсеній не допустилъ до сего, но съ приличною молитвою

снялъ его самъ и, подавая его митрополиту Дмитрію Сѣченову, сказалъ: «языкъ твой для меня былъ острѣе меча, имъ задохнешься и умрешь!» (Митрополитъ Дмитрій умеръ страшною смертью: отъ паралича языкъ его вытянулся на четверть аршина и видъ его представлялъ страшное зрѣлище; отъ этого неестественнаго состоянія языка, отъ длины его и толщины онъ мучительно кончилъ жизнь свою). Вторымъ приступилъ къ Арсенію архіепископъ Псковскій, бывшій другъ Арсенія, Амвросій Зартинъ-Каменскій, чтобы снять съ него омофоръ, но Арсеній съ молитвой снялъ его самъ и, подавая Амвросію, сказалъ: «ядый хлѣбъ мой со мною, ты возвеличилъ на меня запинаніе и какъ волъ ножемъ закланъ будеши». (Амвросій впослѣдствіи былъ митрополитомъ Московскимъ, во время бунта въ Москвѣ въ 1771 г. онъ бѣжалъ отъ разъяренной черни и хотѣлъ укрыться въ Донскомъ монастырѣ, но тамъ въ воротахъ онаго мясникъ зарѣзалъ его ножемъ).

Третьимъ по очереди приступилъ къ Арсенію архіепископъ Афанасій Болховской, чтобы снять панагію, но Арсеній съ молитвою снялъ ее самъ и, подавая Афанасію, сказалъ: «младшій благословляется отъ старшаго; устнама моима возвѣщу вся судьбы устъ твоихъ; языкъ твой велерѣчивъ былъ на меня, какъ у Арія, ты и умрешь, какъ умеръ Арій». (Афанасій былъ преемникомъ Арсенія на Ростовской епархіи, и кончилъ жизнь свою, какъ Арій, исходомъ вонъ всѣхъ своихъ внутренностей).

Четвертымъ приступилъ къ Арсенію Петербургскій викарій Гавріилъ, чтобы взять посохъ Маціевича, но онъ самъ взялъ его съ молитвою отъ посошника Златоустова,—разсказчика сего суда и, подавая Гавріилу, сказалъ: «ты забылъ, какому должно быть архіерею Божію; за Іродіаду твою соперникъ твой задушитъ тебя, зане плясавши съ ней осудилъ мя еси». (Келейникъ Гавріиловъ, изъ ревности, что владыко отбилъ у него любовницу, задушилъ его пуховикомъ). Пятый въ свою очередь приступилъ къ Арсенію Крутицкій архіепископъ Гедеонъ, чтобы снять его мантію, но Арсеній съ молитвою снялъ ее самъ и, подавая Гедеону, сказалъ: «нѣта бяху мнѣ оправданія твоя на мѣстѣ пришествія моего, но ты еси гробъ позлащенный, полный смрада и разныхъ непотребствъ, зато не увидишь болѣе престола своего». (Гедеонъ, по высочайшему повелѣнію, за разныя непотребства изъ Москвы удаленъ былъ съ безчестіемъ въ Крутицы, но на пути туда померъ).

Шестой и послѣдній судія Маціевича приступилъ къ нему, чтобы снять съ Арсенія послѣднюю одежду: это былъ Новоспасскій архимандритъ Мисаилъ; Арсеній снялъ съ себя и послѣднюю одежду, находившуюся подъ облаченіемъ и подавая оную, сказалъ: «всякія кончины видѣхъ конецъ, паче врагъ моихъ умудрилъ мя еси и паче старцевъ разумѣхъ, скоро испекъ еси хлѣбъ твой уготованный мнѣ, за то и самъ, какъ хлѣбъ, испечешься въ печи». (Впослѣдствіи времени Мисаилъ,

Клобукъ Ростовскихъ митрополитовъ.

1662 г. (?) (Фот. В. А. Лопатина).

находясь въ тяжкой болѣзни, по совѣту одного знахаря для исцѣленія болѣзни влѣзъ въ монастырскую печь, гдѣ внезапно и умеръ).

Послѣ этого надѣли на Мацiевича простую одежду монаха, запретили ему совершать всякое богослуженіе и отправили его съ военнымъ конвоемъ въ Ѳерапонтову обитель.

По словамъ Златоустова, въ свое время, хотя не скоро, но исполнились всѣ предсказанія Мацiевича судіямъ своимъ: даже церковь, въ которой былъ собранъ святѣйшій Синодъ, гдѣ судили Мацiевича, находившагося въ то время еще въ Ростовѣ, и въ той безъ всякой причины обрушились своды».

Тотъ же послушникъ разсказывалъ о кончинѣ Мацiевича на пути въ Сибирь [1]; но доподлинно извѣстно, что бывшій митрополитъ былъ заточенъ въ Ревельскую крѣпость подъ именемъ «Андрея Враля», гдѣ и скончался въ 1772 г.

«На пути въ Верхнеудинскомъ округѣ, близъ Нерчинскаго Успенскаго монастыря, среди живописной и населенной мѣстности, стоялъ одинокій погостъ, въ которомъ, во время слѣдованія Мацiевича мимо этого погоста, по причинѣ воскреснаго дня происходилъ благовѣстъ къ обѣднѣ. Арсеній передъ этимъ сталъ изне-

[1] Проф. Иконниковъ приводитъ вымышленное письмо, составленное кѣмъ либо изъ горячихъ поклонниковъ Арсенія; приводимый Артыновымъ разсказъ, очевидно, исходитъ отъ одного изъ такихъ писемъ.

могать и съ великимъ трудомъ продолжалъ путь свой; подходя къ этому погосту, онъ предузналъ кончину, испросилъ дозволенія у сопровождавшаго его исповѣдаться и пріобщиться св. таинъ; ему это было позволено сдѣлать подъ именемъ Андрея, передъ началомъ литургіи мѣстный священникъ былъ духовникомъ Маціевича. Всю божественную службу онъ съ великимъ благоговѣніемъ и слезами молился передъ иконою Спасителя; настало время пріобщенія св. таинъ; священникъ выходитъ со святыми дарами изъ алтаря и передъ нимъ смиренно стоитъ въ ссыльной своей сермягѣ арестантъ Андрей и только священникъ проговорилъ до конца исповѣданіе: «Вѣрую, Господи, и исповѣдую»..., какъ передъ нимъ стоялъ уже не ссыльный преступникъ, но маститый старецъ во всемъ святительскомъ облаченіи, сіяющемъ неизрѣченнымъ свѣтомъ; старецъ беретъ изъ рукъ изумленнаго и испуганнаго священника св. дары, входитъ съ ними въ олтарь и по обычаю архіереевъ пріобщается на св. престолѣ; потомъ онъ вышелъ обратно изъ алтаря, давъ изумленному народу святительское благословеніе, и началъ читать вслухъ передъ св. престоломъ: «нынѣ отпущаеши раба твоего владыко»... и не окончивъ еще всей молитвы, всталъ на колѣни и скончался въ положеніи молящагося; въ это время колокола на колокольнѣ звонили сами собой. Тогда же въ томъ же приходѣ и предали землѣ тѣло Ростовскаго митрополита Арсенія Маціевича».

Ростовская митрополія, существовавшая девятьсотъ лѣтъ, была уничтожена указомъ 1788 года о перенесеніи митрополичьей каѳедры въ Ярославль. Ростовъ потерялъ послѣднее значеніе средоточія духовной власти. Переносъ каѳедры сопровождался безпримѣрнымъ расхищеніемъ митрополичьей ризницы.

Не могли, да навѣрно и не желали увезти лишь архитектурные памятники Ростова. Они остались городу, которому измѣнили всѣ былыя значенія и составили ему славу великой сокровищницы русскаго искусства. Какъ памятникъ минувшей жизни, они неоднократно переживали опасность разрушенія [1]; въ такіе критическіе моменты погибла Красная палата.

Сохранилось письмо одного изъ ростовскихъ гражданъ, очевидца этого разрушенія. «Сегодня,—пишетъ онъ,—вмѣстѣ съ Н. И. М. и А. Г. С. осматривалъ я зданіе, принадлежавшее прежде Ростовскому архіерейскому дому, по переводѣ коего въ Ярославль, поступившее въ вѣдомство казенное. Нынѣ его разбираютъ, на мѣстѣ-же томъ устраиваться будутъ магазины для склада вина. Грустно мнѣ было видѣть уничтоженіе болѣе чѣмъ вѣкового зданія, которое безъ всякой поддержки

[1] Въ 1818 г. директоръ путей сообщенія генералъ Бетанкуръ предлагалъ Министерству устроить на мѣстѣ бывшаго архіерейскаго дома гостино-ярмарочный дворъ. Синодъ и архіерей были согласны. Вѣдомства не сошлись въ денежныхъ расчетахъ. Ростовская ярмарка, въ пользу которой хлопоталъ Бетанкуръ, въ 20-хъ годахъ 19-го вѣка все еще была славна огромными денежными оборотами. Однако, въ густо населенномъ Ростовѣ ей не было мѣста, и до 19-го вѣка ярмарка помѣщалась на льду озера, что содѣйствовало его невѣроятному загрязненію.

Саккосъ Іоны II, митрополита Ростовскаго.—1662 г.
(Фот. В. А. Лопатина).

въ продолженіе слишкомъ полувѣка не только противилось отъ времени разрушенію, но еще какъ бы укрѣплялось само собою. Бывши безъ крова болѣе тридцати лѣтъ, на стѣнахъ его отъ сѣмянъ, занесенныхъ вѣтрами, росли уже довольно не малой величины рябинки и березки, но и за всѣмъ тѣмъ оно стояло, будто слитое изъ какой либо твердой массы. Съ большими усиліями работники разрушали его по частямъ. Въ особенности мнѣ жаль стало такъ называемую Красную Палату. Это обширная квадратная, во второмъ этажѣ, комната; посреди ея столбъ; на него уперлись съ четырехъ стѣнъ своды; на стѣнахъ, сводахъ, простѣнкахъ, откосахъ

оконъ и на столпѣ помѣщены разныя изображенія красками изъ церковной исторіи и лики святыхъ—работы альфреско. Они были такъ новы, какъ будто недавно вышли изъ подъ кисти художника, и изображенія тѣ, сброшенныя сверху вмѣстѣ со стѣнами, разрушенныя отъ паденія въ разныхъ частяхъ, но не потерявшія еще своихъ значеній, навели вящее уныніе на душу мою. Мнѣ пришла мысль, что было время, когда предстоящіе предъ ликами святыхъ, изображенныхъ въ разрушаемой храминѣ, съ благовѣніемъ взирали на нихъ, знаменовали себя знаменіемъ креста и, быть можетъ, лобзали ихъ съ вѣрою. Что же нынѣ? Тѣ же изображенія, тѣ же лики святыхъ, но сброшенные на землю, и въ какомъ положеніи! Одно—лишенное ногъ; другое имѣетъ лишь корпусъ безъ главы; третье, упавъ, встало головою внизъ. Если бы надо было изобразить картину мученичества,—оставалось лишь списать: нельзя найти уподобленія вѣрнѣе и ближе къ подлиннику. Не могъ я удержаться отъ слезъ; я скрылъ ихъ отъ спутниковъ моихъ и съ стѣсненнымъ сердцемъ взошелъ на оградную стѣну. На лѣвой сторонѣ по входѣ, осмотрѣвши оставленный безъ всякаго присмотра бывшій большой архіерейскій домъ, площадку, основанную на сводахъ, которая служила нѣкогда сообщеніемъ дома съ церковью Спаса, извѣстною подъ названіемъ «на сѣняхъ» (площадка нынѣ заросла травою, а прежде выстлана была чугунными плитами), прошли въ Бѣлую столовую, украшенную въ прежнія времена лѣпною работою, а нынѣ лишенную и самой штукатурки. Она такъ же, какъ и Красная Палата, имѣетъ посрединѣ столбъ; и на немъ съ четырехъ стѣнъ устроены своды; въ ней Государыня Екатерина II, во время посѣщенія ею города Ростова для переложенія мощей Св. Димитрія въ новую раку, имѣла трапезу. Возвратясь на оградную стѣну, по ней дошли мы до церкви Іоанна Богослова. Тоже слишкомъ столѣтній храмъ, а живопись альфреско какъ будто сейчасъ окончена художникомъ. Одна лишь надпись по правую сторону царскихъ вратъ на стѣнѣ показываетъ время возобновленія храма. Я списалъ ее. Вотъ она: «Лѣта 7195, іюля 25, возобновленіе всесильнаго Бога, въ Троицѣ славимаго, помощью и заступленіемъ Пречистыя Владычицы нашея Богородицы и присно Дѣвы Маріи и молитвами великихъ Святителей Леонтія, Исаія, Игнатія и Іакова епископовъ, Ростовскихъ Чудотворцевъ, совершися и подписася сія святая церковь во имя святаго апостола и евангелиста Іоанна Богослова» [1]. Ни иконостаса, ни образовъ уже въ церкви нѣтъ; она даже не заперта и оставлена какъ бы забытою. Еще грустнѣе мнѣ стало при мысли той, что въ храмѣ, гдѣ приносилась жертва Богу, гдѣ народъ съ чувствами благоговѣнія внималъ ученію Искупителя чрезъ служителей Его, нынѣ мѣсто то, какъ пустыня; однѣ лишь птицы обитаютъ

[1] Надпись въ началѣ приведена невѣрно, у Рихтера мы находимъ: «Лѣта 7191 іюня 1 благоволеніемъ всесильнаго всеславнаго Бога, помощію и заступленіемъ Пресвятыя Богородицы нашей Владычицы и Приснодѣвы Маріи»...

Соборъ, колокольня и церковь Воскресенія.

въ немъ. Долго не могъ оставить я храма и съ скорбію вышелъ изъ него. На возвратномъ пути зашелъ въ разрушаемое зданіе, гдѣ работающіе весьма хладнокровно занимались сломкою его. Быть можетъ, будетъ время, когда совершенно истребится изъ памяти существованіе зданія—нынѣ уничтожаемаго; поэтому то и рѣшился я записать о немъ на память потомству. А если желаніе мое исполнится, то оставшимся зданіямъ буду стараться составить планы и фасады: быть можетъ, и они по времени будутъ уничтожены; по крайней мѣрѣ останется тогда что нибудь такое, по чему можно будетъ судить о минувшемъ [1].

[1] Письмо относится къ 1840 г., хотя по рукописи Артынова «Лѣтописецъ Ростовской» Палата разрушена въ 1832 г. Письмо приведено въ «Очеркѣ дѣятельности Комиссіи по возстановленію Ростовскаго Кремля». Ростовъ. 1902 г. и неполно—у А. Титова—«Кремль Ростова Великаго».

Въ этомъ письмѣ мы имѣемъ отраженіе благородной любви къ памятнику прошлаго [1]. Мы можемъ указать, что уже съ 1824 г. были попытки реставраціи зданій «Кремля», но только въ 70-хъ годахъ былъ произведенъ частичный ремонтъ нѣкоторыхъ церквей. А въ 1882—1883 г. «Бѣлая палата» была реставрирована [2]; въ послѣдующіе годы поправляли терема и прочія зданія архіерейскаго дома, названнаго «Кремлемъ» и официально признаннаго «церковно-историческимъ памятникомъ».

Маска желѣзныхъ дверей собора.

[1] Мы должны отмѣтить, что въ первой половинѣ 19-го в. среди Ростовскаго купечества было не мало горячо любящихъ славное прошлое Ростова. Артыновъ въ «Воспоминаніяхъ» приводитъ длинный списокъ купцовъ, собирающихся на «Биржѣ» потолковать не о торговлѣ, а о преданіяхъ минувшаго. Для разрѣшенія споровъ часто приносились рукописи, которыхъ въ Ростовѣ въ частныхъ собраніяхъ было тогда множество. Но гдѣ эти рукописи? какъ бездѣятельна была любовь! Отголоскомъ росказней о Ростовской старинѣ можно считать неудачные розыски клада, производившіеся по Высочайшему соизволенію въ 1828 г. [2] Реставрація была произведена благодаря предпріимчивости и кипучей дѣятельности А. А. Титова и И. А. Шлякова. Черезъ руки этихъ мѣстныхъ археологовъ прошли почти всѣ памятники Ростовской старины. Но существованіе Ростовскихъ памятниковъ нельзя считать обезпеченнымъ. Не перечисляя здѣсь жертвъ «реставраціи» девяностыхъ годовъ, мы можемъ указать на разрушеніе въ 1910 г. сѣверо-восточной башни, въ которой нарушили сводъ 17-го столѣтія, и которую послѣ того перекрыли безобразнымъ колпакомъ; тогда же мѣстный купецъ,—соборный староста,—уничтожилъ часть вала 1632 года и застроилъ его сараями. Даже въ строй Ростовскихъ звоновъ вкрадываются чуждые звуки, такъ какъ недавно былъ перелитъ, и очень небрежно, одинъ изъ колоколовъ.

Художественное наслѣдіе Ростова Великаго

V.

ДРЕВНѢЙШАЯ ЭПОХА.

Въ Ростовѣ надъ землей не сохранилось памятниковъ искусства ранѣе 15-го столѣтія; первое мѣсто по давности занимаетъ надгробный памятникъ 1458 года. *Стр. 31.* Большое мастерство, съ которымъ выполненъ этотъ ремесленный крестъ, убѣждаетъ насъ въ высокой художественности, проникающей и до второстепенныхъ памятниковъ культуры. Тѣмъ болѣе приходится жалѣть, что намъ неизвѣстны памятники наибольшей славы Ростова; земля несомнѣнно хранитъ драгоцѣнные обломки искусства, но открыть ихъ дѣло будущаго, мы же въ настоящее время располагаемъ лишь отрывочными свѣдѣніями, сообщающими, главнымъ образомъ, о строительствѣ въ древнемъ Ростовѣ.

О существованіи языческихъ храмовъ въ дохристіанскомъ Ростовѣ настойчиво упоминали рукописи Хлѣбникова, не дошедшія до насъ, извѣстныя только въ выдержкахъ и очень позднихъ спискахъ. Такъ напримѣръ, если довѣрять свидѣтельству Артынова, въ рукописяхъ Хлѣбникова ему встрѣтилось приблизительно слѣдующее: Великій князь Владиміръ, будучи еще язычникомъ, «повелѣ поставити посредѣ града Ростова великую божницу и въ ней поставить Бога Велеса».

Титовъ, пользуясь уже рукописями Артынова, перечисляетъ мѣста древнѣйшихъ языческихъ святынь. На возвышенномъ мѣстѣ, въ 10 верстахъ отъ Ростова, въ настоящее время занятомъ деревней «Поклоны», близъ священной рощи стоялъ священный дубъ. Еще священный дубъ и капище находились почти въ самомъ городѣ, на мѣстѣ современной церкви Благовѣщенія. Наконецъ, близъ деревни Ангелово, что въ древности было «Велесово дворище», по распоряженію того же Владиміра, былъ воздвигнутъ грандіозный идолъ Велеса.

На закатѣ, когда солнечные лучи падали на позлащенную голову истукана, его ясно видѣли изъ Ростова. Идолъ былъ дубовый и для жреца внутри его находилась лѣстница къ устамъ и очамъ бога, изъ которыхъ раздавались прорицанія и возносились воскуренія.

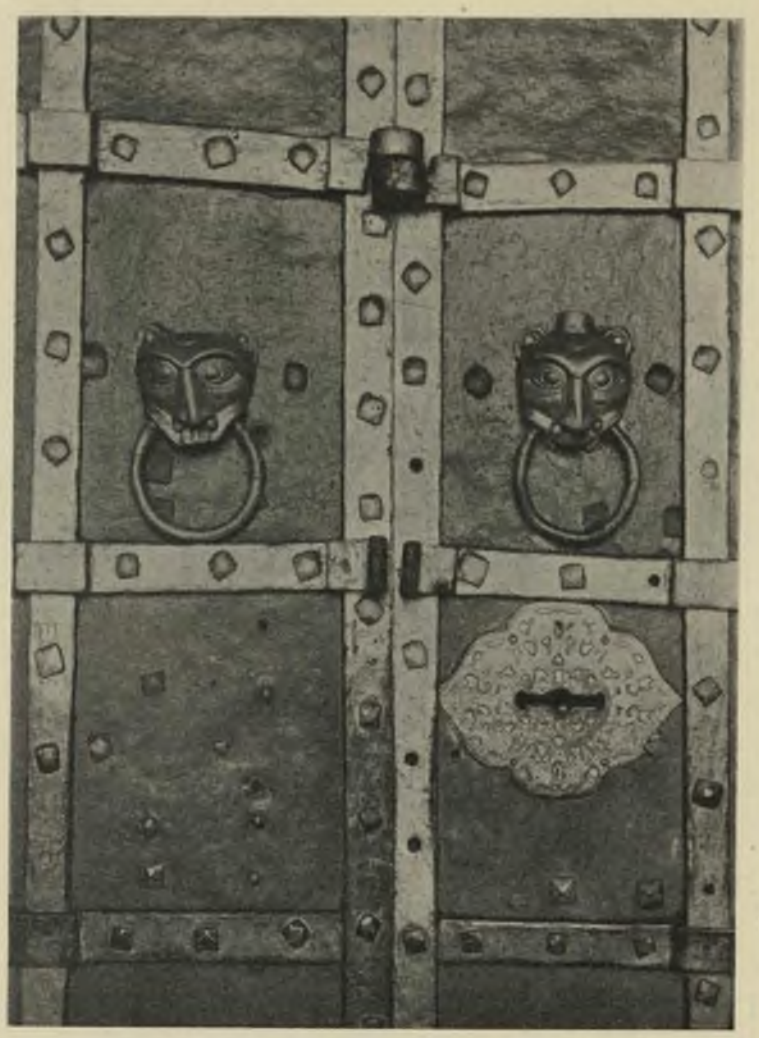
Прекрасная легенда, приводимая здѣсь, къ сожалѣнію, въ испорченной редакціи [1], даетъ намъ поэтическій обликъ Ростовской давности такъ, какъ она представлялась въ 16—17-мъ вѣкѣ. Въ легендѣ разсказано, какъ перешелъ Велесъ изъ капища, построеннаго въ центрѣ города, на Чудской конецъ. «Въ Ростовѣ былъ сильнѣйшій пожаръ, отъ котораго сгорѣлъ до тла весь городъ. Незадолго передъ пожаромъ явилась «звѣзда хвостата», и стала надъ храмомъ бога Велеса, и въ то же время озеро извергло изъ себя огромную рыбу, которую «полтора сорока народа привлекли вервіею на княжій дворъ»; затѣмъ въ продолженіе цѣлой недѣли видѣли полунагого старика, ѣздившаго въ ладьѣ по одному и тому же мѣсту озера; днемъ онъ ѣздилъ, а ночью уходилъ въ глубь озера и былъ тамъ до слѣдующаго дня. Наканунѣ пожара на озерѣ показался островъ, посединѣ его теремъ, въ которомъ сидѣла слѣпая дѣвка; днемъ она выходила изъ терема и ѣздила по острову на косматомъ львѣ; въ самый день пожара теремъ, слѣпая дѣвка и левъ исчезли неизвѣстно куда, а вслѣдъ за этимъ страшная громовая туча разразилась надъ городомъ и зажгла его; первый громовой ударъ разразился надъ храмомъ бога Велеса, гдѣ стоялъ и его истуканъ, сдѣланный «изъ камени многоцвѣтна»; когда храмъ загорѣлся, то истуканъ вышелъ изъ него, какъ живой человѣкъ, пошелъ на востокъ по берегу озера и остановился на Чудскомъ концѣ города. Когда онъ шелъ по берегу озера среди пылающихъ зданій, то озеро кипѣло передъ нимъ какъ въ котлѣ и выкидывало изъ себя множество рыбы, а прудъ, находившійся на княжемъ дворѣ выгорѣлъ въ то время на три сажени глубины. Верховный жрецъ Велеса — Радуга молилъ его не сходить съ своего прежняго мѣста, но Велесъ опалилъ ему за это волосы, а вслѣдъ за тѣмъ у Радуги выросла собачья голова». Указанія на существованіе въ Ростовѣ княжьяго терема еще при Владимірѣ, мы встрѣчаемъ въ уже не разъ цитированномъ нами «Лѣтописцѣ Ростовскомъ» Артынова.

Владиміръ «повелѣ храмины идольскія сокрушати вельми нещадно и посла бирючи своя глашатаи во вся концы града Ростова и по весемъ его да идутъ вси людіе во градъ ко крещенію и аще кто необрящется у терема княжъ иже на берегу озера богатый или убогій нищъ или рабъ противенъ мнѣ да будетъ» [2].

Въ рукописи «Книга удѣловъ князей Ростовскихъ» перечисляется огромное множество теремовъ, стоявшихъ на мѣстахъ современныхъ деревень. Имена ихъ, а также и родословныя, приводимыя авторомъ, — какимъ либо княжескимъ хорошо

[1] А. Титовъ. «Ростовскій уѣздъ». [2] «Лѣтописецъ Ростовской», стр. 217., съ примѣчаніемъ: рук. Хлѣбн.

Желѣзныя двери

Ростовскаго собора.

освѣдомленнымъ писцомъ, — свидѣтельствуютъ о глубокой старинѣ этихъ княжескихъ гнѣздъ.

Пословица—«въ Ростовской землѣ князь въ каждомъ селѣ»[1] говоритъ объ огромномъ количествѣ теремовъ, навсегда утраченныхъ памятникахъ гражданской архитектуры. Въ области церковной культуры въ далекій, глухой Ростовъ не проникло обаяніе Софіи Царьградской, проникшее въ Кіевъ и Новгородъ. Напротивъ того, Ростовская митрополія находилась подъ сильнымъ вліяніемъ «Красно-богатой» лавры Кіевской.

Это преклоненіе передъ древнѣйшей разсадницей культуры, между прочимъ, сказалось въ наивной легендѣ о св. Исаіи. Епископъ Исаія, подобно своему предшественнику—святому Леонтію, былъ изъ Печерскихъ монаховъ. Ужъ одно это

[1] А. Него. «Родныя картинки». Спб. 1899.

говоритъ о значеніи Кіевской лавры для отдаленнаго Ростова. Между прочимъ Исаія прославился тѣмъ, что безбоязненно «обхождаше грады и веси, сокрушаше идолы». Послѣдніе имѣли еще многихъ поклонниковъ.

Однажды епископъ услышалъ о «чортовѣ городищѣ», мѣстѣ недавняго поклоненія Велесу. Еще въ народѣ была свѣжа память о великомъ идолѣ, еще стояли развалины храма, построекъ, въ которыхъ помѣщались когда то жрецы, еще виднѣлись остатки прудовъ, и ходила молва, что часто бываетъ неладно на мѣстѣ поруганнаго святилища. Во что бы ни стало, Исаія пожелалъ быть на городищѣ. Его уговаривали не ходить на поганое мѣсто, но святитель только и отвѣтилъ, что не можетъ быть погано мѣсто, на которомъ онъ произнесетъ святое имя Бога.

Съ немногими спутниками онъ прошелъ на «Чортово». Осматривая пруды и развалины, епископъ упомянулъ имя Господа и тотчасъ сталъ невидимъ, къ немалому смущенію провожавшихъ его. Они вернулись въ городъ. Тамъ популярный Блаженный (юродивые играли въ Ростовѣ исключительную роль толкователей), объяснилъ смущеннымъ Ростовцамъ, что ихъ епископъ восхищенъ ангеломъ, чтобы присутствовать на освященіи «Небеси подобной церкви» [1].

И правда, скоро вернулся епископъ и разсказывалъ, что «во единомъ часѣ ста въ градѣ Кіевѣ» и былъ на торжествѣ освященія храма. Послѣ того святитель назвалъ «Чортово»—«Ангеловымъ» [2].

Какъ мы уже замѣтили, въ Ростовѣ не сохранилось памятниковъ старше 15—16-го вѣка; общую участь раздѣляетъ и Ростовскій Успенскій соборъ, хотя и обладающій тысячелѣтней исторіей, но дошедшій до насъ въ постройкѣ конца 15-го столѣтія. Главнымъ образомъ изъ описаній погибшихъ въ пожарахъ храмовъ мы можемъ составить себѣ довольно ясное представленіе о смѣнявшихъ одинъ другой соборахъ.

Первый соборный храмъ въ Ростовѣ былъ сооруженъ въ концѣ 10-го столѣтія (991 г.?). Намъ извѣстно только, что онъ былъ «отъ древесъ дубовыхъ», да въ Степенной книгѣ говорится о немъ—«помощію Божіею да Пречистыя Богородицы честнаго ея Успенія о ней же (церкви) бяше писано, яко прежде тоя не бысть такія церкви, ниже потомъ имать быти».

Въ посланіи епископа Симеона Владимірскаго мы находимъ, что въ 1099 г. «въ своемъ княж (княженіи) христолюбецъ Володимеръ, вземъ мѣру божественныя тоя церкви Печерскіа, всѣмъ подобіемъ созда церкви во градѣ Ростовѣ, в высоту,

[1] Въ посланіи Симеона, еп. Владимірскаго, мы находимъ, что точно епископъ Исаія Ростовскій былъ чудесно позванъ на освященіе церкви, но тамъ, сообразно съ иным духомъ религіозности, приведено иное чудо. Игуменъ Печерскій Іоаннъ не рѣшался и колебался освящать церковь. Но внезапно пріѣзжаютъ въ Лавру сѣверные епископы и говорятъ, что они очень торопились пріѣхать къ освященію церкви, къ сроку, назначенному имъ посланнымъ изъ Кіева. [2] Артыновъ. Рукопись «Лѣтописецъ Ростовской».

Общій видъ Борисоглѣбской слободы и монастыря.

и в ширину и в долготу; но и писменемъ хартіи написавъ, идѣже кіиждо праздникъ (или) в коемъ мѣстѣ написанъ есть; сіа вся в чинъ и в подобіе створи по образу великіа тоя церкви богоназнаменаныя» [1].

Однако, какъ ни трудно утверждать, что въ Ростовѣ помимо собора могла существовать простая церковь, равная Кіево-Печерской, мы не можемъ согласовать это извѣстіе о построеніи каменной церкви съ извѣстіемъ о пожарѣ 1160 года, погубившемъ деревянный соборъ. Мы находимъ въ Никоновской лѣтописи: «Погорѣ градъ Ростовъ мало не весь, и святая церкви соборная пречистыа Богородицы Успеніе юже бѣ создалъ Иларіонъ епископъ, еже бысть преже святаго Леонтіа чюдотворца епископа Ростовскаго; а создана же бѣ отъ древъ дубовыхъ, и бѣ чюдна и зело преудивлена, такова убо не бывала и потомъ не вѣмъ, будетъ ли».

Въ 1164 г. при Андреѣ Боголюбскомъ былъ заложенъ новый каменный храмъ. Возводимые своды его [2] «отъ неискусства нѣмчина Куфира» рухнули въ 1204 г., при чемъ это было предварено небесными знаменіями. Въ 1213 г. Великій князь Константинъ Мудрый заложилъ новый соборъ. Бѣлый камень для него доставляли черезъ рѣчку Вексицу; здѣсь, на «рыбномъ притонѣ», «для образца ростовскому

[1] Яковлевъ. «Памятники русской литературы 12—13-го вѣка». Спб. 1872. [2] Въ непримиримомъ противорѣчіи съ этимъ извѣстіемъ Артынова, упоминающимъ имя мастера, находимъ мы въ книжкѣ «Іерархи Ростовско-Ярославской паствы», что Блаженный Лука епископъ расписалъ и украсилъ ростовскій соборный храмъ. (1185—1189).

собору» построили небольшую церковь изъ девятаго камня; церковь эта была «о четыре великихъ лба и самою великою главою» [1]. Соборный храмъ былъ завершенъ въ 1230 г. блаженнымъ княземъ Василько.

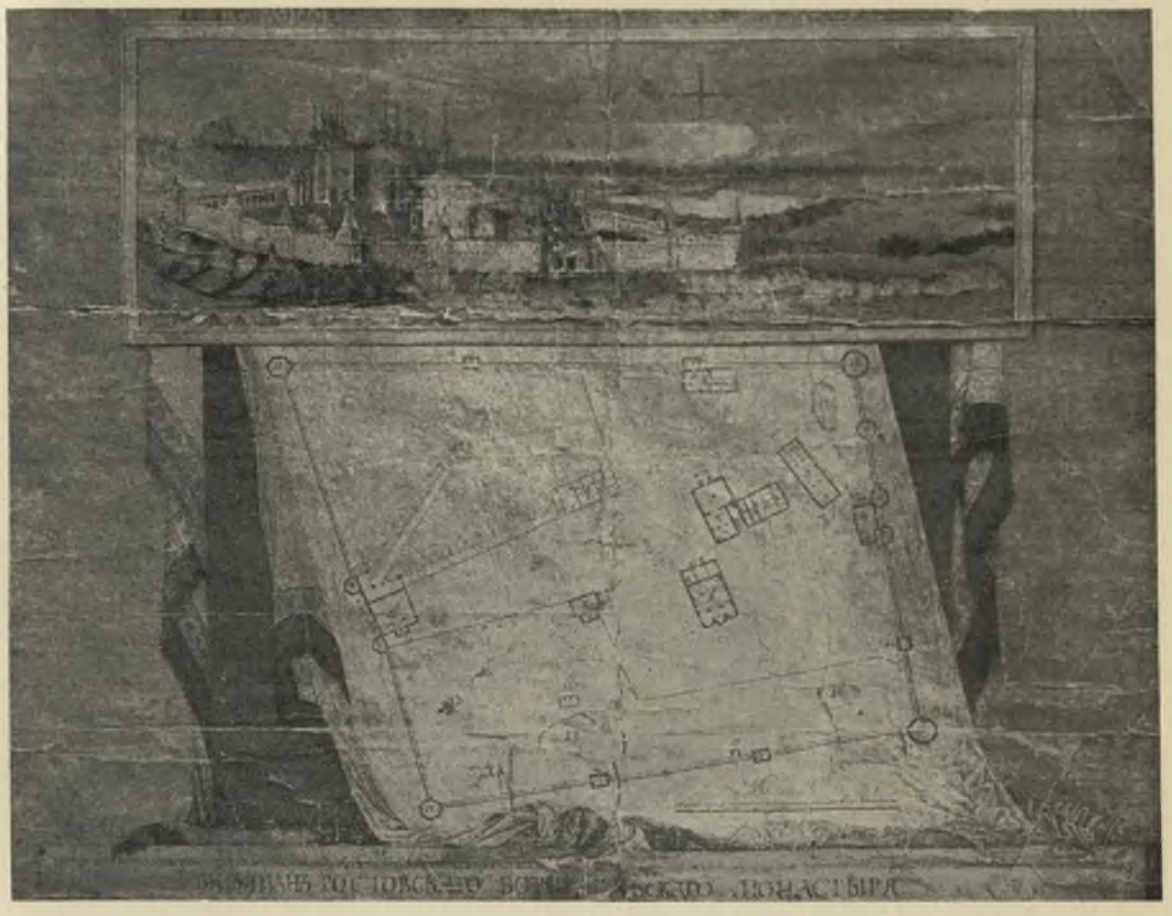
Епископъ Кириллъ «украси церковь Богородицы иконами многоцѣнными ихже нѣсь мощи и сказати, и съ предполы, рекши пелены, учини же и кивота два многоцѣнна, и индитью на Св. трапезѣ, сосуда же и рипидьи и двери церковныя прекрасны, яже наричються златыя на полуденной странѣ, паче же внесе во Св. церковь кресты честныя и многы мощи святыхъ въ ракахъ прекрасныхъ, въ заступленіе и покровъ граду Ростову» [2].

Изъ «Архереомъ ростовскимъ лѣтописи» узнаемъ, что въ 1280 г. св. Игнатій «покры оловомъ соборную церковь ростовскую и дно ея краснымъ мраморомъ помостилъ» [3]. Въ пожаръ 1408 г. эта церковь сгорѣла. «Нашего ради согрѣшенія, бысть пожаръ великъ на градѣ Ростовѣ, а погорѣ мало не вѣсь градъ. Церквь соборная стыя Бца бысть свинцомъ покрыта и растопися весь отъ пожара Комары-же великыя падоша и лобъ церковный позлаченный паде внутрь» [4].

Несмотря на то, что здѣсь термины «Комары» и «лобъ» мѣняютъ свои мѣста, сравнительно съ приведеннымъ выше описаніемъ «образца Ростовскому собору», мы ясно можемъ представить себѣ «новгородскій» типъ собора, существовавшаго съ 1213 по 1408 г. Въ 1411 г. храмъ былъ уже исправленъ. Епископъ Григорій возобновилъ церковь, «не пощадѣвъ имѣнія своего всего на зданіе церковное, поправилъ стѣны и своды, намостилъ церковь досками каменными и свинцовыми досками лобъ и комары большія покры... люди дивяхуся, яко въ борзѣ тако сдѣлана бысть церковь» [5]. Очевидно, эта поправка не измѣнила архитектурнаго типа собора; попрежнему четыре стѣны его оканчивались двускатными щипцами и надъ ними высилась одна глава.

Странно, что намъ нигдѣ не удалось найти прямыхъ указаній на капитальнѣйшую перестройку этого храма 1408 года и сооруженіе нынѣ существующаго, всѣ архитектурныя черты котораго ясно свидѣтельствуютъ о концѣ 15-го — началѣ 16-го столѣтія [6]. Грандіозный соборъ Ростовскій словно созданъ воспоминаньемъ о славномъ прошломъ великаго города. Но памятникъ чутко отразилъ новшества своей эпохи. Своимъ планомъ Успенскій Ростовскій соборъ очень близокъ къ плану Московскаго Архангельскаго, кромѣ того, нѣжная прелесть карнизовъ, которыми обрабо-

[1] Артыновъ. Рукоп. «Лѣтописецъ Ростовской». [2] Кирилловская лѣтопись. (Гр. М. В. Толстой. «Древнія святыни Ростова Великаго»). [3] Никоновская лѣтопись. Полное собраніе русскихъ лѣтописей, т. 10, стр. 157. [4] Четь-Минея Моск. духовной Академіи, № 73. [5] Гр. М. В. Толстой. «Древнія святыни Ростова Великаго». [6] Лишь въ Софійскомъ временникѣ подъ 1482 г. мы, можетъ быть, имѣемъ косвенное указаніе: «Владыка Ростовскій Васьянъ далъ сто рублёвъ мастеромъ иконникомъ Денисію да попу Тимовею, да Ярцу да Конѣ, писати Деисусъ въ новую церковь Святую Богородицу иже и написаше чюдно велми, и съ Праздники, и съ Пророки». Софійская вторая лѣтопись. Полное собраніе русскихъ лѣтописей, т. 6, стр. 233.

Планъ Борисоглѣбскаго монастыря.
(Изъ собранія «Бѣлой палаты»).

таны всѣ квадратныя плоскости стѣнъ храма и аркатура главъ, вызываютъ въ представленіи отзвукъ ренессанса, присущій архитектурѣ ранней Москвы. *Стр. 19, 33.*

Уже въ 17-мъ столѣтіи соборъ получилъ южную и сѣверную паперти, не имѣющія ничего общаго съ яснымъ и стройнымъ расчлененіемъ массъ собора; въ концѣ же 17-го столѣтія, а затѣмъ и позже, потерявъ представленіе о нерушимости стѣнныхъ плоскостей собора, прорубили огромныя окна. Современное покрытіе и передѣлка главъ принадлежатъ, очевидно, ремонту послѣ пожара 1730 года. Четырехскатная крыша замѣнила покрытіе по закомарамъ, стѣны были сведены подъ одну линію, промежутки между закомарами заложены, подвышенія сбиты [1]. Естественно, что

[1] Павлиновъ. «Древности Ростовскія и Ярославскія». На фрескахъ церкви Вознесенія или Исидора Блаженнаго есть изображеніе собора съ неиспорченнымъ покрытіемъ.

послѣ такой передѣлки соборъ казался приземистымъ; быть можетъ, тогда же были надложены главы. *Стр. 19, 33, 45.*

Въ первой половинѣ 19-го вѣка была пристроена западная паперть, а въ 90-хъ годахъ было произведено, въ русскомъ стилѣ этой эпохи, «возстановленіе пещернаго придѣла св. Леонтія» [1].

Первое документальное свѣдѣніе о росписи существующаго собора относится къ 17-му столѣтію: «Архереомъ Ростовскимъ лѣтопись» говоритъ, что при Іонѣ Сысоевичѣ «соборная церковь подписана стѣнымъ письмомъ». Къ счастью, мы знаемъ объ этомъ точнѣе изъ документовъ, напечатанныхъ Забѣлинымъ въ «Матеріалахъ по исторіи русскаго иконописанія». Въ 1670 и 1671 г. изъ Москвы на митрополичій дворъ посылались мастера «Савастьянъ Дмитріевъ съ товарищи» для росписи собора. Здѣсь работали Ярославскіе иконописцы: «Константинъ да Василей Онаньины, Григорій Степановъ съ сыномъ Дмитреемъ, Дмитрей Афонасьевъ, Якимъ Филипьевъ, Иванъ Гордіевъ, Андреянъ Ивановъ, Логинъ Сидоровъ, Семенъ Ивановъ, Филипъ Ивановъ, Петръ Лукинъ, Тимофей Ѳедотовъ, Ѳедоръ Савинъ, Прокофей Семеновъ, Карпъ Михайловъ, Иванъ Карповъ». Мастера пріѣзжали въ Ростовъ два раза. Въ этотъ промежутокъ случился пожаръ, уничтожившій почти оконченную роспись собора. Во второй ихъ пріѣздъ, мы встрѣчаемъ между ними Костромичей Силу и Гурія [2].

Быть можетъ, этой эпохѣ принадлежали фрески Леонтьевскаго придѣла, открытыя въ 1884 г., и въ настоящее время совершенно погубленныя безобразной записью ихъ въ 1906 г. *Стр. 35.* До 19-го вѣка въ соборѣ хранилась величайшая святыня всей области—икона Владимірской Божіей Матери, по преданью писаная за печерскаго иконописца Алимпія самимъ Ангеломъ.

Кіевскій патерикъ сохранилъ прекрасную легенду, говорящую о томъ далекомъ времени, когда ангелы вмѣшивались въ работу достойнаго иконописца, когда люди, созерцая, не знали, гдѣ кончается работа человѣка и гдѣ начинается творчество ангела [3].

[1] Этотъ придѣлъ, очевидно, сталъ пещернымъ вслѣдствіе неоднократнаго повышенія уровня пола въ соборѣ. Погодинъ, бывшій въ Ростовѣ около середины 19-го вѣка, передавалъ, что полъ приподнятъ былъ недавно, чтобы подъ нимъ скрыть митрополичьи гробницы, мѣшающія молящимся. Это невѣрно. Уровень сѣверной и южной папертей, построенныхъ въ 17-мъ ст., убѣждаетъ въ томъ, что уже въ то время полъ былъ поднятъ до высоты наружнаго карниза цоколя. Пятиглавіе современнаго собора, ни разу не отмѣченное лѣтописными указаніями, не разъ вызывало куріозныя догадки. Такъ, проф. Шевыревъ въ своемъ «Путешествіи въ Кирилло-Бѣлозерскій монастырь» передалъ наивное измышленіе о пристройкѣ къ одной старинной главѣ четырехъ новыхъ. Возникшей же отъ того темнотою (sic) объяснена даже прорубка новыхъ большихъ оконъ. Это толкованіе до нашихъ дней живо въ мелкихъ Ростовскихъ изданіяхъ. [2] Въ 1777 г., послѣ долгой переписки, соборная роспись была возобновлена. Намъ неизвѣстно, насколько это возобновленіе сохранило остатки Іоннской росписи, такъ какъ соборъ въ 1841—1843 г. былъ записанъ очень провинціальной живописью. Дѣло о возобновленіи живописи, хранящееся въ Ярославской Духовной Консисторіи, говоритъ объ извѣстной тщательности и добросовѣстности мастеровъ, не порвавшихъ со старой фресковой техникой. ....«работу оную исправлять, какъ и прежде было изъ воды, ибо изъ масла непрочно»... «Силу же въ стѣномъ писаніи знаютъ нынѣ совершенно Ярославцы»... [3] Но было бы ошибкой думать, что Алимпій, современникъ софійскимъ мозаикамъ, писалъ въ какой либо

«Охранное знамя Спѣши». Соборный храмъ Борисоглѣбскаго монастыря.
(Фот. И. Ф. Борщевскаго).

Надвратная церковь св. Серія въ Борисоглѣбскомъ монастырѣ. 16—17-й вѣкъ.

Богатый кіевлянинъ пожелалъ имѣть для своей церкви пять иконъ Деисуса и два мѣстныхъ образа, работы Алимпія. Онъ велъ переговоры черезъ монаховъ, ничего не передавшихъ преподобному, а только вымогавшихъ деньги у богача. Наконецъ, разсерженный, онъ пришелъ въ монастырь, обвиняя Алимпія. Послали за тѣми досками, которыя были при заказѣ отданы монахамъ. Къ общему изу-

«черствой, безжизненной манерѣ». Одно изъ чудесъ преподобнаго иконописца говоритъ о томъ, что этотъ иконникъ не боялся соперничать съ природой. Одинъ богатый кіевлянинъ заболѣлъ проказой. Онъ обращался и къ врачамъ, и къ волхвамъ, и къ невѣрнымъ людямъ, но не получивъ облегченія, обратился въ Печерскій монастырь. Сперва ему стало очень плохо, его постигло наказаніе за невѣріе, но послѣ больной былъ направленъ къ Алимпію, славящемуся не только живописнымъ даромъ. «Много поучивши его о спасеніи души, преподобный взялъ сосудъ съ красками, которыми писалъ иконы и «сими лице ему украси и струпы гнойные замазавъ, и сего на первое подобіе и благообразіе претвори». Приведенный въ церковь больной получилъ исцѣленіе. М. Викторова. «Кіево-Печерскій патерикъ по древнимъ рукописямъ». Кіевъ, 1870. В. Яковлевъ. «Памятники русской литературы 12—13 вѣка». Спб. 1872.

Надвратная церковь св. Серія въ Борисоглѣбскомъ монастырѣ.
16—17-й вѣкъ. (Фот. Б. Н. фонъ Эдинга).

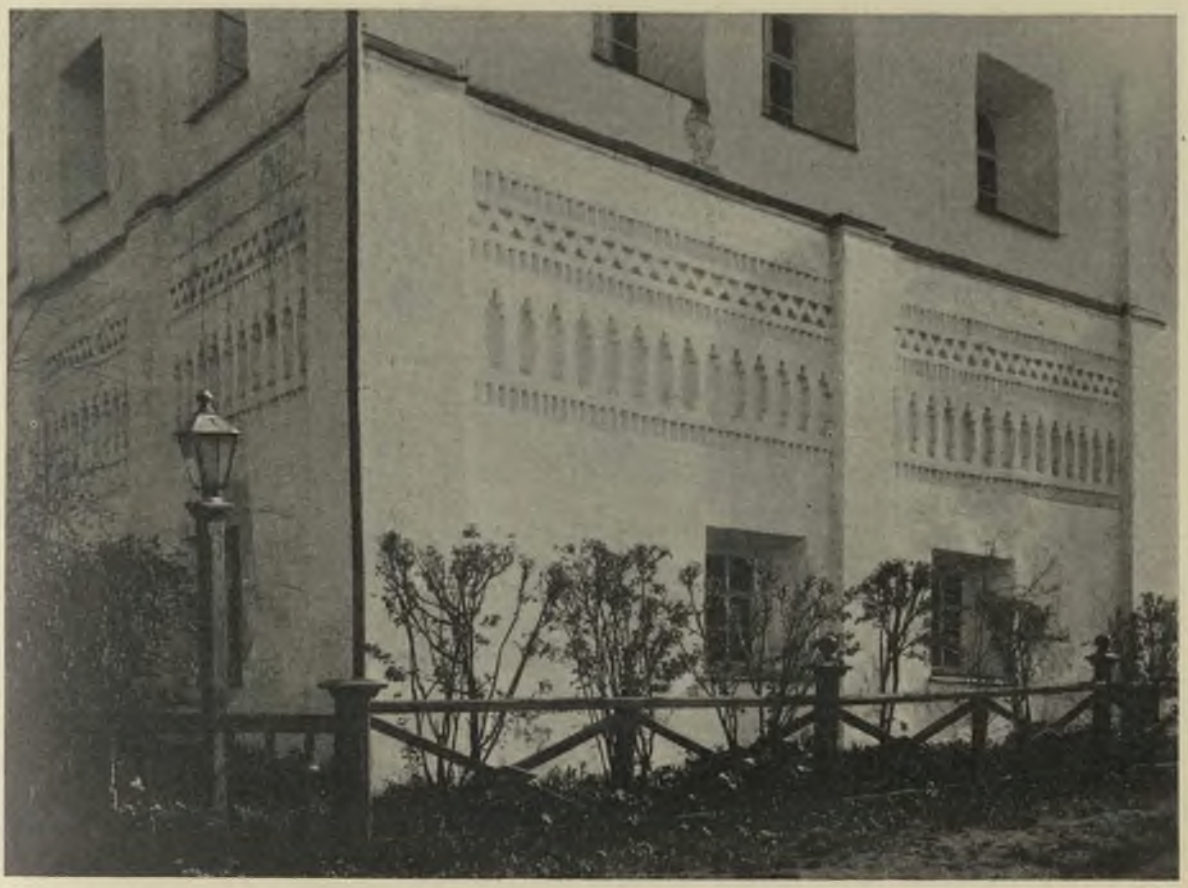
мленію и ужасу, на нихъ оказались прекрасно написанные образа. «Взем-же Владимеръ едину икону, святую Богородицу, и посла въ градъ Ростовъ, въ тамо сущую церковь, юже самъ созда иже и донынѣ стоитъ»... Увы! она не стоитъ донынѣ: «Владимірская Божія Матерь», чудесно перенесшая паденіе церкви, рядъ пожаровъ, ужасы нашествій, погибла подъ рукой реставратора въ началѣ 19-го вѣка. Но тогда еще горожане слѣдили за родными древностями, а перепись по настоянію духовенства должна была быть настолько значительной, что иконописецъ, боясь всеобщаго возмущенія, настоялъ на наложеніи печатей на оборотѣ чудотворнаго

Церковь Благовѣщенія въ Борисоглѣбскомъ монастырѣ. 16—17-й вѣкъ.

образа. Сохранились интересныя желѣзныя двери, очевидно, принадлежавшія одному изъ предыдущихъ храмовъ; много помнятъ эти химеры, черты которыхъ полны столь страннаго напряженія [1]. *Стр. 46, 49.* Немного памятниковъ древняго искусства сохранила ризница собора. Уже нѣтъ здѣсь древнихъ рукописей, нѣтъ пышно украшенныхъ митръ и саккосовъ Ростовскихъ архіереевъ. Почти все, что могло казаться красивымъ и значительнымъ, было перевезено въ Ярославль въ 1788 г. съ переносомъ туда Ростовской митрополіи. Почти всѣ лучшіе памятники ризницы

[1] Гр. М. В. Толстой въ книгѣ «Древнія святыни Ростова Великаго» приводитъ указаніе, что замѣчательныя врата Благовѣщенскаго Московскаго собора,—южныя и сѣверныя, взяты патріархомъ Филаретомъ изъ Ростовскаго собора.

Декоративный поясъ настоятельскаго корпуса въ Борисоглѣбскомъ монастырѣ.

Ярославскихъ архіереевъ Спасо-Преображенскаго монастыря принадлежали Ростовской митрополіи. Такова митра 1634 г., дарованная Михаиломъ Ѳеодоровичемъ по отцѣ своемъ—патріархѣ Филаретѣ *стр. 37;* клобукъ и саккосъ 1662 г., приложенные Дмитріемъ и Григоріемъ Строгановыми. *Стр. 41, 43.* Изъ оставшихся въ Ростовѣ вкладовъ Строгановыхъ обращаетъ вниманіе плащаница 1661 г., прекрасная по рисунку своего шитья. *Стр. 39.*

Второй по древности памятникъ архитектуры сохранили огромныя стѣны Борисоглѣбскаго монастыря, опоясывающія большой участокъ земли. Пустыннымъ кажется теперь монастырь, его прекрасныя церкви стоятъ между старыми деревами, на сочныхъ травяныхъ лужайкахъ. Мѣстность очень неровна, но просторна; она представляется такимъ же привольнымъ кускомъ сѣверной природы, какъ лѣса, поля и рѣчки, составляющіе прелестныя окрестности монастыря. *Стр. 51, 53.* По преда-

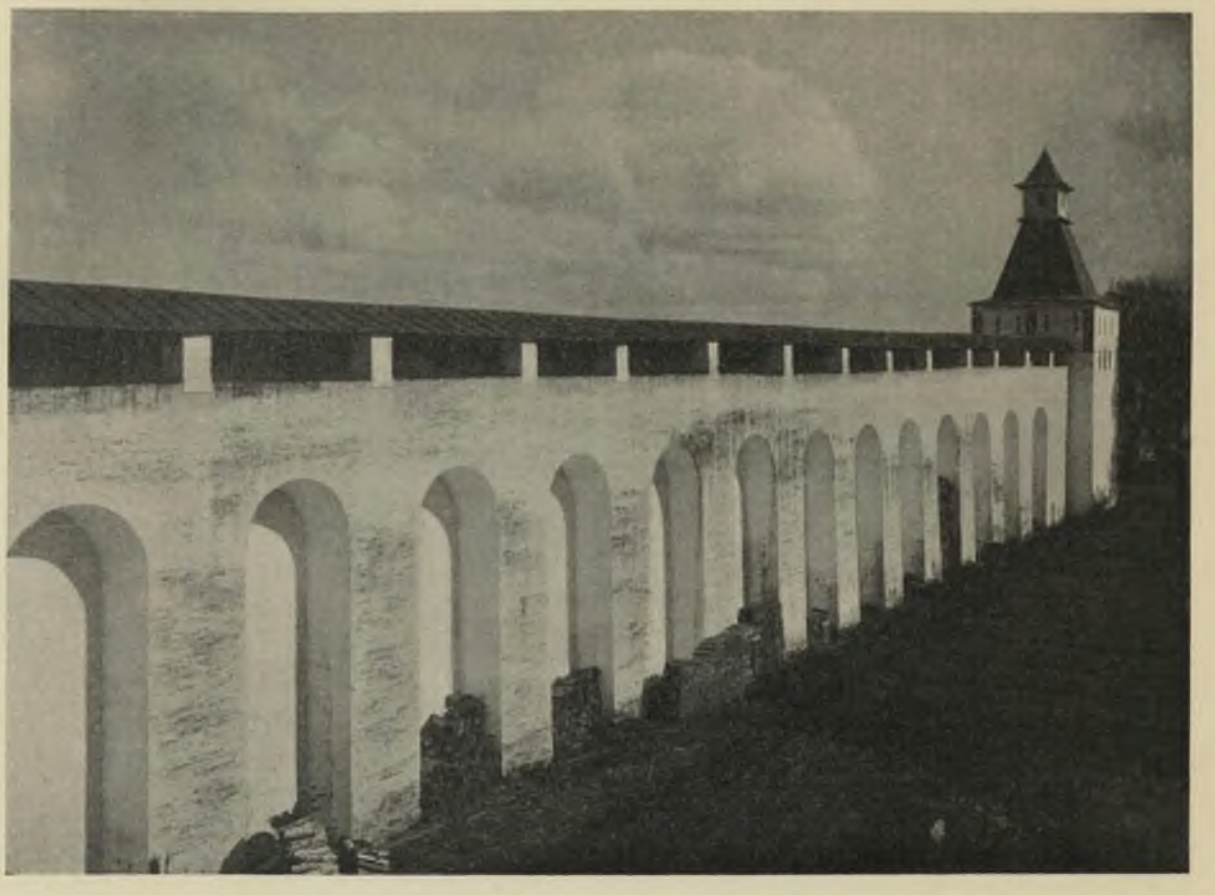
Угловая башня стѣнъ Борисоглѣбскаго монастыря.

нію [1], самъ св. Сергій выбралъ мѣсто для построенія храма, сказавъ: «сіе мѣсто вельми воградится и в предидущія времена будетъ превозносимо подъ большими лаврами». Соборный храмъ построенъ въ 1524 г.; согласно цитированной рукописи, его окончанію предшествовало чудесное нахожденіе извести, необходимой для постройки; такъ строительство часто сопровождалось красивыми легендами.

Строгія массы большого барабана главы и стѣны, заканчивающіяся закомарами, придаютъ этому храму неотразимый отпечатокъ величія. Отмѣчаемъ, что храмъ выдержанъ не въ характерѣ современной ему Московской архитектуры: скорѣе архаическія уже формы Пскова имѣютъ здѣсь запоздалое отраженіе.

Передѣлки во многомъ исказили древнюю архитектуру; четыре главы по угламъ поставлены въ 30-хъ годахъ 19-го вѣка. Тогда же устроено обезображивающее четырехскатное покрытіе и надложена средняя глава. Стѣнопись эпохи Грознаго [2] закрыта въ 30-хъ годахъ; въ настоящее время стѣны храма раскрашены

[1] Повѣсть о Борисоглѣбскомъ монастырѣ въ собраніи рукописей Троицкой лавры. Хорошо издана въ «Памятникахъ древней письменности» Общества любителей древней письменности (№ LXXXVI). [2] Гр. М. В. Толстой. «Древнія святыни Ростова Великаго». А. Титовъ. «Ростовскій уѣздъ».

Стѣна и башня Борисоглѣбскаго монастыря.

масляными красками въ стилѣ Храма Спасителя въ Москвѣ и Кіевскаго Владимірскаго собора.

Немного древностей осталось внутри храма, и если бы осталась хотя четвертая часть изъ перечисленнаго во «вкладныхъ и кормовыхъ книгахъ» [1],—монастырь обладалъ бы значительнѣйшей сокровищницей искусства. Прекрасно древне-русское шитье хоругви, носящей анекдотическое названіе «охраннаго знамени Сапѣги». *Стр. 55.*

Къ серіозному и строгому искусству 16-го вѣка относятся стѣны надвратной церкви св. Сергія, сооруженной въ 1545 году [2] *стр. 56, 57;* ворота получили богатую обработку въ концѣ 17-го столѣтія, тогда же или уже въ 18-мъ вѣкѣ были измѣнены главы и покрытіе церкви.

[1] А. Титовъ. «Вкладныя и кормовыя книги Борисоглѣбскаго монастыря». [2] Артыновъ. Рукон. «Лѣтописецъ Ростовской». В. Суслонъ. «Памятники древне русскаго зодчества», вып. 6.

Соборъ Богоявленскаго Аврааміева монастыря.—1554 г.
(Фот. П. Ф. Борщевскаго).

Мы возвратимся къ нѣкоторымъ постройкамъ монастыря, когда будемъ разсматривать памятники 17-го столѣтія, теперь же отмѣтимъ только, что, очевидно, къ 16-му вѣку относятся кирпичный узоръ настоятельскихъ покоевъ при трапезной церкви Благовѣщенія и большая часть самой церкви [1]. Мощь новгородскихъ декорацій, всегда простыхъ и логичныхъ, чувствуется въ этомъ рядѣ кирпичей, простота средствъ искусства только подчеркиваетъ его тонкость. *Стр. 58, 59.* Къ 16-му столѣтію относятся грандіозныя стѣны (высота 15 арш., толщина $3^1/_2$ арш., окружность 480 саженъ) и нѣкоторая часть башенъ. *Стр. 60, 61.*

Іоаннъ Грозный былъ расположенъ къ Ростову: цѣлый рядъ памятниковъ обязанъ ему своимъ возникновеніемъ. Посѣщая (въ 1556 г.) вотчину своей матери–

[1] Въ концѣ 17-го вѣка были сдѣланы настоящія окна и пристроена паперть.

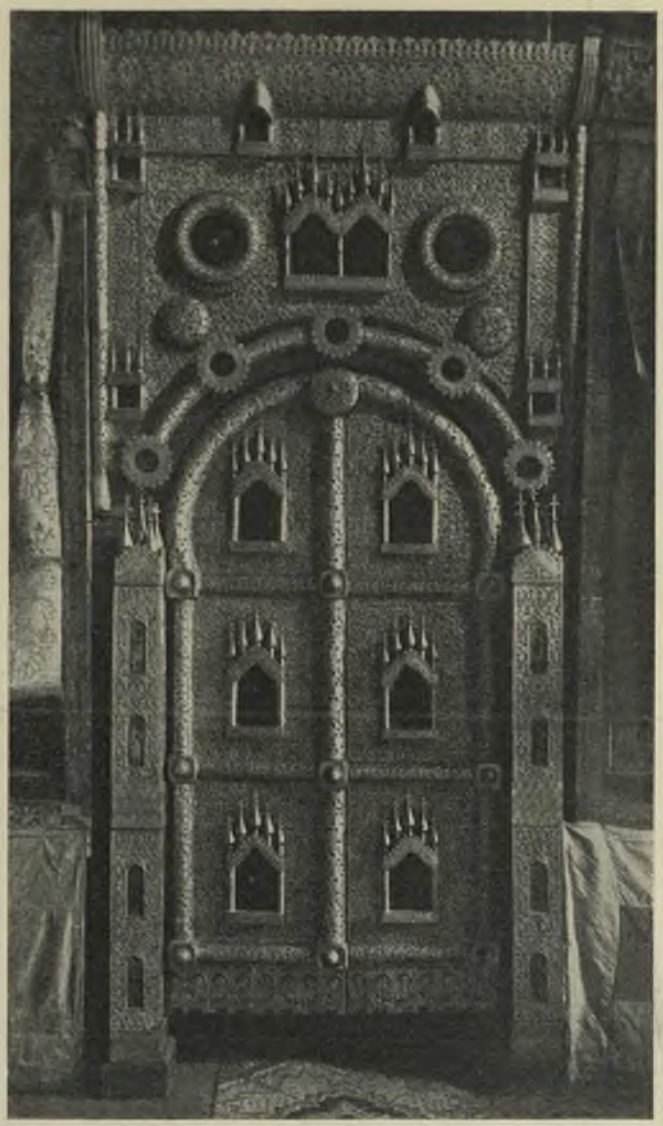

Соборъ Богоявленскаго Авраамiева монастыря.—1554 г.
(Фот. Б. Н. фонъ Эдинга).

Угодичи, царь далъ въ судебную избу «свое царское лицо-изображеніе, писанное вапы на дцкѣ» [1]. Но и Грозный не съ пустыми руками уходилъ изъ Ростова. Изъ собора онъ увезъ полъ краснаго мрамора, а изъ Авраамiева монастыря ту

[1] Въ «лѣтописцѣ» Артынова сказано, что Грозный, будучи въ 1545 г. впервые въ Ростовѣ, ѣздилъ въ Борисоглѣбскій монастырь и приказалъ построить своей царской казнѣ ограду, башни и святыя ворота.

Царскія врата Ишнинской церкви.

1562 г. (Фот. И. Ф. Борщевскаго).

священную трость, при помощи которой преподобный Авраамій уничтожилъ, послѣ долгой и безплодной борьбы, идола Велеса [1]. Трость была передана преподобному Аврамію явившимся ему Іоанномъ Богословомъ, и теперь царь Іоаннъ, собираясь противъ «поганаго царства Казанскаго», взялъ ее съ собою. Казань была взята. Грозный торжествовалъ побѣду, казавшуюся ему сходной съ побѣдой преподобнаго Авраамія; въ 1554 г., вновь будучи въ Ростовѣ, царь приказываетъ построить надъ гробомъ преподобнаго каменную соборную церковь своею царскою казною «за отъ ятую отъ гроба преподобнаго трость Богословлю, на побѣду и одолѣніе Казанскаго царства и тогда же принесе въ обитель иконы нерукотвореннаго

[1] Описаніе монастыря—Іустина Охотина. Ярославль, 1862 г.; А. Титовъ. «Сергіевъ посадъ». 1894 г.

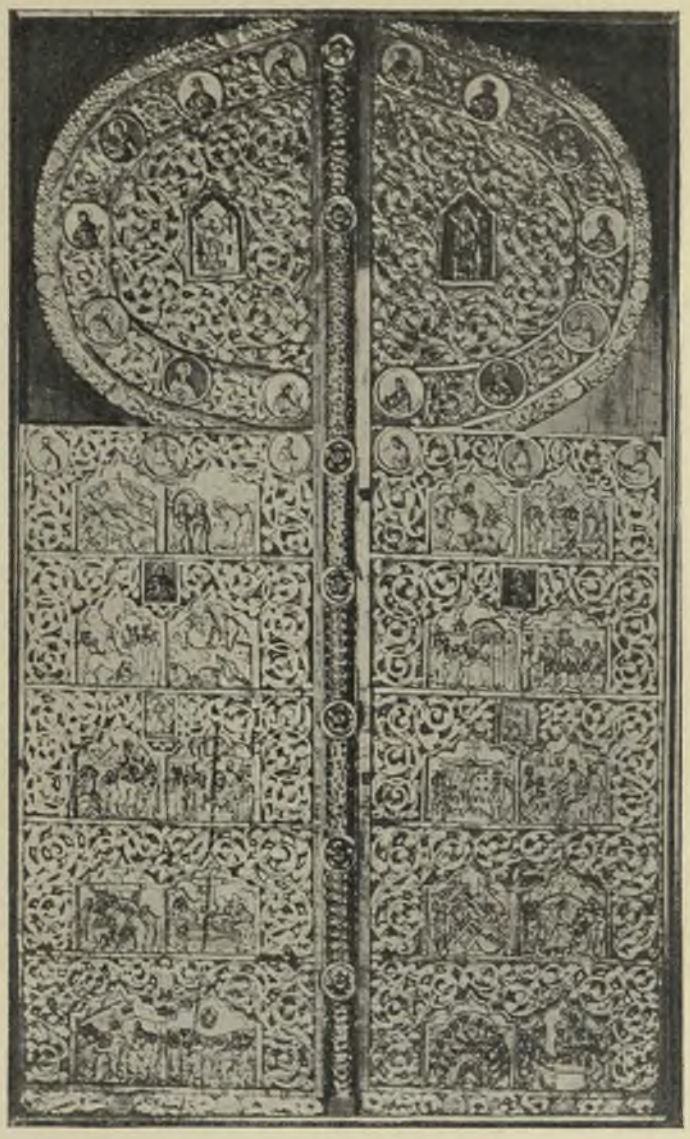
Покрытіе церкви Вознесенія или Исидора Блаженнаго.
1566 г. (Фот. П. Ф. Борщевскаго).

спаса на убрусѣ богоматерь Одигитріи и успѣнья Богоматери и яко невѣсту украси имъ церковь Божію»[1]. По преданію, церковь два года строилъ царскій мастеръ Андрей Малой.

Дошедшій до насъ соборный храмъ, несмотря на всѣ обезображивающія его передѣлки, частями прекрасенъ, а въ общемъ имѣетъ выдающееся значеніе перваго намъ извѣстнаго примѣра комбинаціи церкви, придѣла и шатровой колокольни, связанныхъ папертью. *Стр. 62, 63.* Живописная группа въ данномъ примѣрѣ еще лишена симметріи; низкій придѣлъ сѣверной стороны не уравновѣшиваетъ стройную шатровую колокольню. Замѣчательна обработка плоскостей послѣдней.

[1] Артыновъ. Рукопись «Лѣтописецъ Ростовской».

Царскія врата церкви Вознесенія—Исидора Блаженнаго.

1572 г. (Фот. И. Ф. Борщевскаго).

Монастырь не сохранилъ предметовъ былого искусства. Остались лишь кресты св. Авраамія [1], переписанныя иконы Грознаго, да два покрова 17-го вѣка [2]. Счастливый случай сохранилъ рѣдчайшій и прекрасный памятникъ русской рѣзьбы этой эпохи, находившійся раньше въ монастырѣ. Около 1686 г. монастыремъ была поставлена церковь въ деревнѣ Богослово на Ишнѣ. Сюда, очевидно за ветхостью, были переданы царскія врата, поставлены въ монастырь (быть можетъ, въ упраздненный послѣ придѣлъ Усѣкновенія главы Іоанна Предтечи) еще въ 1562 г. *Стр. 64, 66.*

[1] По характеру подписей и изображеній крестъ не можетъ быть отнесенъ къ 11-му столѣтію. Трость хранится въ Московской Оружейной палатѣ. [2] Одинъ покровъ набитъ на южной двери, другой—на старую раку.

Церковь Спаса Преображенія на Пескахъ.—17-й вѣкъ.
(Фот. Б. И. фонъ Эдинга).

Подобно амвону Софійскаго собора, царскія врата Ишнинской церкви имѣютъ два плана. Обрамленія имѣютъ болѣе крупный орнаментъ, всѣ плоскости—болѣе дробный. Безподобный по свѣжести и ясности растительный орнаментъ прерывался лишь сильнымъ пятномъ живописи. Этотъ плоскостной характеръ каждой части вратъ на первое мѣсто выдвигалъ рисунокъ узора. Здѣсь нѣтъ и основной черты прославленной русской рѣзьбы 17-го столѣтія—живописнаго движенія массъ и вызванной имъ игры свѣта и тѣни, но тѣмъ яснѣе архитектурное значеніе полувалика обрамленія, сдерживающаго всѣ плоскости. Несвязанность кіотовъ съ полемъ, позже сплетаемыхъ въ одномъ узорѣ,—также черта эпохи, не терпящей спутанности и нечеткости.

Порталъ церкви Архангела Михаила и церковь Благовѣщенія въ Бѣлостицкомъ монастырѣ. 1657—1658 г.
(Фот. А. Д. Иванова).

Эпоха Грознаго оставила по себѣ еще одинъ архитектурный памятникъ въ Ростовѣ,—церковь Вознесенія или Исидора Блаженнаго. На каменной плитѣ западной стѣны высѣчена лѣтопись храма: «Лѣта 7074 державою и повелѣніемъ благочестиваго царя государя великаго князя Иванна Василіевича всея руси его царскою казною, поставлена церковь сия Вознесеніе Господне въ ней же исідоръ чудотворецъ прі архіепископѣ нікандрѣ ростовскомъ. а дѣлалъ церковь великого князя мастеръ андрѣй малой». Церковь выстроена въ старозавѣтныхъ новгородскихъ формахъ, въ редакціи Московской архитектуры 16-го вѣка [1]. *Стр. 65.*

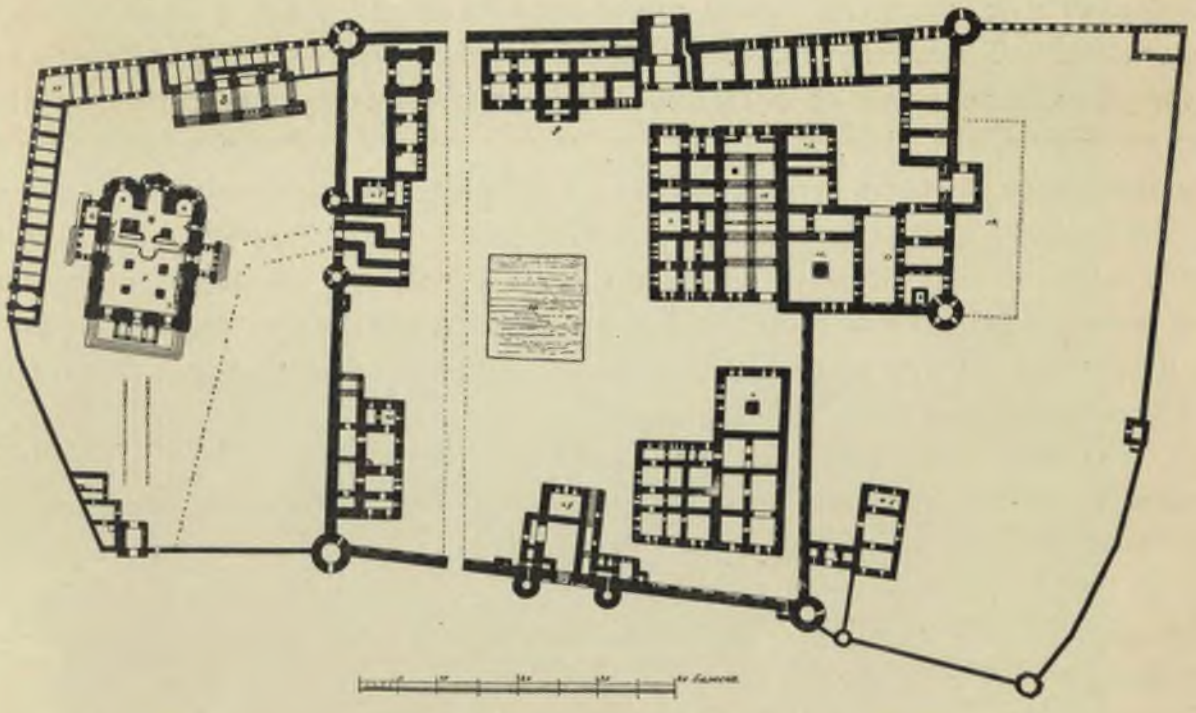
Послѣдній разъ, пріѣзжая въ Ростовъ, царь поставилъ въ церкви Вознесенія деисусъ рѣзной позлащенный и въ немъ царскія врата. Эти драгоцѣнныя врата

[1] 18—19-му вѣку принадлежатъ: фигурная глава, прямо-скатныя крыши, безформенныя окна и тяжелая колокольня.

Южная сторона Ростовской митрополіи.

Чертежъ начала 19-го вѣка.

Планъ Ростовскаго собора и митрополичьяго дома.

(Изъ книги М. В. Толстого «Древнія святыни Ростова Великаго»).

1. Соборъ. 2. Ризница. 3. Колокольня. 4. Церковь Спаса на «Сѣняхъ». 5. Церковь «Одигитріи». 6. Григорьевскій затворъ. 7. Церковь Воскресенія. 8. Церковь Іоанна Богослова. 9. Архіерейскіе покои. 10. «Бѣлая» палата. 11. «Красная» палата (не существуетъ). 12. Переходы (не существуютъ). 13. Терема. 14. Мѣсто княжьихъ теремовъ. 15. Соборная лавка. 16. Прудъ.

сохранились, но съ трудомъ можно представить себѣ все значительное великолѣпіе полнаго деисуснаго ряда, до насъ не дошедшаго *Стр. 66.*

На рубежѣ 16-го и 17-го столѣтій строительство надолго замираетъ. Смутное время не созидало новыхъ памятниковъ, а губило старые. 17-й вѣкъ открывается храмомъ въ Спасо-Песоцкомъ монастырѣ, выстроенномъ во второмъ десятилѣтіи, если вѣрно указаніе А. Титова въ примѣчаніяхъ къ «Архереомъ Ростовскимъ лѣтописи» (примѣчанія стр. 21). Замѣчательна печальная судьба этой обители.

Основанный въ 13-мъ вѣкѣ княгинею Маріей, дочерью святого князя Михаила Тверского и супругой святого князя Василька Ростовскаго, монастырь видѣлъ въ своихъ стѣнахъ постригшуюся княгиню. Ея сынъ, князь Глѣбъ Васильевичъ, былъ на Ростовскомъ столѣ и пользовался большой народной любовью; когда князь скончался, ему отвели подобающее мѣсто въ княжьей усыпальницѣ подъ соборомъ. Однако, черезъ девять недѣль останки князя были потревожены епископомъ Игнатіемъ (святымъ): глухой ночью «изрину его поругана и безчестна изъ церкви соборныя въ полъношь, и повелѣ просто закапати его въ землѣ у святаго Спаса въ княгининѣ монастырѣ» [1]. Митрополитъ Кириллъ сурово обличалъ Игнатія за поступокъ, непонятный ни древнимъ лѣтописцамъ, ни историкамъ. «Плачися убо чадо,—писалъ онъ Игнатію,—и кайся до своея смерти, о дерзости сей неподобней и безстудной. Осудилъ бо еси прежее суда Божія уже скончавшагося, а жива суща стыдяся и дары отъ него пріемля, и яды и пія съ нимъ и водворяяся и и веселяся, и егда бѣ мочно исправити, и не изправляше. да нынѣ-ли хощеши исправити тако жестоко запрещаа и отлучая? Аще-ли хощеши помощь сотворити ему, сотвори убо ему милостынями нищихъ и молитвами и моленіемъ священныхъ и божественныхъ службъ приношеніемъ» [2].

Случайно сохранился отрывокъ, авторъ котораго пытается слѣдующимъ образомъ объяснить поступокъ епископа. «Зане нача князь Глѣбъ появляться во снѣ владыкѣ Игнатію, овогда онъ видитъ князя Глѣба скачущаго на страшномъ крылатомъ звѣрѣ чудовище пышущаго пламенемъ изъ соборныя церкви, и кричащаго громко горе мнѣ, горе мнѣ, горе и тебѣ Владыко! Овогда видитъ онъ множество мертвецовъ со свѣточами огненными выносили исъ соборныя церкви гробъ, въ которомъ лежало тѣло князя Глѣба носящіа оный громко кричали увы, увы княже, увы, увы Глѣбъ, увы, увы Владыко, овогда видитъ онъ сидящаго князя Глѣба на прагѣ соборныя церкви и горько плачущаго о своей участи объятаго пламенемъ, овогда видитъ онъ Еѳіопа чернаго крылатаго страшно біющаго крылами и

[1] Гр. М. В. Толстой. «Древнія святыни Ростова Великаго». Никонова лѣтопись. Полное собр. русск. лѣтописей, т. 10, стр. 157. [2] Тамъ же, стр. 157—158.

Церковь Воскресенія на сѣверныхъ святыхъ воротахъ митрополіи.—1670 г.

пышущаго огнемъ несущаго на хребтѣ своемъ князя Глѣба котораго онъ и повергаетъ на владычный одръ злѣ укоряя князя и владыку» [1]...

Въ 18-мъ столѣтіи монастырь былъ упраздненъ и храмы были переданы сосѣднему Яковлевскому монастырю. Тогда же и въ 60-хъ годахъ 19-го столѣтія, забытые храмы Спасо Песоцкаго княгинина монастыря стали ненавистны духовной администраціи. Это мѣсто,—великую усыпальницу прошлаго, задумали превратить въ кладбище. Этому мѣшали древнія зданія. Сперва продавали на сломъ церковь св. Георгія и шатровую колокольню, общую двумъ церквамъ, затѣмъ ломали, жгли и взрывали эти постройки. Наконецъ, готовя себѣ достойный склепъ, одинъ изъ настоятелей раскопалъ усыпальницу и подрубилъ фундаменты самаго соборнаго храма [2]. Соборный храмъ Спаса спокойными, прекрасно найденными соотношеніями производитъ чарующее впечатлѣніе. Въ немъ есть отзвукъ былой строгой стройности, выражаемой самыми массами храма; но уже и начинающаяся нарядность сказалась въ умѣстномъ и безупречномъ убранствѣ. *Стр. 67.* Это тяготѣніе къ 16-му столѣтію заставляетъ насъ соглашаться съ приблизительной датой, приводимой Титовымъ. Но нѣтъ ничего удивительнаго, что храмъ принадлежитъ и второй половинѣ 17-го вѣка. Къ этой эпохѣ несомнѣнно относятся нѣкоторыя окна алтарной и южной стороны. Къ сожалѣнію, безподобно стройныя главы подрѣзаются четырехскатной крышей, для которой пришлось сбить части самыхъ стѣнъ; вопросъ покрытія при разнорѣчивыхъ данныхъ требуетъ еще рѣшенія.

[1] Отрывокъ рукописи Хлѣбникова приведенъ у Артынова въ «Лѣтописцѣ Ростовскомъ». [2] Титовъ писалъ объ этомъ: «Покойный настоятель этой обители Поликарпъ, передѣлывая около 1850 г. полъ въ нижнемъ этажѣ Преображенской церкви, нашелъ гробы кн. Маріи и сына ея князя Глѣба. Первая настолько сохранилась, что даже желтые сафьянные башмачки были цѣлы. Теперь въ этомъ этажѣ архимандритомъ Иларіономъ въ 1879 году устроена церковь, надгробныя плиты уничтожены и сдѣланъ мозаичный полъ, но мѣсто княжескаго погребенія извѣстно. («Архереомъ Ростовскимъ Лѣтопись», изд. Общ. Люб. Древ. Письм. Спб. 1890 г. и «Описаніе Спасо-Яковлевскаго монастыря»).

Иконостасная стѣна и солея церкви Воскресенія.— 1670 г.

VI.

ВЫРАБОТКА МѢСТНАГО АРХИТЕКТУРНАГО ТИПА.

Архитектурные памятники Бѣлогостицкаго монастыря особенно интересны тѣмъ, что ими открывается цѣлая эпоха строительной горячки Ростова. Основаніе Бѣлогостицкаго монастыря уже въ древности относилось къ эпохамъ очень давнимъ и пріукрашалось различными легендами; достовѣрно извѣстно, что монастырь уже существовалъ въ 15-мъ вѣкѣ [1]. Въ составъ монастыря вошла церковь, построенная

[1] «Описаніе Троицкаго монастыря». Яросл. губ. Вѣд. 1858 г., № 1—4. Гавриловъ. «Историко-археол. описаніе Бѣлогостицкаго монастыря».

здѣсь въ 1213 г. какъ образецъ Ростовскому собору [1]. Быть можетъ, на мѣстѣ ея построенъ въ 1657 г. соборный храмъ во имя Благовѣщенія. Церковь, выдержанная въ типѣ ранне-московской архитектуры, очень напоминаетъ церковь Исидора Блаженнаго 1556 г., нами уже разсмотрѣнную. Вкусы эпохи сказались, однако, въ большемъ движеніи вверхъ всѣхъ массъ, въ свѣтлой паперти, съ трехъ сторонъ окружающей церковь. *Стр. 68.*

Трапезная церковь Михаила Архангела, завершенная въ слѣдующемъ 1658 г., впервые намѣчаетъ выработку тѣхъ архитектурныхъ элементовъ и ихъ комбинацій, которые увлекали затѣмъ Ростовскихъ зодчихъ. Мы видимъ здѣсь, что часть паперти, едва ли практически необходимая, выносится впередъ открытымъ портикомъ лѣстницы; этимъ созданъ лишній архитектурный планъ. *Стр. 68.* Комбинаціей арокъ, несущихъ свѣтовую галерею, составленъ этотъ «портикъ», но таковы соотношенія пролетовъ и массъ, что трудно назвать столбами углы, замыкающіе арки; это скорѣе грузныя части стѣнъ, лишь нѣсколько разработанныя ширинками.

Іона, задумавъ строить свой архіерейскій домъ [2], долженъ былъ приняться за дѣятельное разрушеніе древнихъ храмовъ и палатъ, которыхъ на этомъ мѣстѣ, надо полагать, было не мало.

Уже въ глубокой древности (Артыновъ. «Лѣтописецъ Ростовской») мѣста, прилегающія къ старому княжьему двору, назывались «многолюдьемъ» по скученности здѣсь всякаго жилья. Нѣсколько церквей и два монастыря находились на небольшой, сравнительно, площади, занятой послѣ архіерейскимъ домомъ. Эти два монастыря, Григорьевскій затворъ, прославленный пребываніемъ и учеными трудами Стефана Пермскаго, и монастырь Іоанна Богослова, Іона замѣнилъ одноименными церквами, включенными въ рядъ построекъ его «дома».

«Архереомъ Ростовскимъ лѣтопись» просто и ясно описываетъ созданіе Іоны. «Митрополитъ въ бытность свою построилъ домъ Архіерейскій и оградилъ оградою каменной, по городовому устроенію съ башнями, съ бойницами и съ зубцами, двои ворота поѣзжія, третьи къ соборной церкви; на тѣхъ вратахъ церковь Воскресенія Христова, каменная, дивнымъ устроеніемъ съ папертьми, и въ ней и въ папертяхъ стѣннымъ письмомъ подписаны; на другихъ вратахъ къ конюшенному двору церковь святого Іоанна Богослова каменная же съ папертьми инымъ

[1] Стр. 49—50. [2] Названіе «Кремля» Архіерейскій домъ получилъ только въ эпоху псевдо-русской шумихи послѣдней трети 19 ст. За всѣ предыдущіе двѣсти лѣтъ его скромно называли «Архіерейскимъ домомъ», да и въ самомъ дѣлѣ, развѣ можно назвать кремлемъ ограду, не включающую въ себя съ одной стороны «домъ пресвятыя Богородицы»—Успенскій соборъ, съ другой не доходящую до церкви Бориса и Глѣба, издавна называвшейся «на княжьемъ дворѣ». Еще и въ настоящее время въ городѣ живо названіе «кремля» въ примѣненіи ко всему, находящемуся внутри земляного вала, быть можетъ, повторившаго границы стародавнихъ укрѣпленій: митрополитъ обнесъ оградой мѣста издавна принадлежавшія Ростовской митрополіи. Естественно, что все общегражданское, съ соборомъ, площадью вѣча, мѣстомъ теремовъ, — все осталось внѣ этой ограды.

«Горнее мѣсто» въ алтарѣ церкви Воскресенія.—1670 г.
(Фот. И. Ф. Борщевскаго).

образомъ, и въ ней и въ папертяхъ стѣннымъ образомъ подписаны. На сѣняхъ близъ архіерейскихъ келій церковь Всемилостиваго Спаса каменная же, надъ хлѣбнею особымъ дивнымъ образцомъ и стѣннымъ письмомъ подписана, а построена та церковь Спасская послѣ пожару на мѣстѣ погорѣвшія деревянныя церкви, которую онъ же построилъ предивнымъ образцомъ таковымъ, какова нынѣ построена есть деревянная, за озеромъ, въ селѣ Шестаковѣ. Онымъ же митрополитомъ Іоною, послѣ архіерейскаго двора въ другой каменной же оградѣ, на углу, что называется

Арка перехода «Бѣлой палаты»—1672 г.
(Фот. Б. Н. фонъ Эдинга).

Переходъ и юго-восточный уголъ «Бѣлой палаты».
1672 г. (Фот. Б. Н фонъ Эдинга).

«Бѣлая палата» и переходъ въ терема.
(Фот. И. Ф. Борщевскаго, снятая до реставраціи).

Внутренній видъ «Бѣлой палаты» въ 1890-хъ годахъ.
(Фот. И. Ф. Борщевскаго).

Фрагментъ лѣпныхъ украшеній «Бѣлой палаты».
(Фот. И. Ф. Борщевскаго).

Богословскій монастырь, построена церковь каменная же на кладовыхъ палатахъ, во имя святого Григорія Богослова; въ томъ же монастырѣ три палаты, жилыхъ небольшія; у тѣхъ четырехъ церквей у всѣхъ колокольни каменныя. Соборная церковь подписана стѣнным письмомъ архіерейскія палаты: крестовая съ келіями архіерейскими; столовая великая съ отдаточной, палаты для пришествія государскаго, на жилыхъ палатахъ другая столовая великая же, подписана стѣнным письмомъ, при ней же и отдаточная подъ столовую; первая хлѣбня и кладовыя палаты и ризница подъ Спасскою церковью»[1].

Первая изъ церквей архіерейскаго дома—Воскресенская—была сооружена около 1670 года[2]. Тогда же возводимая ограда выдѣляетъ двѣ башни, ограничивающія богато обработанныя ворота и паперть. *Стр. 71.* Надъ ними возвышается храмъ, стѣны котораго кажутся нѣсколько приземистыми, такъ какъ здѣсь не было найдено мѣста для аркатурнаго пояса. Стѣны, крытыя по закомарамъ, сведены подъ прямую четырехскатную крышу, очевидно, послѣ пожара 1731 г. Къ счастью барабаны главы храма не были надложены во время этой передѣлки, а купола, несмотря на неоднократныя исправленія, не утратили своей стройности.

Внутри храмъ поражаетъ полетомъ въ высь и прекрасной, нѣсколько мрачной пестротой росписи. *Стр. 73.* Алтарная стѣна замѣняетъ иконостасъ. Простыя «ро-

[1] «Архереомъ Ростовскимъ лѣтопись», стр. 13 и 14. [2] А. Титовъ. «Кремль Ростова Великаго», стр. 26.

Часть иконостаса, хранящаяся въ «Бѣлой палатѣ».
(Фот. М. А. Орлова).

манскія» колонны, сильно отступая, образуютъ особое крытое предвходіе къ царскимъ вратамъ; остальныя колонны у стѣны выдѣляютъ мѣстные образа и алтарныя двери и несутъ второй ярусъ «иконостаса», нѣсколько выдающійся противъ всей алтарной стѣны. *Стр. 73.* Высоко поднятая солея занимаетъ почти половину церкви. Ея парапетъ заслоняетъ часть колоннъ алтарной стѣны. Отъ солеи подымаются высокіе пьедесталы, несущіе парныя полуколонны. Коробовый сводъ у основанія средней главы нѣсколько вспарушенъ, что дѣлаетъ возможнымъ образовать подъ

Тябло иконостаса, хранящееся въ «Бѣлой палатѣ».—17-й вѣкъ
(Фот. И. Ф. Борщевскаго).

Часть оклада, хранящаюся въ «Бѣлой палатѣ».—17-й вѣкъ.
(Фот. И. Ф. Борщевскаго).

Свѣчной ларь. «Бѣлая палата».

17-й вѣкъ. (Фот. И. Ф. Борщевскаго).

главой перерывъ. Въ алтарѣ на «горнемъ мѣстѣ» поставлена сѣнь, повторяющая собою сѣнь «предвходія». *Стр. 75.*

Слѣдующей постройкой, очевидно, была Бѣлая палата, такъ какъ дата, приводимая Титовымъ,—1672 г. имѣетъ вѣроятность: церковь Спаса «на сѣняхъ» Бѣлой палаты построена въ 1675 г. *Стр. 82.* До реставраціи 1885 года Бѣлая палата была не только грандіозна, но и стройна; неоднократное повышеніе пола разрушило устойчивость и ясность всѣхъ соотношеній. Опись 1691 года[1] даетъ намъ представленіе о палатѣ, убранство которой не перебивало впечатлѣнія сильныхъ и простыхъ архитектурныхъ массъ. ...«Столовая палата, въ ней два образа всемилостиваго Спаса въ деисусѣхъ въ кіотахъ. На двухъ окнахъ посланы сукна лазоревыя, да коверъ, пани-

[1] «Ярославскія Епархіальныя Вѣдомости» 1882 г., № 20. А. Титовъ. «Кремль Ростова Великаго».

Церковь Спаса «на сѣняхъ» «Бѣлой палаты».
1675 г. (Фот. И. Ф. Борщевскаго, снятая до реставраціи).

кадило мѣдное, большое о трехъ поясахъ. Три стола поставлены по мѣстамъ, у столпа поставецъ съ уступами. Передъ столовой сѣни. Подлѣ сѣней двѣ полатки отдаточныя. Въ столовой же и въ сѣняхъ полы намощены чугунными досками».

Іона Сысоевичъ расписалъ палату лучшимъ письмомъ, а его преемнику, Іосифу Лазаревичу (1691—1701 г.) она казалась, очевидно, уже старомодной. При немъ

Аркада солеи церкви Спаса «на сѣняхъ».—1675 г.

Церковь Іоанна Богослова на западныхъ святыхъ воротахъ митрополіи.—1683 г. (Фот. И. Ф. Борщевскаго).

были расширены окна, серьги сводовъ отпилены, а стѣны получили лѣпное убранство. *Стр. 78.* Быть можетъ, къ этому времени относится названіе «Бѣлой» палаты, становящееся неотдѣлимымъ эпитетомъ.

По смѣлому замыслу Іоны, всѣ торжественныя палаты архіерейскаго дома—Бѣлая, Красная и Крестовые покои соединялись открытыми сѣнями-помостами. Грандіозные столбы и своды этой площади были разрушены въ 1880 г. во время «возобновленія» митрополичьяго дома [1]. Только съ юго-восточной стороны Бѣлая

[1] «Митрополичьему дому выпала счастливая доля,—пишетъ извѣстный мѣстный археологъ Титовъ въ книгѣ «Кремль Ростова Великаго»,—быть возобновленнымъ хотя и безъ сохраненія древней архитектуры и убранства, но для цѣлей вполнѣ искупающихъ этотъ недостатокъ»—для духовнаго училища.

Святыя ворота и паперть церкви Іоанна Богослова.—1683 г.

палата производитъ впечатлѣніе сильное и безусловно цѣльное. *Стр. 76.* Съ этого угла палата сообщается со старыми теремами, относящимися, быть можетъ, къ 16—17-му вѣку. Чуждый всякихъ археологическихъ соображеній, строитель 17-го столѣтія

Внутренній видъ церкви Іоанна Богослова.—1683 г.

новой пристройкой разбилъ стѣну старыхъ теремовъ, урѣзалъ въ нихъ для сѣней часть палаты и повысилъ въ проходѣ уровень пола до подоконниковъ; нижняя часть арки перехода прикрыла окно нижняго яруса теремовъ. *Стр. 76.*

Намъ неизвѣстно, что за мастера работали для Іоны. Но въ гладяхъ стѣнъ Бѣлой палаты, въ плоскостномъ характерѣ немногихъ карнизовъ, трудно найти какую либо близость къ Московской архитектурѣ, предавшейся въ это время безудержному убранству. Очевидно около того времени была расписана Красная палата, до насъ не дошедшая. Время ея построенія неизвѣстно. По большей части ее относятъ къ постройкамъ Іоны, но Артыновъ въ «Лѣтописцѣ» сообщаетъ, что Іона перенесъ только на другое мѣсто крыльцо палаты. Описаніе этой палаты мы встрѣчаемъ въ письмѣ очевидца разрушенія ея [1]. Въ Бѣлой палатѣ и въ прилагающихъ къ ней

[1] Стр. 42—44.

Паперть церкви Іоанна Богослова.—1683 г. (Фот. Б. Н. фонъ Эдингъ).

«теремахъ» около тридцати лѣтъ существуетъ музей церковныхъ и бытовыхъ древностей Среди огромнаго количества предметовъ, наводнившихъ собою палаты, встрѣчается не мало прекрасныхъ образцовъ древняго русскаго узорочья. Таковы фрагменты иконостаса Ярославской Власіевской церкви, *стр. 79,* свѣчной ларь *стр. 81;* тябло иконостаса церкви Рождества Христова въ Ярославлѣ *стр. 80* и фрагменты оклада,

Проѣзжая башня восточной стѣны.

17-й вѣкъ. (Фот. Б. Н. фонъ Эдинга).

найденнаго въ мусорѣ «теремовъ». *Стр. 80.* Здѣсь же хранится надгробный крестъ 1458 г. *Стр. 31.*

Въ 1675 г. на митрополичьемъ дворѣ была построена церковь Спаса на сѣняхъ, принадлежащая къ самымъ блестящимъ созданіямъ Іоны [1]. *Стр. 82.* Ея наружныя формы повторяли старо-новгородскую троечастную разбивку фасадовъ въ Московскомъ переводѣ.

Эпоха сказалась въ четырехгранной трибунѣ, на которой стоитъ главка. Въ настоящее время это самая некрасивая церковь. Надложенные углы и сбитая средняя арка нарушаютъ былую связность и гармоничность формъ [2]. Но тѣмъ сильнѣе поражаетъ и восхищаетъ внутреннее убранство церкви. Новымъ планомъ введена здѣсь роскошная аркада, поставленная на парапетъ высокой солеи. Это кажется новымъ, необычайнымъ, единственнымъ. *Стр. 83.* Но если мы вспомнимъ архитектурные элементы предыдущей по времени Воскресенской церкви, мы найдемъ строгую послѣдовательность архитектурно-декоративныхъ задачъ и большую связь между церквами. Уже у Воскресенія всѣ колонны перваго яруса иконостаса отдѣлились отъ алтарной стѣны и двѣ изъ нихъ настолько, что образовалось особое предвходіе; арки же прочихъ колоннъ несутъ второй ярусъ иконостаса, также нѣсколько выступающій. *Стр. 73.* Возвышенная, но меньше, чѣмъ у Спаса «на сѣняхъ», солея Воскресенскаго храма имѣла только парапетъ, закрывающій низы колоннъ алтарной стѣны,—что придавало имъ видимую приземистость, т. е. тѣ пропорціи, которыя были воспроизведены столбами солеи Спаса. Слѣдовательно, какъ новше-

[1] Лѣтопись съ храмозданнаго креста приведена у Суслова въ «Памятникахъ древне-русскаго зодчества», стр. 7.
[2] Вопросъ покрытія церкви обстоятельно изслѣдованъ у Суслова въ его книгѣ «Очерки по исторіи древне-русскаго зодчества».

Переходъ надъ садовыми воротами.—17-й вѣкъ.
(Фот. И. Ф. Борщевскаго, снятая до реставраціи).

ство, мы можемъ отмѣтить только переносъ того, что было на заднемъ планѣ,—впередъ, на солею, уже подготовленную предыдущимъ строительнымъ опытомъ къ подобной перестановкѣ. Но это перемѣщеніе имѣло свои слѣдствія, и живое творческое искусство отмѣтило ихъ. За переградой, столь далеко выступающей впередъ, алтарная стѣна уже не имѣетъ впередъ выступающихъ частей; только арки, связывающія стѣну съ переградой, перспективно подчеркиваютъ пространство, ихъ раздѣляющее. *Стр. 114.*

Но уже не колоннами обработаны входы и мѣста образовъ—скромныя полуколонны слабо выдвигаются изъ стѣны; этого мало: безконечно углубленныя скошенными порталами, царскія врата и двери алтаря вѣрны той же задачѣ,—передать отдаленность задняго плана, выдѣляя тѣмъ приближеніе передняго.

Слѣдующая по времени церковь Іоанна Богослова построена въ 1683 году [1]. *Стр. 84.* Какъ и Воскресенская церковь, она высится надъ святыми воротами, и углы

[1] Рихтеръ сохранилъ въ своихъ замѣткахъ (Сусловъ. «Памятники древне-русскаго зодчества», вып. VI) лѣтопись храма, закрытую въ настоящее время мѣстнымъ образомъ. «Лѣта 7191 іюня 1-го, благоволеніемъ Все-

«Водяныя ворота» подъ церковью Срѣтенія въ Борисоглѣбскомъ монастырѣ.
17-й вѣкъ.

паперти такъ же скрыты въ двухъ башняхъ. Раздѣлка святыхъ воротъ однообразными ширинками и безсвязнымъ рядомъ большихъ оконъ кажется менѣе удачной, чѣмъ подобная же обработка воротъ церкви Воскресенія. *Стр. 85.*

Прелестные расцвѣченные порталы украшаютъ на паперти входы въ церковь; игра нѣжныхъ, полусмытыхъ тоновъ дѣлаетъ безконечно богатымъ дробленіе на нихъ свѣта и тѣни. *Стр. 87.* Внутри храма на солеѣ, не приподнятой высоко надъ уровнемъ пола, стоятъ два клироса, сохранившіе еще кое что изъ старой русской рѣзьбы, но въ то же время надѣленные карнизами и балясинами Петровской эпохи [1]. *Стр. 86.*

сильнаго и всеславнаго Бога помосчію заступленіемъ Пресвятыя Богородицы нашей Владычицы и Приснодѣвы Маріи и молитвами великихъ святителей Леонтія, Исаія, Игнатія, Іакова, Епископовъ Ростовскихъ Чудотворцевъ совершися и подписася сія святая церковь во имя св. Апостола Евангелиста Іоанна Богослова». Покрытіе Іоанно-Богословской церкви претерпѣло обычное искаженіе: раньше будучи закомарнымъ (Павлиновъ. «Древности Ростовскія и Ярославскія»), оно было замѣнено четырехскатнымъ, при этомъ была надложена средняя глава. Восточное крыльцо, выдержанное въ тяжелыхъ и сырыхъ формахъ, принадлежитъ 90-мъ годамъ 19-го вѣка. [1] Были зарисованы Ѳ. Рихтеромъ и воспроизведены у Суслова въ «Памятникахъ древне-русскаго зодчества».

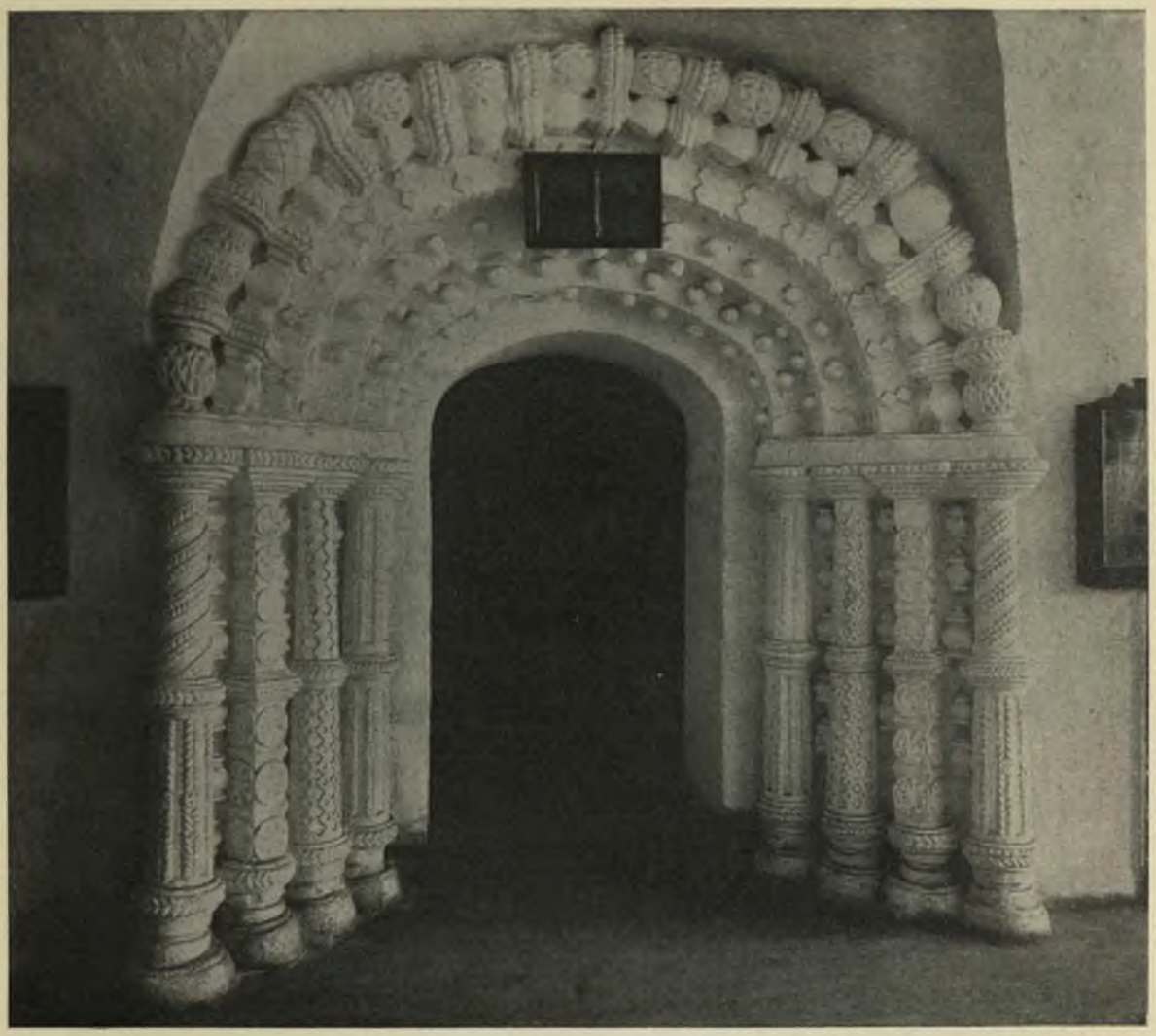

Церковь Срѣтенія въ Борисоглѣбскомъ монастырѣ.—17-й вѣкъ.
(Фот. И. Ф. Борщевскаго).

Еще одинъ памятникъ времени Іоны Сысоевича,—церковь Григорія Богослова, не сохранила отъ своей эпохи почти ни одной подлинной черты: въ серединѣ 18-го столѣтія церковь была перестроена, а въ 1884 г. реставрирована. Мѣшаютъ не столько путаница формъ 17—18-го вѣка, сколько слѣды аляповатаго возобновленія [1].

«Архіерейскій домъ» былъ оконченъ. Стѣны, одиннадцать башенъ, пять церквей, нѣсколько величественныхъ палатъ, покои, террасы и переходы образовали

[1] При этой реставраціи снесены остатки колокольни.

Порталъ церкви Срѣтенія.—17-й вѣкъ.

слитную группу, дошедшую до насъ, хотя и въ неполномъ видѣ [1]. *Стр. 21, 27, 69, 88, 89, 140.*

Очевидно, въ это же время началъ дѣятельно обстраиваться Борисоглѣбскій монастырь, съ древними памятниками котораго мы уже познакомились. Нужно полагать, что здѣсь, въ послѣдней трети 17-го вѣка, былъ такой же любитель зодчества, какимъ былъ Іона въ Ростовѣ. Ни одно завоеваніе въ выработкѣ архитектурнаго

[1] На чертежѣ Архіерейскаго дома *стр. 69,* относящемся къ двадцатымъ годамъ 19-го столѣтія, ясно показано перекрытіе круглыхъ башенъ съ поличкой не возстановленныхъ «реставраціей». Очевидно «реставраціи» принадлежитъ окраска кремля въ розовый цвѣтъ, такъ какъ на старыхъ пристройкахъ къ оградѣ ясно сохранилась бѣлая окраска.

Церковь Срѣтенія и башни сѣверной стѣны.—17-й вѣкъ.

типа и декораціи не прошло даромъ, а нѣкоторыя изъ нихъ были доведены до послѣдней степени совершенства.

Мы уже указывали на святыя ворота подъ церковью Сергія *стр. 56,* сооруженныя вмѣстѣ со стѣнами по распоряженію Грознаго. Дошедшее до насъ убранство самихъ воротъ принадлежитъ, очевидно, концу 17-го столѣтія, но идущія отъ 16-го вѣка

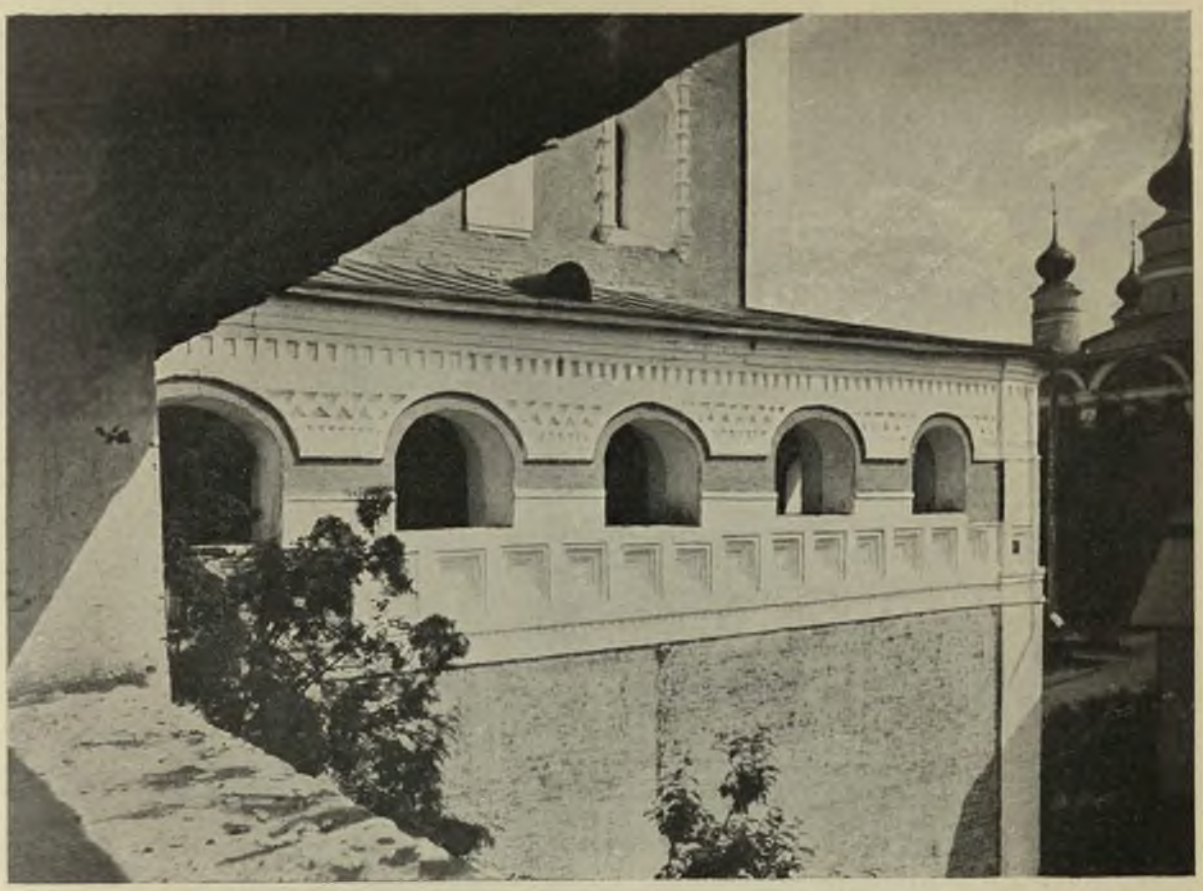
Южная стѣна церкви Срѣтенія.

17-й вѣкъ.

башни и церковь представляютъ собою первый (для Ростовской области) примѣръ группировки, увлекавшей затѣмъ строителей Ростова.

Въ данномъ случаѣ группа еще лишена единства. Памятники Ростова и Борисоглѣбскаго монастыря убѣдительно говорятъ намъ, какъ напряженно выискивали зодчіе болѣе счастливыхъ соотношеній. Церковь Срѣтенія на противоположной сторонѣ ограды, съ своими башнями и папертью, относящаяся, очевидно, къ послѣдней трети 17-го вѣка, даетъ большее единство и связность церкви, башенъ и воротъ. *Стр. 91.* Нарядныя башни уже лишены боевой внушительности, словно акценты древнихъ строгихъ стѣнъ, замыкаютъ между собой ворота и паперть, а верхними ярусами маскируютъ присоединеніе церкви и паперти къ стѣнамъ. *Стр. 90, 93.* Какъ связующія звенья, эти башни необходимы; кромѣ того, безъ нихъ была бы немыслима богатая обработка паперти въ чередованіи съ суровой гладью стѣнъ.

Паперть церкви Срѣтенія. 16—17-й вѣкъ.
(Фот. И. Ф. Борщевскаго).

Паперть и ворота составлены извѣстной уже намъ комбинаціей арокъ, украшенныхъ здѣсь цѣлымъ рядомъ гирекъ. Изъ двухъ дверей, ведущихъ съ паперти въ самую церковь, западная обработана со сказочной пышностью *стр. 92,* уже таящей предчувствіе наступающей тяжести и вялости. Внутри, въ парныхъ полуколоннахъ, несущихъ среднія арки, мы встрѣчаемъ повтореніе подобнаго же пріема Воскресенской церкви Ростовскаго архіерейскаго дома [1]. Съ южной стороны открывается видъ на стройныя массы церкви, не заслоненной ни башнями, ни папертью. *Стр. 94.* Юго-западный уголокъ паперти или остался отъ предыдущей церкви, либо построенъ вновь, но съ тяготѣніемъ къ старымъ

[1] За иконостасомъ удалось обнаружить фрески 17 столѣтія, очевидно, замѣнявшія иконостасъ. Царскія врата выдѣлялись изъ всей стѣны сильно выдающимся полувалникомъ и карнизами.

Сѣверная стѣна Борисо-глѣбскаго монастыря.

Башни и церковь Срѣтенія. 16—17-й вѣкъ.

формамъ. *Стр. 95.* Пройдя по стѣнѣ дальше, мы видимъ Срѣтенскую церковь въ ряду башенъ, время отъ времени перебивающихъ стѣны. *Стр. 96, 97.* Къ внутренней сторонѣ западной стѣны примыкаетъ постройка съ едва сохранившимся въ памяти монаховъ названіемъ «настоятельскихъ покоевъ». *Стр. 98.* Передѣлки сдѣлали непонятными отдѣльныя части этого зданія [1].

Очевидно, тогда же, въ концѣ 17-го столѣтія старая церковь Благовѣщенія получила богато украшенный портикъ.

Вспоминая первую попытку въ этомъ направленіи—крыльцо въ Бѣлогостицкомъ монастырѣ, мы отмѣчаемъ, какъ много вниманія удѣляетъ теперь зодчій

[1] Въ нижнемъ этажѣ, сейчасъ находящемся ниже уровня земли, сохранилось нѣсколько нерастесанныхъ оконъ. Здѣсь устроена была большая палата, съ четырехугольнымъ столбомъ, тяжело несущимъ своды стѣнъ. (Въ настоящее время свинарня).

Сѣверо-западная башня и сѣверная стѣна Борисоглѣбскаго монастыря. 16—17-й вѣкъ.

внѣшнему убранству. *Стр. 58.* Окна получили очень остроумное объединеніе богатымъ «аркатурнымъ» рядомъ, на стѣнахъ не осталось большихъ пустотъ, все было убрано ширинками и дорожками [1].

Быть можетъ, послѣдней постройкой въ монастырѣ является звонница [2]. *Стр. 98, 99.* Созданная уже послѣ звонницы Воскресенскаго монастыря въ Угличѣ, Борисоглѣбская намѣчаетъ новыя исканія. Длинный корпусъ съ тремя пролетами увѣнчанъ уже тремя главками, а не одной, какъ въ Угличѣ. *Стр. 98.* Шейки главокъ жидки и не связны съ нерасчлененнымъ покрытіемъ, но съ нѣкоторыхъ

[1] Тогда же, очевидно, окна церкви были расширены и получили ажурные наличники. [2] У Суслова въ «Памятникахъ древне-русскаго зодчества» говорится, что въ 1690 г. была освящена церковь, находящаяся подъ звонницей.

Старые «настоятельскіе покои» въ Борисоглѣбскомъ монастырѣ.
17-й вѣкъ.

Звонница Борисоглѣбскаго монастыря.

1690 г. (?)

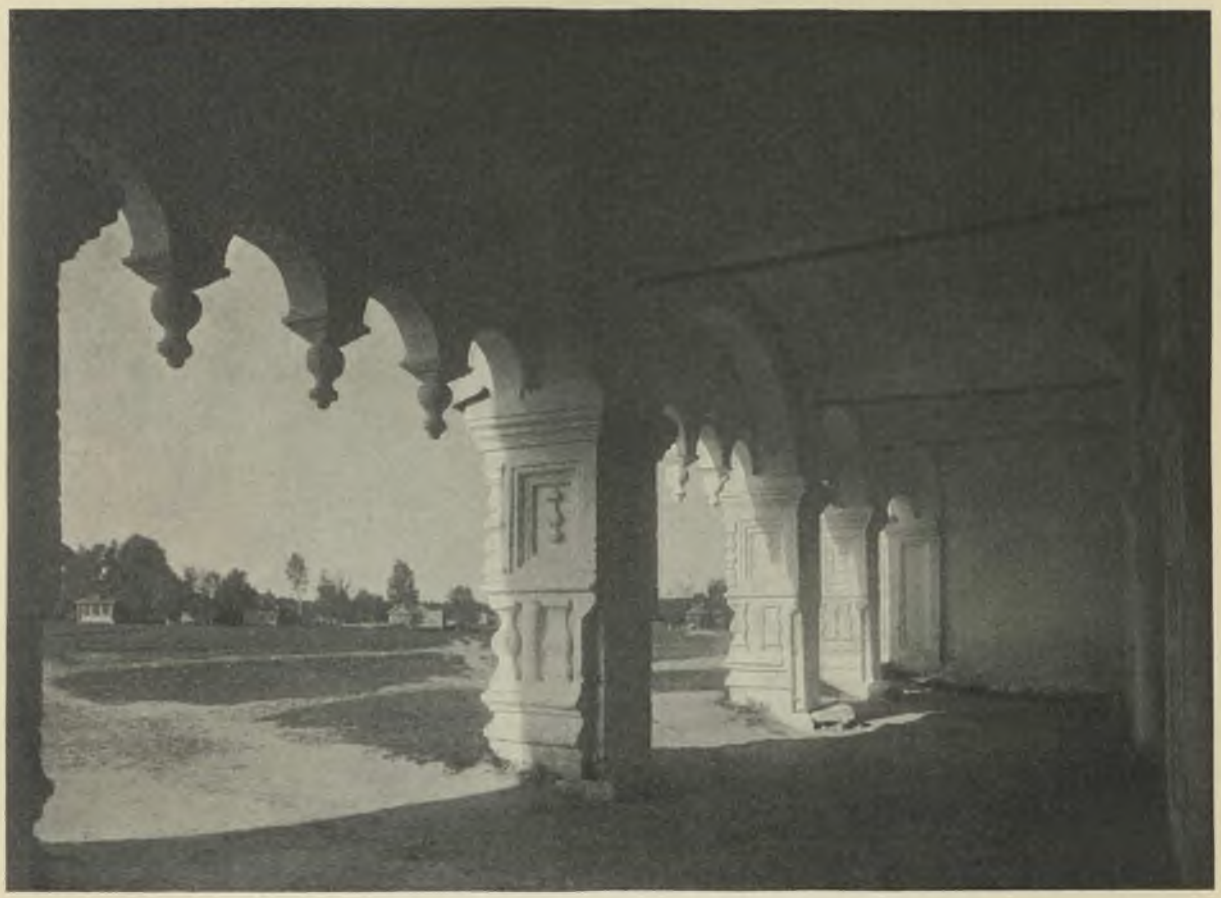
Звонница Борисоглебскаго монастыря.—1690 г. (?)

Южныя святыя ворота Борисоглѣбскаго монастыря.—17-й вѣкъ.
(Фот. И. Ф. Борщевскаго).

точекъ звонница подкупаетъ стройностью именно этихъ монотонныхъ главокъ. Очаровательный портикъ, намъ уже извѣстнаго типа, образуетъ богатый первый планъ. *Стр. 99.* Заканчивая обзоръ памятниковъ Борисоглѣбскаго монастыря, мы возвращаемся къ святымъ воротамъ подъ Сергіевской церковью, быть можетъ, самому позднему и самому плѣнительному созданію 17-го вѣка. *Стр. 100.* Когда стоишь передъ воротами, и всякое узорочье играетъ свѣтомъ на глубокихъ тѣняхъ, нельзя не залюбоваться красивымъ памятникомъ; но внутри воротъ, когда видишь нависающія легкой тѣнью хрупкія гирьки, когда рисуется цѣлый рядъ узорныхъ столбовъ, не знаешь предѣла очарованію. *Стр. 101.* Здѣсь, на фонѣ тихой природы, осуществилась плѣнительная Берендѣевщина.

Послѣдній памятникъ Іоннискоі эпохи—соборная звонница сооружена между 1682—1687 г. *Стр. 102, 103.* Судя по наружнымъ формамъ, мы можемъ предположить, что

Южныя святыя ворота Борисоглѣбскаго монастыря.

сперва былъ построенъ длинный трехпролетный корпусъ; съ этимъ согласны даты меньшихъ колоколовъ, вылитыхъ въ 1682 и 1683 г.[1]. Большой колоколъ «Сысой»[2], вылитый въ 1687 г., потребовалъ для помѣщенія отдѣльную башню[3], которую и поставили

[1] Поліелейный и Лебедь. Когда эти колокола отливали на митрополичьемъ дворѣ, Іона писалъ князю Михаилу Темкину: «на своемъ дворишкѣ лью колоколишки, дивятся людишки». Въ старину были поты, по которымъ звонили; это сохраняло древніе звоны отъ неизбѣжной порчи. Ноты потеряны, и въ настоящее время звонари передаютъ звоны по памяти. Мѣстный любитель свящ. Ар. Израилевъ болѣе 40 лѣтъ занимался изученіемъ ростовскаго звона и подборомъ камертоновъ для воспроизведенія его. Такой подборъ хранится въ Бѣлой палатѣ, а изслѣдованіе Израилева, съ положенными на ноты звонами, напечатано въ «Обществѣ любителей древней письменности» въ 1884 г. (Свящ. Израилевъ. «Ростовскіе колокола и звоны»). Колокола, а вмѣстѣ съ ними и общій строй начали портить давно и портятъ и до сихъ поръ. Въ 1807 г. былъ перелитъ колоколъ Голодай, вылитый во время страшнаго голода 1578 г. Если вѣрить рукописи Артынова, на колоколѣ была надпись: «Лѣта 7086 Маія въ 15 день вылитъ сей колоколъ въ память великаго голода и мора на людей, зане ядяху люди псину и мертвечину и ино скаредное, зане быша четверть ржи по двѣнадцати алтынъ. А потомъ въ полъ третья за четверть». Въ 1911—1912 г. былъ небрежно перелитъ одинъ изъ значительныхъ колоколовъ. [2] Названъ такъ въ честь отца митрополита Іоны. [3] Болѣе высокой, чѣмъ звонница.

На колокольнѣ Ростовскаго собора.

(Фот. Д. Н. фонъ Эдинга).

къ сѣверной сторонѣ звонницы [1]. Какъ перекрыта была звонница раньше—неизвѣстно. Углы и промежутки между арками, кажется, надложены позже, быть можетъ, крыша, повторяя форму сводовъ, шла по закомарамъ.

Жаль, что въ корпусѣ большого колокола заложена арка, подобная аркѣ средняго пролета. Въ массахъ колокольни, подобно тому, какъ и въ стѣнахъ Бѣлой палаты, высказалось серіозное искусство, быть можетъ, больше всего помнящее былую мощь новгородскаго и псковского зодчества. Стѣны обработаны выносомъ на нихъ крупныхъ элементовъ построенія, таковы пилястры и карнизы, дѣлящіе ярусы, что придаетъ ясность и стройность каменной громадѣ.

Концу 17-го столѣтія принадлежатъ двѣ деревянныя церкви, сохранившіяся неподалеку отъ Ростова.

Церковь на рѣчкѣ Ишнѣ построена въ 1687 г. *Стр. 105.* Стройно высится она противъ бѣдныхъ стародавнихъ избъ, на косогорѣ у маленькой рѣчки. По преданію, здѣсь св. Авраамій встрѣтилъ Іоанна Богослова, вручившаго преподобному трость для одолѣнія Велеса. Церковь не была создана людьми. Въ старину, какъ говоритъ

[1] Между постройками образовался узкій пролетъ (такъ какъ каждый ярусъ ихъ отступаетъ противъ нижняго), его заложили, въ настоящее время кирпичи дали значительный осадокъ.

Звонница Ростовскаго собора.
Около 1690 г.

преданіе, она приплыла по Ишнѣ. Церковь очень типична для эпохи многоярусныхъ храмовъ, когда шатры замѣнялись многогранниками, приближающимися въ своемъ силуэтѣ къ шатровымъ увѣнчаніямъ. Лѣстница колокольни и паперть, далеко

Двери церкви Іоанна Богослова на Ишнѣ.—1687 г.
(Фот. И. Ф. Борщевскаго).

вынесенныя и встрѣчающіяся, образуютъ подобіе арки [1]. Входъ въ церковь украшенъ просто, но достаточно. Уже отмѣчено въ немъ подражаніе каменной аркѣ [2], но интересно далѣе, что отдѣльные элементы, какъ напримѣръ, «дыньки», взяты съ каменныхъ порталовъ. *Стр. 104.* Желѣзная личина замка, подложенная цвѣтнымъ

[1] Церковь со временемъ потеряла многое и дошла до насъ въ искаженныхъ формахъ. Въ 19-мъ вѣкѣ былъ уничтоженъ рядъ кокошниковъ, образующихъ переходъ отъ послѣдняго восьмигранника къ главкѣ. Можно видѣть на рисункѣ, помѣщенномъ у гр. М. В. Толстого въ книгѣ «Древнія святыни Ростова Великаго» и на грубой модели въ «Бѣлой палатѣ». Правая часть галереи уничтожена. Лемехъ замѣненъ желѣзомъ, двускатныя крыши обезображиваютъ гибкія линіи бочекъ. Церковь обшита тесомъ и каждое десятилѣтіе перекрашивается все хуже и хуже. [2] Игорь Грабарь. «Ист. русс. Иск.», т. I, стр. 480.

Церковь Іоанна Богослова на Ишнѣ.—1687 г.
(Фот. П. Ф. Борщевскаго).

Церковь села Билюкова.—1699 г. (?)
(Фот. А. Д. Иванова).

Церковь Божіей Матери «Одигитріи» у сѣверной стѣны митрополіи.—1693 г.

сукномъ и слюдой, даетъ интересное, сильное пятно. Внутри церковь сохранила драгоцѣнныя царскія врата 16-го вѣка *стр. 64*, но, кромѣ этого, въ ней осталось мало нетронутаго. Тябла иконостаса очень испорчены [1], лучше сохранился деревянный клиросъ, классическій по своей простотѣ [2].

Другая деревянная церковь находится за озеромъ, въ селѣ Билюковѣ. Сооружена она въ простыхъ стародавнихъ формахъ, очевидно, въ концѣ 17-го вѣка. *Стр. 105.* Заколоченная церковь простояла никому неизвѣстная до 1905 г. Недавно ее нашли и настолько изуродовали «реставраціей», что пришлось дать здѣсь уже несуществующій дореставраціонный видъ [3].

[1] Воспроизведены у Рихтера въ его «Памятникахъ древне-русскаго зодчества». [2] Воспроизведены въ журналѣ «Зодчій». [3] Врата этой церкви, очевидно, уже 18-го вѣка, находятся въ Бѣлой палатѣ. Пройдя черезъ тѣ же руки, они раздѣлили участь церкви. Безобразная позолота и окраска забили грубую, но очень характерную рѣзьбу.

Лѣпное убранство сводовъ и стѣнъ церкви «Одигитріи».
1693 г.

Преемникъ Іоны—Іосафъ Лазаревичъ строилъ немного. Его эпохѣ принадлежитъ церковь «Одигитріи,» приставленная безъ всякой органической связи къ стѣнѣ [1]. *Стр. 106.* Церковь выдержана въ «нарышкинскихъ» формахъ, пришедшихъ въ Ростовъ только въ послѣднее десятилѣтіе 17-го столѣтія. Внутри сохранилась отличная лѣпнина, вѣрная тяжелой граціозности своей эпохи. *Стр. 107, 108.*

Одигитріевская церковь, конечно, не можетъ доставить славы своему времени; не знаю, какимъ казался бы теперь другой памятникъ эпохи Іосафа,—разрушенная въ первой половинѣ 19-го вѣка часозвоня. Судя по дурнымъ и неяснымъ рисункамъ,

[1] Церковь испорчена передѣлками, во многомъ лишающими ее стройности. Такъ, безформенно большая крыша не соотвѣтствуетъ корпусу церкви, отступившей противъ перваго этажа, чтобы образовать открытый обходъ. На этотъ нарушенный съ восточной стороны парапетъ вела дверь, въ настоящее время заложенная.

Лѣпное убранство стѣнъ церкви «Одигитріи».
1693 г.

это былъ самый поразительный памятникъ конца 17-го вѣка[1]. Съ колоссальныхъ арокъ нижняго яруса безудержно высилась башня, заканчивающаяся тупымъ шатромъ на восьмигранникѣ, заключавшемъ въ себѣ колокола.

[1] Старый чертежъ 20-хъ годовъ очень дурно напечатанъ у Титова въ его книгѣ «Іосафъ Лазаревичъ»; подлинникъ, къ сожалѣнію, до сихъ поръ не разысканъ въ разнообразномъ собраніи автора. Башня изображена на видѣ Ростова 18-го вѣка въ соборной церкви Варницкаго монастыря *стр. 140* и на большомъ изображеніи Леонтія въ Шереметевскомъ храмѣ Яковлевскаго монастыря.

Паперть церкви Воскресенія.—17-й вѣкъ.
(Фот. И. Ф. Борщевскаго).

VII.

ФРЕСКИ.

Ростовскія фрески относятся къ 70—90-мъ годамъ 17-го вѣка; въ нихъ высказалась эпоха съ наибольшей силой и художественной тонкостью. Насколько же самобытно это искусство? что можно учесть въ немъ какъ заимствованіе, и откуда?

Отъ Византіи Русь унаслѣдовала, на ряду съ другими странами византійской культуры, одно изъ самыхъ мощныхъ декоративныхъ искусствъ—мозаику и стѣнопись. Эти искусства не оставались неизмѣнными въ теченіе долгой жизни на

«Преображенный Іерусалимъ». Фреска на паперти церкви Воскресенія.

русской территоріи: обслуживая потребности глухихъ провинцій, они восприняли въ себя иные, здѣсь лишь понятные, способы выраженій свѣжаго и художественно сильнаго народа.

Можно предполагать въ фрескѣ и до 17-го столѣтія не мало чужеземныхъ западныхъ вліяній, но всѣ они не могли нарушить ясно опредѣлившихся вкусовъ. При разнообразныхъ измѣненіяхъ въ жизни фресокъ неизмѣнной оставалась главная задача, общая всѣмъ декоративнымъ искусствамъ Востока: въ общемъ видѣ роспись стѣнъ должна представлять убранство архитектуры. Каждая частность хороша только по мѣрѣ соотвѣтствія этой задачѣ [1]. Художественнымъ опытомъ многихъ поколѣній вырабатывалась цвѣтистая гамма росписей, красота упругихъ, все оформливающихъ линій, эластичные мазки, съ ясными гранями рисуночнаго характера. Въ настоящее время еще трудно выяснить, что было принесено извнѣ и что оставалось самобытнаго въ эпоху иностранныхъ вліяній 15—16-го вѣка. Эти вліянія во всякомъ случаѣ были очень значительны, какъ о томъ говорятъ миніатюры эпохи Грознаго. Намъ въ сѣверной части Московской области понятнѣе 17-й вѣкъ, хотя здѣсь многое остается невыясненнымъ и гадательнымъ. Очевидно, настоящимъ откровеніемъ для иконописца 17-го вѣка могли показаться западно-европейскія гравюры, нахлынувшія въ серединѣ этого столѣтія въ Москву. Эти продукты совер-

[1] Продолжая анализировать въ этомъ направленіи фрески, часто впадали въ ошибки. Такъ, предполагая, что при этомъ все должно быть двухъ измѣреній, лишали иконопись пространственности, что совершенно невѣрно.

Ной у ковчега. Фреска на паперти церкви Воскресенія.—17-й вѣкъ.

шенно иного художественнаго опыта были жадно восприняты, переработаны и пущены въ оборотъ фресокъ второй половины 17-го столѣтія. Безцвѣтныя гравюры менѣе всего могли затронуть область красочныхъ исканій русскаго иконописца, и красочная радуга его глазъ не нарушалась, но передача движеній и пространства, въ которомъ это движеніе происходитъ, расширило художественный опытъ. Иконописецъ, разъ воспринявъ впечатлѣнія художественнаго анализа европейскаго искусства, уже не могъ оставаться въ предѣлахъ синтеза прежней, восточной живописи, всегда ясно построенной, но иногда схематичной, т. е. не покрывающей основныхъ построеній.

Но при всѣхъ открывшихся задачахъ, средства выраженія оставались тѣ же или почти тѣми же. Та же выработанная гармоничность линій была призвана къ инымъ «ожившимъ» формамъ.

Кажется, въ Ростовѣ не было создано ни живописныхъ школъ, ни артелей иконописцевъ. Такъ, если довѣрять преданію о царевичѣ Петрѣ Ростовскомъ, въ городѣ въ 13-мъ вѣкѣ не было ни одного иконописца. Да и позже, въ

Воскресеніе Христово. Фреска церкви Воскресенія.—17-й вѣкъ.

1660 г. Ростовскій воевода доносилъ въ Москву, что «въ Ростовѣ посадскихъ и монастырскихъ иконописцевъ нѣтъ ни одного человѣка, выслать некого...» [1]. Немудрено поэтому, что когда митрополитъ Іона захотѣлъ украсить росписью Ростовскій

[1] И. Е. Забѣлинъ. «Матеріалы по исторіи иконописи».

Положеніе во гробъ.

Фреска церкви Воскресенія.—17-й вѣкъ.

соборъ и вновь созданныя церкви, ему пришлось просить мастеровъ изъ Москвы, отъ царскаго двора, откуда отпускали ихъ съ великой неохотой.

Съ нѣкоторой вѣроятностью можно предположить, что роспись Воскресенской церкви—первой церкви Архіерейскаго дома, была выполнена «Савастьяномъ Дмитріевымъ съ товарищы», который, вскорѣ по окончаніи церкви, расписывалъ Ростовскій соборъ.

Роспись аркады церкви Спаса «на сѣняхъ».
17-й вѣкъ.

Острый, тонко прочувствованный рисунокъ видимъ мы въ такихъ значительныхъ фрескахъ Воскресенской церкви, какъ «Положеніе во гробъ», «Стража у гроба» и «Воскресеніе». *Стр. 112, 113.* Въ нихъ ощущается безподобная законченность худо-

«Страшный судъ». Фреска церкви Спаса «на сѣняхъ».—17-й вѣкъ.

жественныхъ средствъ: въ линіяхъ живыхъ и гибкихъ, чуждыхъ вялости, въ тонахъ, ясныхъ и цвѣтистыхъ, не терпящихъ никакой грязи. Но, съ другой стороны, въ этой же красочности, въ легкости не ступающихъ на землю людей, въ контурахъ

«Діаконы».
Фреска алтаря церкви Спаса «на Сѣняхъ».
17-й вѣкъ.

изогнутыхъ фигуръ, намъ ясна неподражаемая юность и свѣжесть этого искусства.

Такія фигуры, какъ упавшій на первомъ планѣ «Воскресенія», становятся излюбленными. Ими зачастую создается первый планъ фресокъ. Превосходная композиція «Каинъ и Авель» на паперти особенно ясно намѣчаетъ задачу, передаетъ движеніе и его пространственность острымъ угловатымъ контуромъ [1]. Фигура Лотовой жены, претворяющейся въ соляной столбъ, и вся композиція этой сцены принадлежатъ къ лучшему изъ всего созданнаго за 17-й вѣкъ [2].

[1] Состояніе фресокъ паперти ужасно. Частью онѣ еще не отмыты отъ записи середины 19-го вѣка, частью, на трещинахъ коробоваго свода разорваны и грозятъ обрушиться каждую минуту. [2] Фреска въ узкомъ проходѣ не поддается фотографированію. Подобная композиція есть на стѣнахъ соборнаго храма Данилова монастыря въ Переяславлѣ.

Общій видъ алтарной росписи церкви Спаса «на сѣняхъ».—17-й вѣкъ.

«Таинства».

Деталь росписи алтарнаго свода церкви Спаса «на сѣняхъ».—17-й вѣкъ.

На паперти же находится «преображенный Іерусалимъ» съ интереснымъ пейзажемъ и дробнымъ «гравюрнымъ» украшеніемъ стѣнъ. *Стр. 110.* Фреска «Ной у ковчега», несмотря на ужасное состояніе, все еще очаровываетъ зрителя острымъ изяществомъ контуровъ зеленыхъ, желтыхъ и голубыхъ звѣрей. *Стр. 111.* Вся паперть покрыта сплошнымъ узоромъ фресокъ, къ сожалѣнію, или испорченныхъ «реставраціями», или нависшими съ отставшей отъ сводовъ штукатуркой. *Стр. 109.* Слѣдующая по времени роспись Спасской церкви, какъ о томъ сохранилось свидѣтельство рукописи Хлѣбникова, исполнялась иконографами: «Ростовскимъ попомъ Тимоѳеемъ, Волгожаниномъ Дмитріемъ Степановымъ и Иваномъ, да Ѳедоромъ Карповымъ» [1]. Очевидно, она была выполнена вскорѣ послѣ окончанія церкви, т. е. въ восьмидесятыхъ годахъ 17-го столѣтія [2].

[1] Сусловъ. «Памятники древне русскаго зодчества», вып. VII. [2] Фрески сохранились очень дурно. Онѣ были переписаны послѣ «реставраціи» церкви въ 90-хъ годахъ 19-го стол. Прекрасный рисунокъ и лучезарныя краски представляются затянутыми въ настоящее время глухой пеленой мѣловыхъ оттѣнковъ. Нѣтъ спора, фрески, какъ продукты коллективнаго творчества, могли бы быть болѣе доступны возобновленіямъ, чѣмъ живопись индивидуальная, но въ настоящее время, когда умерло искусство, ихъ создавшее, для этого требуется огромное проникновеніе и безусловное художественное самопожертвованіе. Да и при всемъ томъ, скажется эпоха возобновителя. Къ сожалѣнію, она и сказалась; при тщательномъ (тщательность была въ такихъ работахъ болѣе губительна, чѣмъ невѣжество 18-го и первой половины 19-го вѣка) отношеніи мастера еще только учились и губили имъ непонятное. Не говоря ужъ о краскахъ, измѣнившихся и давшихъ совершенно иную гамму, былъ жестоко испорченъ рисунокъ и старыя формы. Прежде всего, это ясно замѣтно на «діаконахъ» *стр. 116*, на «Страшномъ судѣ» *стр. 115* и на «Семи Таинствахъ» *стр. 118*; лица и тѣла были лишены рельефа, очень любимаго въ то время. Обычно свѣтлая «вохра» скулъ черезъ тонко впущенный румянецъ переходила въ ярко коричневыя, даже черныя тѣни овалова. Игнатій Богоносецъ, помѣщенный въ аркѣ алтаря *стр. 117*, больше другихъ

«Почи Господь въ день седьмый».

Роспись алтарной стѣны церкви Спаса «на сѣняхъ».—17-й вѣкъ.

Прежде всего обращаетъ на себя вниманіе торжественная аркада, несущая «Деисусный рядъ». *Стр. 114.* Уже раньше, въ стѣнописяхъ предыдущей эпохи встрѣ-

напоминаетъ старую манеру. Мастера, вновь овладѣвшіе непосредственнымъ переходомъ отъ свѣтлаго къ темному, все же еще не бросали системы «движекъ», ударныхъ бликовъ наиболѣе свѣтлыхъ частей тѣла. Но «движки» не были такъ назойливы и манерны, какъ на ликахъ «діаконовъ». *Стр. 116.* Въ эту эпоху ихъ рѣдко клали больше трехъ въ рядъ; три и четыре «движки» создавали тѣло или шкуру звѣря, а не поверхность человѣческаго тѣла. Верхніе ярусы росписи, куда не добралась «реставрація», сохранились превосходно.

Демонъ въ банѣ.

Деталь росписи въ церкви Іоанна Богослова. 17-й вѣкъ.

чается подобная композиція «любовію связуеми апостоли»,—круговъ съ апостолами, связанныхъ и объединенныхъ растительнымъ орнаментомъ. То же встрѣтимъ мы на паперти церкви Іоанна Богослова.

Невозможно представить себѣ ничего болѣе умѣстнаго для росписи, чѣмъ этотъ рядъ круговъ, меньшихъ, чѣмъ пролеты арокъ. Противоположная—западная стѣна занята «Страшнымъ судомъ». *Стр. 115.* Кажется, ни въ одномъ храмѣ 17-го вѣка эта композиція не была выполнена при такихъ благопріятныхъ условіяхъ, какъ здѣсь, у Спаса «на сѣняхъ». Блестящее композиціонное дарованіе могло высказаться на колоссальной, ничѣмъ не прерывающейся стѣнѣ.

Композиція ясно расчленена центральной осью, на которой происходитъ все главное дѣйствіе сцены. Но, кромѣ того, замѣчается дѣленіе по ярусамъ; намѣчено нѣсколько плановъ: обрѣзы земли, облака (для праведныхъ), адскій змѣй и горы (для грѣшниковъ), сплоченныя толпы,—все это элементы построенія, необходимые особенно здѣсь, гдѣ тѣснота церкви лишь съ трудомъ даетъ возможность охватить всю грандіозную сцену гибели міра. *Стр. 115.* Не менѣе прекрасна и роспись алтарнаго свода. Здѣсь легкая полутѣнь просвѣтлена нѣжными и сильными тонами. «О Тебѣ радуется» полна «человѣческаго рода», принимающаго

Преподобный Авраамій и нечистый духъ.
Фреска церкви Іоанна Богослова.—17-й вѣкъ.

участіе въ прославленіи Богоматери, плотно и легко заполняетъ пространство; отдѣльныя фигуры имѣютъ значеніе отдѣльныхъ перьевъ въ составѣ грандіозныхъ крыльевъ.

О высокомъ совершенствѣ этого декоративнаго искусства говоритъ рядъ «діаконовъ», помѣщенный въ жертвенникѣ [1]. *Стр. 116.* Легкій порывъ охватываетъ юныя фигуры. Искусство съ неподражаемой угловатостью передаетъ наибольшее движеніе при спокойной постановкѣ. А спокойствіе образовъ было необходимо для живописи, такъ глубоко слитой съ архитектурой, какъ мы видимъ на общей росписи алтаря. *Стр. 117.* Фигуры святыхъ, словно пилястры, обходятъ весь алтарь. Торжественно-цвѣтистые «святители» предстоятъ алтарю, «преподобные» занимаютъ діаконникъ.

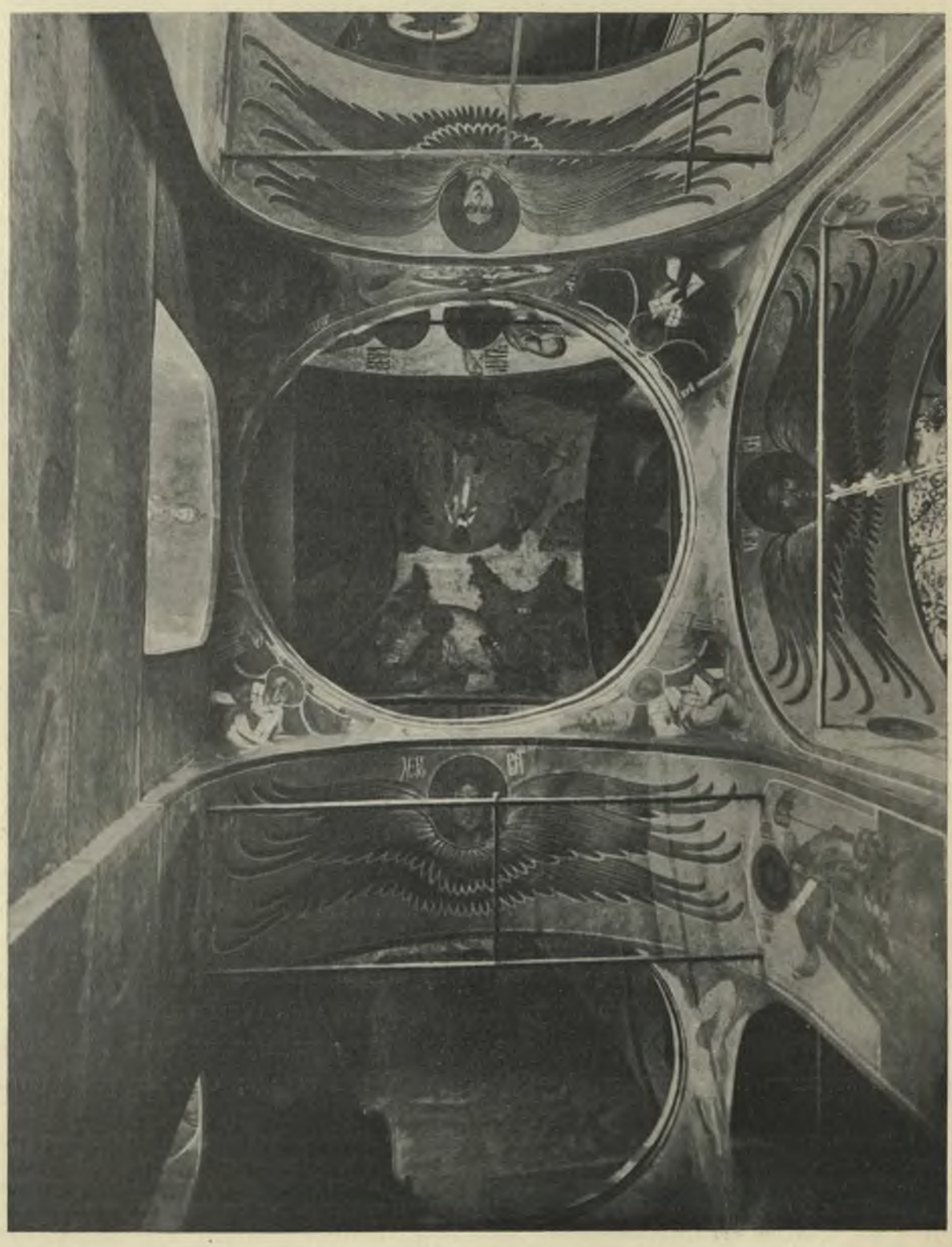
На задней сторонѣ «иконостасной» стѣны помѣщено «въ седьмый день почи Богъ отъ всѣхъ дѣлъ своихъ и благослови Богъ день седьмый». *Стр. 119.* Въ этой

[1] Эта композиція встрѣчается въ церкви Воскресенія; но здѣсь, стѣсняемая мѣстомъ, она не производитъ того же счастливаго впечатлѣнія.

Тайная вечеря. Алтарная фреска церкви Іоанна Богослова.—17-й вѣкъ.

композиціи развертываются судьбы міра. Въ небѣ, отрѣшенномъ отъ земли облаками, ветхозавѣтный Богъ—«Знаменіе», Іисусъ Христосъ въ видѣ ангела и на крестѣ. Эмблемы евангелія говорятъ о новомъ завѣтѣ. Ниже—земля, уже омраченная грѣхопаденіемъ, слезами и кровью Авеля. Безподобная подборомъ пятенъ, въ верхней,

Роспись Зачатіевскаго храма Яковлевскаго монастыря.—17-й вѣкъ.

лучше сохранившейся части, фреска имѣетъ такія классическія фигуры, какъ фигуры ангеловъ и звѣрей. Въ высшей степени интересенъ убитый Авель; онъ лежитъ съ вытянутой рукой, послушный нижнему обрамленію фрески [1]. Также и Ангелъ правой части фрески, таящій въ себѣ Бога Отца, сильно поднялъ крылья; за нимъ летятъ ниспровергаемые съ неба духи [2]. Очень интересны отдѣльныя клейма «семи таинствъ» росписи южной конхи алтаря [3]. Жанровыя сцены даютъ намъ обликъ людей, когда то наполнявшихъ эту церковь, очевидцевъ прекраснаго искусства. *Стр. 118.*

До сихъ поръ неизвѣстны ни точная дата росписи Іоанно-Богословской церкви, ни имена мастеровъ, выполнявшихъ ее. По впечатлѣнію отъ фресокъ, думается, что онѣ написаны вскорѣ по окончаніи церкви (1683 г.) иконописцами, чуткими ко всѣмъ новшествамъ эпохи. Фрескамъ свойственъ оттѣнокъ живописности [4], большей чѣмъ росписямъ предыдущей эпохи. Трудно отмѣтить, чѣмъ достигнуто впечатлѣніе разнообразныхъ плановъ, чередующихся красочныхъ пятенъ; можно отмѣтить, что здѣсь движки и блики несутъ иное разрѣшеніе задачи, чѣмъ раньше, въ 70-хъ годахъ 17-го столѣтія. Они утратили рѣзкость границъ и четкость. Сливаясь на извѣстномъ отдаленіи, они образуютъ мягкій переходъ изъ сильнаго тона въ свѣтлый. Очертаніямъ стала свойственна мягкость, движеніе изогнутыхъ линій, фигурамъ—большая сложность поворотовъ. Роспись трактуетъ о побѣдѣ христіанской праведности надъ языческимъ,—демоническимъ міромъ.

Верхніе ярусы отведены циклу фресокъ, иллюстрирующихъ любопытнѣйшее «хожденіе Іоанна Богослова» [5] *стр. 120,* нижній рядъ посвященъ житію Авраамія Ростовскаго [6]. Въ житіи преподобнаго мы находимъ, что дьяволъ, желая искусить Авраамія, «пакости ему творяще въ нощи и во дни». Однажды, желая преподобному «спону сотворити водою», дьяволъ забрался въ умывальницу. Но преподобный, провидя хитрость нечистой силы, накрылъ умывальницу крестомъ. Долго мучился бѣсъ «крестною силою жегомъ всосудѣ, не могый изыти», но случай помогъ ему. Однажды, когда Авраамій былъ въ церкви, его келью посѣтили Ростовскіе князья; тамъ ихъ вниманіе привлекла умывальница, покрытая крестомъ. Ничего не подозрѣвая, они сняли крестъ; освобожденный дьяволъ выскочилъ оттуда и скрылся.

Фреска сѣверной стѣны представляетъ въ лѣвой части этотъ моментъ. Ликующій дьяволъ, подвижной и эластичный, выпрыгиваетъ изъ сосуда; онъ же выбирается

[1] Дьяволъ, направляющій руками Каина, по недоразумѣнію уничтоженъ реставраціей; остались его руки и ноги. [2] Уничтожены реставраціей; осталось копье, направленное противъ нихъ. [3] Фреска болѣе другихъ потерпѣла отъ неумѣлой реставраціи. Реставраціи, очевидно, принадлежатъ безобразныя струйки крови; думается, въ 17-мъ вѣкѣ еще не умѣли такъ плохо рисовать. [4] Не нужно смѣшивать съ тѣмъ налетомъ «живописности», который придалъ фрескамъ «реставраціями» 19-го вѣка. [5] Изданно Лихачевымъ по рукописямъ 15-го и 16-го ст. въ Обществѣ любителей древней письменности. [6] Въ серединѣ 19-го в. видѣли въ этомъ указаніе на связь существовавшаго на этомъ мѣстѣ монастыря съ Аврааміевскимъ монастыремъ и спрашивали, не былъ ли Іоанно-Богословскій монастырь основанъ на развалинахъ капища побѣжденнаго Велеса.

Арки Зачатіевскаго храма.—17-й вѣкъ.

изъ кельи, въ которую готовъ вступить Авраамій. *Стр. 121.* Дьяволъ не желалъ остаться неотмщеннымъ. Облекшись воиномъ, явился онъ во Владиміръ къ великому князю и наклеветалъ на преподобнаго. ...«мнихъ нѣкій, Авраамій волхвъ образомъ творящася яко святъ, прельщаше же люди, смиренъ ся творя». Дѣйствуя на дурные инстинкты, дьяволъ наговорилъ князю, что преподобный нашелъ мѣдный сосудъ, полный золота, завладѣлъ имъ, поставилъ «тѣмъ сокровищемъ монастырь и церковь велію..., а твоему господству не повѣда».

Разсерженный князь далъ мнимому воину большія полномочія: «гдѣ обрящеши того монаха, то ни глаголи ни единаго слова, но въ чемъ паки обрящеши его, тако и постави его предо мною» [1].

На фрескѣ мы видимъ безподобно поставленную фигуру дьявола-воина въ бесѣдѣ съ княземъ; тѣсное пространство заполнено угловатыми «контурными» движеніями.

Фреска «Тайная вечеря», находящаяся въ алтарѣ храма, даетъ прекрасный примѣръ тонкости всѣхъ средствъ выраженія, доступныхъ эпохѣ. *Стр. 122.* Въ легкомъ

[1] Цитаты изъ «Повѣсти о водвореніи христіанства въ Ростовѣ» Бестужева-Рюмина «Памятники древней литературы», т. II. Роспись возобновляли два раза: въ 18-мъ и въ 19-мъ вѣкѣ.

склонѣ фигуры Христа, подающаго хлѣбъ предателю, несомнѣнно вложены лирическія личныя переживанія, изъ неяснаго теперь пятна головъ выдѣляются сильно характеризованныя лица.

Слѣдующія по времени фрески Троицкаго (Зачатіевскаго) храма Яковлевскаго монастыря до нѣкоторой степени вознаграждаютъ насъ въ потерѣ соборной росписи. Совершенно исключительный эффектъ создаютъ въ этомъ храмѣ, узкомъ и высокомъ, арки, заполняющія пространства. *Стр. 123.* Наверху, на аркахъ, находишься словно въ зачарованномъ царствѣ грандіозныхъ иконописныхъ формъ; не воспринимая частностей, не анализируя, можно находиться подъ обаяніемъ общихъ впечатлѣній. *Стр. 125.* По аркамъ тянутся колоссальные апостолы, на стѣнахъ и сводахъ расположены болѣе или менѣе сложныя композиціи, сохранившіяся отлично. Очевидно, реставраторы 19-го вѣка не дошли до этихъ рядовъ [1].

Храмъ сооруженъ Іоной, но пока годъ его постройки неизвѣстенъ. Наружный видъ его простъ, даже бѣденъ. Четырехскатная крыша очевидно принадлежитъ, какъ и фигурныя главы, къ 18-му вѣку. Окна расширены, ихъ гирьки уничтожены.

[1] За деревяннымъ иконостасомъ 18-го вѣка (писанымъ Венедиктомъ Вендерскимъ) удалось найти лѣтопись о росписи храма, дурно читаемую въ настоящемъ состояніи. «лѣта 7197 году маія въ 28 день начата стѣнымъ писаніямъ сія церковь святыя и Живоначальныя Троицы и ...Іакова епископа Ростовскаго чудотворца и совершена ...лѣта августа въ 2 де... До живописи верхнихъ ярусовъ реставраторы добрались въ 20-мъ вѣкѣ, въ мартѣ и маѣ 1913 г.

Расписныя ворота подъ церковью Воскресенія.—18-й вѣкъ.
(Фот. И. Ф. Борщевскаго).

VIII.

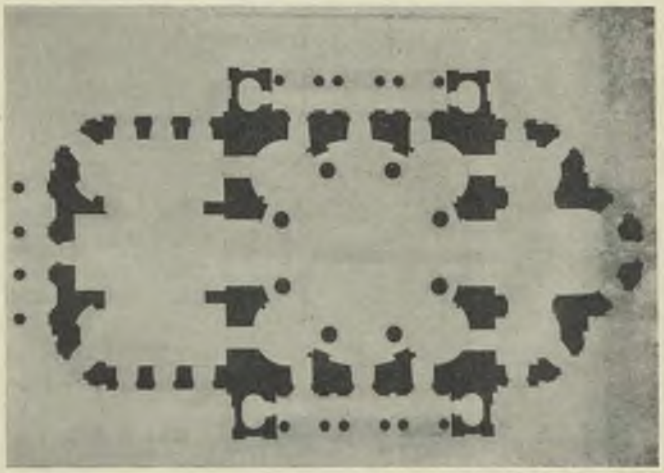
ВОСЕМНАДЦАТЫЙ ВѢКЪ И ЭПОХА КЛАССИЦИЗМА.

Долгій перерывъ наступаетъ въ художественной жизни Ростова. Съ 17-мъ вѣкомъ умерла способность и возможность большого творчества, всегда живого и такъ сильно выявившагося. Въ 18-мъ вѣкѣ Ростовъ захудѣлъ; засорились и совсѣмъ изсякли источники, питавшіе его славу и силу.

Проектъ Дмитріевскаго храма Яковлевскаго монастыря.

Планъ и фасадъ, хранящіеся въ ризницѣ монастыря. 1794 г.

Восемнадцатый вѣкъ почти не оставилъ по себѣ памятниковъ искусства въ городѣ, но, несомнѣнно, митрополиты цѣнили созданіе Іоны и частью дополняли, частью поправляли «Архіерейскій домъ». «Можно сказать, что въ Россіи три мѣста уваженія достойны: Троицкая лавра, Воскресенскій монастырь, Новоіерусалимскій и Ростовскій Архіерейскій домъ». Такъ писалъ архіепископъ Самуилъ князю Куракину уже въ 1777 г.

Изъ памятниковъ середины 18-го вѣка сохранилась роспись желѣзныхъ вратъ подъ церковью Воскресенія. *Стр. 127.* Голубые фоны и мягко тѣневыя краски изображеній сообщаютъ этой ремесленной живописи пріятный жемчужный тонъ. По самой идеѣ ворота напоминаютъ кафельныя печи 17—18-го вѣка, очень полюбившіяся наивными картинками съ подписями. Въ данномъ случаѣ изображенія заимствованы изъ популярной въ 18-мъ вѣкѣ книги «Емблемы и символы» [1].

[1] Еще графъ М. В. Толстой въ серединѣ 19-го вѣка видѣлъ вдвое больше изображеній. Очевидно, тогда еще были цѣлы ворота, обращенныя къ собору.

Образъ святителя Дмитрія.

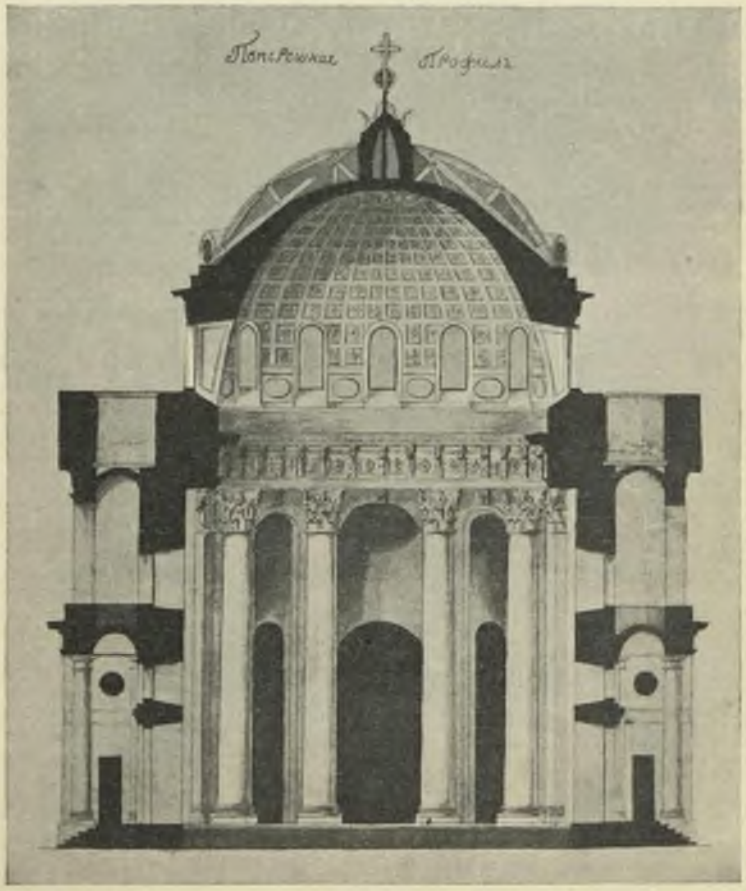
Работы В. Л. Боровиковскаго. 1758—1875 г.

Перестроенныя во второй половинѣ 18-го вѣка, митрополичьи палаты въ оградѣ[1] Архіерейскаго дома не сохранили и внутренней отдѣлки — самаго интереснаго, что въ немъ было. О пріемахъ его реставраціи мы уже сообщали.

Прославленіе и открытіе мощей св. Дмитрія пробудило жизнь въ угасающемъ Ростовѣ. Почитаніе святителя стало очень распространеннымъ среди Петербургской и Московской знати, желавшей, быть можетъ, видѣть въ примѣрѣ Дмитрія, возможность святости и въ новой культурѣ Россіи. Какъ бы то ни было, сама императрица пріѣзжала на открытіе мощей и самолично участвовала въ перенесеніи ихъ; этотъ моментъ увѣковѣченъ на большой картинѣ, находящейся въ Яковлевскомъ монастырѣ. Около монастыря началъ образовываться своеобразный поселокъ богатой знати, запасшейся здѣсь землями и домами[2].

[1] Стр. 84. [2] Къ великой досадѣ, намъ не удалось добиться разрѣшенія заниматься въ монастырскомъ архивѣ. Существующая «Шереметевская» церковь построена, кажется, Н. П. Шереметевымъ. Ничего неизвѣстно о приводимыхъ здѣсь первоначальныхъ проектахъ храма.

Проектъ Дмитріевскаго храма въ Яковлевскомъ монастырѣ.

Дмитріевскій храмъ Яковлевскаго монастыря.
1801 г.

Дмитріевскій храмъ Яковлевскаго монастыря.—1801 г.

Не мало драгоцѣнностей, самаго разнообразнаго художественнаго достоинства, стали привозить и присылать изъ обѣихъ столицъ въ тихій раньше монастырь. Такъ, въ 1794 г. графиня Анна Алексѣевна Орлова прислала въ Ростовскій Яковлевскій монастырь «икону» св. Дмитрія, писаную Боровиковскимъ, картину Анибала Каррачи «Ecce homo» и три шитыхъ золотомъ иконы «въ великолѣпныхъ позлащенныхъ рамахъ за зеркальными большими стеклами». Каррачи былъ вывезенъ

Портикъ Дмитріевскаго храма Яковлевскаго монастыря.
1801 г.

Ниша Дмитріевскаго храма.—1801 г.

графомъ Алексѣемъ Орловымъ изъ Италіи, графиня прислала его своему «духовному отцу—старцу Амфилохію» [1].

«Икона» Святитель Дмитрій виситъ въ теплой Яковлевской церкви, построенной той же Орловой много позже. *Стр. 129.* Картина создана соотношеніемъ двухъ тоновъ; на темно-сѣромъ, мѣстами холодномъ фонѣ всѣми переливами золота вырисовывается фигура святителя; шитье темно зеленыхъ травъ выдѣляетъ всю нѣгу оранжевыхъ оттѣнковъ; тысячью искръ, яркихъ и притушенныхъ, вспыхиваетъ сере-

[1] То, что въ настоящее время выдаютъ за картину прославленнаго мастера, не имѣетъ ничего общаго ни съ его творчествомъ, ни съ его эпохой. А. Него въ «Родныхъ картинкахъ» сообщаетъ исторію картины.

Общій видъ Яковлевскаго монастыря.

бряный позументъ, митра и золотая отдѣлка ризы. Эти блестки, горящія въ пепельно сѣрыхъ мягкихъ тѣняхъ, напоминаютъ эффектъ портрета Михаила Десницкаго. Дробные оттѣнки лица дополняютъ гамму оранжевыхъ розовыхъ тоновъ.

Мало портретнаго имѣютъ черты лица святителя; во всякомъ случаѣ Боровиковскій не былъ стѣсненъ вульгарными и характерными для петровской эпохи «парсунами преосвященнаго Дмитрія», дошедшими до насъ; еще менѣе воспользовался онъ тѣмъ иконографическимъ изображеніемъ, которое, установившись въ серединѣ 18-го вѣка, давало идею о св. Дмитріи въ безжизненныхъ формахъ.

Между иконой и портретомъ создалъ Боровиковскій свой «образъ» святителя Дмитрія, полный человѣчности и жизненности высокаго искусства. Современное состояніе «образа» печально: въ 1853 г., какъ свидѣтельствуетъ рукопись, образъ былъ у монастырскаго иконописца. Очевидно, на счетъ этой «реставраціи» слѣдуетъ отнести однообразіе тона лица, забитость его дробныхъ формъ и безобразныя формы

Башня съ воротами къ озеру.

Яковлевскій монастырь. Начало 19-го вѣка.

рукъ. Потеки въ лѣвой части — сгустки деревяннаго масла, которымъ протирали передъ одной изъ пасохъ многострадальный образъ.

Притекшія средства дали возможность монастырю соорудить храмъ, болѣе соотвѣтствующій славѣ святителя, чѣмъ соборъ, построенный еще Іоною.

Въ ризницѣ монастыря сохранился цѣлый рядъ проектовъ. Первые два чертежа очень близки по типу; судя по примѣчаніямъ къ плану № 2, церковь уже была возводима въ 1794 г. *Стр. 128.* Остальные три чертежа *стр. 130* представляютъ замыселъ храма, близкій по духу къ осуществленному: какъ здѣсь, такъ и тамъ блестящіе архитектурные замыслы Казакова; нужно только отмѣтить, что хотя въ существующемъ храмѣ всѣ частности и получили болѣе счастливыя пропорціи, въ то же время замыселъ архитектора былъ осуществленъ частью грубыми и неумѣлыми руками подрядчика. *Стр. 131, 132, 133, 134, 135.*

Южная часть ограды Яковлевскаго монастыря.—Начало 19-го вѣка.
(Фот. Б. Н. фонъ Эдинга).

Отказываешься вѣрить, чтобы одинъ и тотъ же мастеръ создалъ воздушную пирамиду куполовъ и въ то же время такъ неудачно перервалъ связь фронтоновъ и массъ низко опущенной трапезной частью церкви. Быть можетъ справедлива легенда, утверждающая, что графъ Шереметевъ строилъ храмъ съ надеждой перенести въ него мощи св. Дмитрія. Храмъ близился къ концу, когда графу сказали, что мощи, на основаніи пророческихъ словъ Дмитрія, перенесены быть не могутъ; графъ бросилъ постройку. Ее оканчивали на средства мастеровъ.

Если довѣряться указаніямъ мѣстныхъ изданій, Шереметевскій храмъ былъ оконченъ къ 1801 г. Очевидно тогда же была возведена ограда монастыря съ «венеціанскими» башенками. *Стр. 136, 137.* Хорошую картину мѣстной природы и памятниковъ даетъ Шевыревъ, бывшій въ Ростовѣ въ 1847 г. «Не могу забыть получаса, проведеннаго мною на угольной башнѣ монастыря со стороны Московской дороги. Солнце начинало склоняться къ западу, но было еще довольно высоко. Озеро ровнымъ зеркаломъ разстилалось подъ стѣнами обители. Полосы, то голубыя, то

Домъ Щаповой на Покровкѣ.

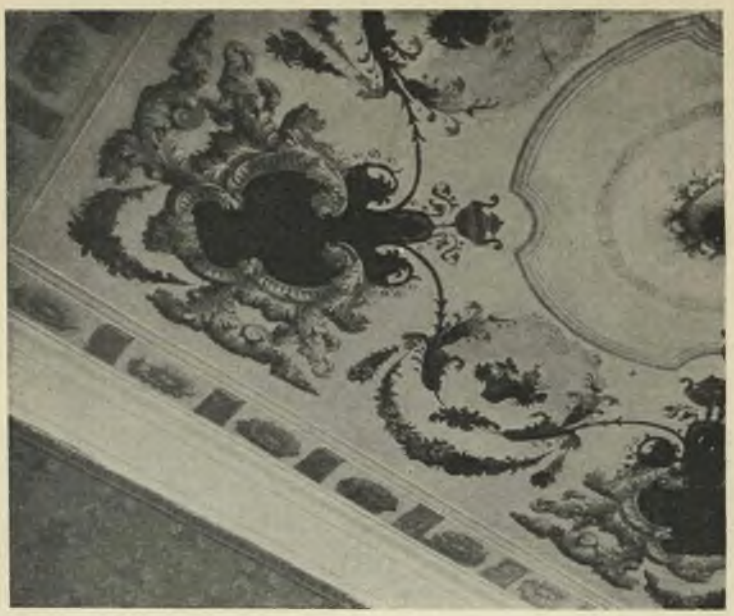
(Фот. Б. Н. фонъ Эдинга).

серебряныя, то темныя, рисовались по его поверхности. Вдали виднѣлся зеленый островъ: иноки въ лодкахъ подплывали къ нему для уборки сѣна. Благолѣпные храмы обители Іаковлевской возвышались прямо передъ нами; красивая ограда съ своими разнообразными башенками и галереями облегала ихъ ровнымъ четвероугольникомъ. Игривая и легкая архитектура ихъ согласовалась съ веселымъ впечатлѣніемъ окружающей природы. Монахи убирали сѣно по огромному двору монастыря. Вдали виднѣлся, вдоль озера, древній городъ Ростовъ. Всѣ обители и церкви, память которыхъ соединена съ самыми древними христіанскими преданіями Ростова, ясно обозначились отсюда. Какъ прекрасна природа въ этомъ окруженіи святыни. Благословеніе Божіе и чистая красота ея дружатся въ мысли созерцателя. И сама природа какъ будто преображается, и благословеніе Божіе, сообщаясь намъ черезъ красоту ея, становится доступнѣе земнымъ нашимъ чувствамъ. Отсюда объясняю, почему основатели монастырей любили красивыя мѣста. Святая вѣра наша исполнена сочувствія къ природѣ, какъ къ Божію созданію. Въ словахъ Божественнаго Учителя сколько прекрасныхъ образовъ, изъ нея взятыхъ. Только Самъ Творецъ полевой лиліи могъ выразиться объ ней такъ, что и Соломонъ во всей славѣ своей никогда такъ прекрасно не одѣвался» [1].

Главнымъ памятникомъ эпохи классицизма въ Ростовѣ является планъ-распорядокъ самаго города. Величайшее разнообразіе представлялъ въ старину Ростовъ; густо населенные «концы» и слободки разрѣзались то узенькими извилистыми ули-

[1] Проф. Шевыревъ. «Поѣздка въ Кирилло-Бѣлозерскій монастырь». Москва. 1850 г.

Роспись потолка дома О. Д. Мальгиной.

(Фот. Б. П. фонъ Эдинга).

цами, то маленькими рѣчками и овражками. Названіе одного мѣста «Кри(в)ули» передаетъ намъ характеръ, въ большей или меньшей степени присущій всему городу. Просвѣщенная администрація 18-го вѣка не могла долго терпѣть эту «азіатчину»; новый планъ города былъ утвержденъ Екатериной II, однако, приведенъ въ исполненіе только въ 20-хъ годахъ 19-го столѣтія.

Тщательно сравняли и сгладили всѣ неровности, все характерное, оставивъ лишь валы кремля да развалины архіерейскаго дома. Тогда широкая площадь ровнымъ кольцомъ опоясала кремль; здѣсь разбивалась каждый годъ великимъ постомъ ярмарка со всѣми ея «дегтярными», «колесными», «пряничными» и т. п. рядами.

Длинныя широкія улицы потянулись во всѣ стороны прямыми рядами, по нимъ чинно выстроились небольшія церковки и купеческіе дома; и тѣ и другіе скорѣе созданы бытомъ, чѣмъ искусствомъ эпохи. Кое что изъ обстановки, обычаевъ и костюма купеческая среда сохраняла изъ старины, но это было угасающее теченіе: его смѣняла погоня за общеевропейскими формами жизни и искусства.

Монотонные торговые ряды, Мытный дворъ, рѣшетка городскаго сада, домъ Щаповой *стр. 138,* и роспись потолка дома О. Д. Мальгиной *стр. 139,* вотъ тѣ уже немногіе памятники эпохи, которые оставилъ по себѣ провинціальный классицизмъ.

Прошлымъ стало въ Ростовѣ то, что нѣкогда составляло его мощь и славу. Изъ всѣхъ ореоловъ великаго города только художественный не измѣнилъ ему. Но изъ числа многихъ могилъ прошлаго Ростовъ выдѣляется не только вѣчно

свѣжей, юной красотой храмовъ, палатъ и фресокъ. Ростовъ сохранилъ самые звуки старины въ напѣвахъ своихъ колоколовъ.

Въ Страстную недѣлю и въ пасху, все такъ же какъ и въ старину сотрясается воздухъ древней митрополіи безподобной музыкой «красныхъ звоновъ». Тогда съ особой силой ощущеніе живой красоты Ростова говоритъ объ иной правдѣ, чѣмъ правда скучныхъ будней современной русской провинціи.

Видъ Ростова 18-го вѣка на кіотѣ Троицкаго храма Варницкаго монастыря.

(Фот. М. А. Орлова).

Угличъ

Угличъ во время половодья.
(Изъ собранія фот. Б. Н. фонъ Эдинга).

I.

ПРОШЛОЕ УГЛИЧА.

Глухой сосновый лѣсъ разступается, открывая видъ на Угличъ. И откуда бы ни смотрѣть на городъ, отовсюду видны темныя полосы лѣса, прервавшагося словно затѣмъ, чтобы дать незабываемое зрѣлище Углича — зачарованнаго града Китежа. Ничто будничное и дѣловое не играетъ роли въ картинѣ города; церкви на возвышенномъ берегу Волги возносятъ стѣны и безчисленныя главы надъ лѣснымъ горизонтомъ. *Стр. 143, 145, 147.*

Этотъ городъ потерялъ и забылъ свое политическое значеніе, лишь церковная память хранитъ имена своихъ прославленныхъ князей, но о цѣлыхъ эпохахъ доблести и бѣдствій мы узнаемъ только изъ общихъ историческихъ книгъ, чуждыхъ повседневной жизни города.

Возникновеніе Углича своею давностью ускользаетъ отъ исторіи. Кладъ, найденный въ 1880 г. у Богоявленской горы, свидѣтельствуетъ о большомъ торговомъ поселеніи въ 8—9-мъ вѣкѣ на мѣстѣ Углича или близъ его. Много филологическаго и историческаго остроумія было проявлено при объясненіи самаго имени Углича. Для этого переселяли цѣлое славянское племя съ Днѣпра, заставляли древнихъ насельниковъ жечь уголья и т. п.

Быть можетъ, больше основаній за собой имѣетъ мнѣніе, что «Углече поле», въ первый разъ встрѣчаемое въ лѣтописи подъ 1148 годомъ, есть обозначеніе поля, принадлежавшаго древнему поселенію «Углецу»; названіе Углича могло включать въ себя, подобно до-ярославскому «Медвѣжьему углу», понятіе уголка—угленца.

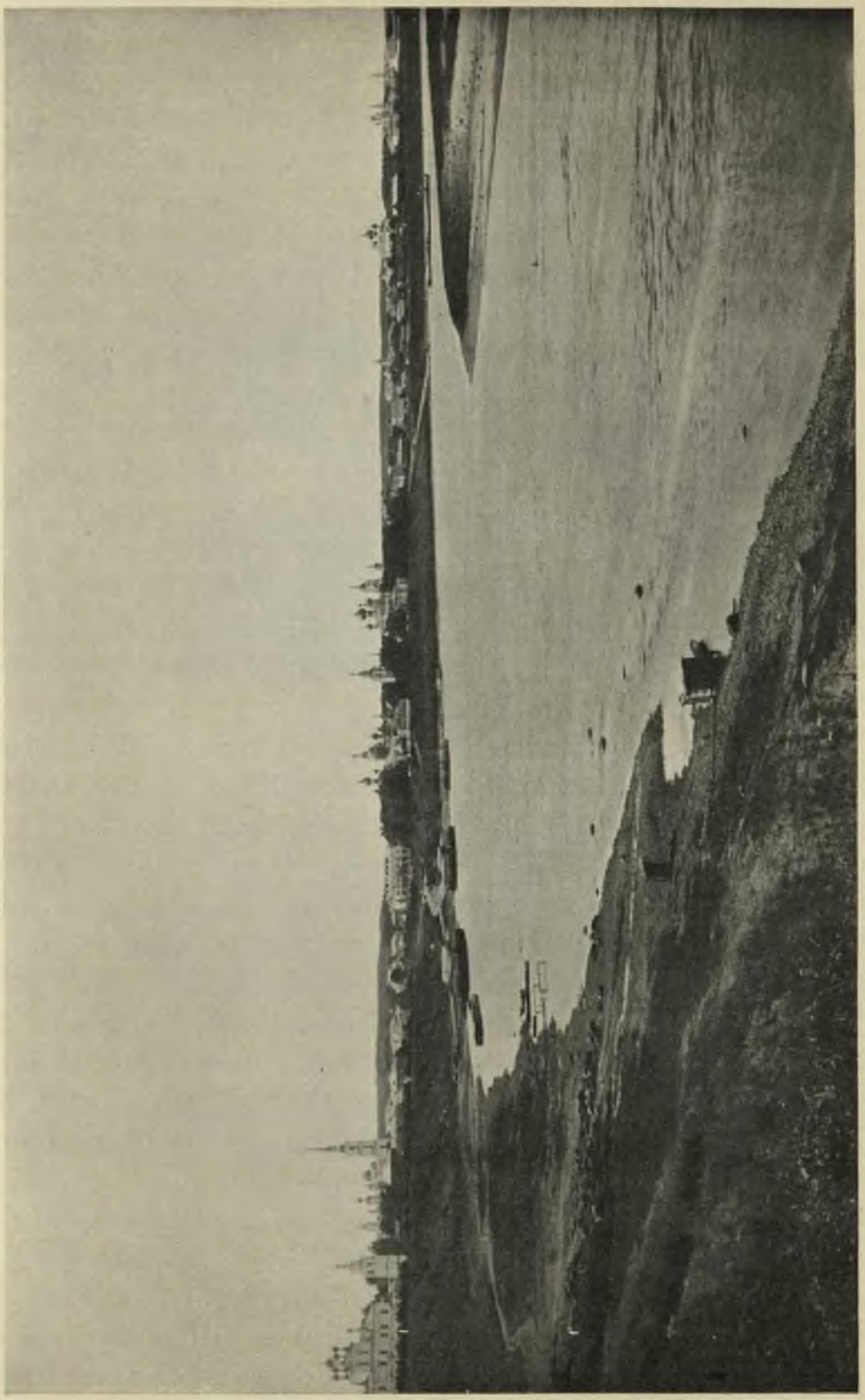
До Владиміра, замѣнявшаго прежнихъ намѣстниковъ членами своего семейства, въ Угличѣ былъ посаженъ «княжій мужъ», собиравшій съ населенія подати, въ то же время въ Угличѣ было вѣче, при чемъ нѣкоторую жизненность вѣчевыхъ традицій Угличане сохранили въ 15-мъ и 16-мъ вѣкѣ. До 13-го вѣка судьбы Углича связаны съ судьбами Ростова, къ области котораго онъ принадлежалъ; лишь въ 1214 г. Ростовскій удѣлъ распался на три княжества — Ростовское, Ярославское и Угличское.

Но недолго длилась пора самостоятельности. При нашествіи Батыя, князь угличскій—Владиміръ бѣжалъ въ Новгородъ, и татары не тронули сдавшагося города. Князь вернулся изъ Новгорода, но уже власть принадлежала не ему. Онъ былъ изгнанъ татарами за неисполненіе ханскихъ приказаній. Его сынъ Андрей, примирившійся съ господствомъ нечестивыхъ, спокойно управлялъ Угличемъ. Затѣмъ князь Романъ, прославленный церковью за свое долгое и тихое княженіе, украсилъ городъ пятнадцатью церквами.

Цѣлый рядъ князей съ различной степенью доблести и честолюбія управлялъ Угличемъ и его областью, не терявшими подъ властью отдаленныхъ татаръ ни своего значенія, ни своего богатства. Но возвышеніе Москвы зачастую превращало Угличъ изъ стольнаго города въ мѣсто заточенія его князей, нѣсколько поколѣній которыхъ терпитъ отъ Москвы, проявляющей съ удивительнымъ постоянствомъ вѣроломство и безграничную жадность.

Впервые въ Угличѣ былъ заточенъ Василій Темный, потерявшій въ козняхъ и Московскій престолъ и зрѣніе.

Василій Ярославичъ, получившій Угличъ отъ Темнаго, въ благодарность за возвращенный съ его помощью Московскій престолъ, потерпѣлъ отъ того же Московскаго князя: былъ схваченъ и посаженъ въ угличскую темницу, хорошо знакомую Московскому князю. Страшныя казни обрушились на угличанъ, желавшихъ освободить любимаго князя. Однако, при всѣхъ бѣдствіяхъ и злоключеніяхъ отъ

Видъ Углича отъ «Рыбаковъ».

Москвы, Угличъ все еще былъ богатъ жизненными силами, и княженіе Андрея Васильевича Большого, позже, за всѣ бѣдствія, прозваннаго Горяемъ, можно считать процвѣтаніемъ города.

Новгородскими мастерами, вызванными княземъ, былъ украшенъ Угличъ соборомъ и дворцомъ; рядъ монастырей возникъ при его внимательномъ участіи къ нуждамъ населенія.

Татарское иго пало, чтобы смѣниться еще большей тяготой Москвы; житіе св. Паисія Угличскаго даже въ редакціи 17-го столѣтія сохранило настроеніе этой эпохи въ словахъ святого, несравненныхъ по чуткому прозрѣнію: ... «нѣкогда святому Молитву свою Господеви возсылающу и яко забывшуся надолгъ часъ и стоящу внѣ себе, ученику же его на него смотрящу и ничто же смѣющи рещи... и потомъ паки въ себѣ прподобному зѣло скорбѣти начинающу,—ученикъ же едва возможе вопросити его. И повѣда ему преподобный нашъ отецъ, глаголя: «Чадо! приспѣваетъ время злое и лютое на ны нападая на градъ нашъ и обитель, ибо господари наши державніи въ Русіи междоусобно собою брань воздвигнутъ и смятутся сами, никому же ихъ гонящу и кровь между собою безвинно проліютъ, и держава наша инѣмъ во одержаніе будетъ, и вся Россійская земля поплѣнится и церкви Божіи мнози осквернятся зловѣрными рукама, и кровь христянская многа проліется»...

Но это еще было не самое худшее, что открылось передъ взоромъ вѣщаго святого. ... «И потомъ паки мало благоденствія въ мірѣ будетъ, и паки смущеніе веліе церквамъ Божіимъ пріидетъ и всѣмъ вѣрнымъ неутѣшный плачъ отъ властей будетъ. Иноки же миролюбцы и гордолюбцы и запойцы будутъ, а смиренія образъ ни во что имъ тогда будетъ, и каждаго зло срѣтать будетъ и вѣра тогда изсякнетъ до конца во многихъ... И сія изрече святый отецъ съ болѣзнію великою ко ученику».

Дѣйствительность оправдала скорбь святого Паисія; Іоаннъ Васильевичъ Московскій «невѣдомо и како возста» на Угличскаго князя, своего брата, «согна со престола и въ темницѣ и съ чады его заточи». Вскорѣ князь Андрей умеръ. Кисель пишетъ, что Василій III «ужаснулся своего поступка», и щедрый на мѣста въ великокняжеской усыпальницѣ, положилъ брата въ Архангельскомъ соборѣ. Однако, несчастныя дѣти Горяя томились въ заточеніи, и ходатайства за нихъ передъ Великимъ княземъ не имѣли никакого успѣха. Заговоромъ, хотя и неудавшимся, Угличане доказали преданность своимъ князьямъ.

Преподобный Паисій долго просилъ передъ Василіемъ III за неповинныхъ князей, «но обаче насильству княжеву одолѣти не возможе... гнѣвъ той гордый не возможе смирити»..; оставалась только надежда на правый судъ Божій. Препо-

Видъ Углича отъ Зыковой горы.

добный умолялъ князей «крѣпцѣ терпѣти затворъ таковыя темницы и узы, обѣщая имъ за то вѣнцы у Христа, Царя всѣхъ и праведнаго Судіи исходатовати» [1].

Народная любовь отвѣтила признаніемъ святости князя Іоанна, только въ дѣтствѣ видѣвшаго свободу въ свободномъ Угличѣ. Въ городъ, настроенный тревожно и недоброжелательно къ Москвѣ, былъ присланъ намѣстникъ и 500 человѣкъ бояръ, «чтобы захвативши угличское княжество, надежнѣй удержать въ полной своей власти» [2]. Управленіе намѣстника было таково, что Угличане, еще не забывшіе времена былой славы и свободы, подняли мятежъ въ пользу заточенныхъ молодыхъ князей. Онъ кончился неудачей. Много угличскихъ гражданъ было разселено по другимъ городамъ.

Послѣднимъ Угличскимъ княземъ, если ссылку можно считать княженіемъ, былъ царевичъ Дмитрій, своей кровью въ послѣдній разъ обагрившій злополучный

[1] Всѣ цитаты изъ житія Преподобнаго пришлось взять безъ провѣрки съ оригиналомъ, изъ книжки «Преподобный Паисій Угличскій чудотворецъ и основаніе имъ Угличскаго Покровскаго монастыря». Ярославль 1901 г.
[2] Киссель. «Исторія города Углича», стр. 198.

Угличскій престолъ. «Древній Угличъ,—говоритъ Лавровъ въ своей книгѣ «Святой страстотерпецъ Благовѣрный князь Угличскій царевичъ Дмитрій»,—куда направлялся царевичъ Дмитрій, былъ «въ то время великъ и многонароденъ, пространенъ же и славенъ и всѣми благами изобилова паче иныхъ градовъ въ державѣ Русской сущихъ княженіи престоловъ почтенныхъ и властительскіи государства украшена»[1]. По свидѣтельству Угличскихъ лѣтописей, онъ имѣлъ 150 церквей, въ томъ числѣ три собора: Спасо-Преображенскій, Успенскій и Благовѣщенскій, двѣнадцать монастырей, изъ нихъ три дѣвичьихъ и девять мужскихъ; пятнадцать церквей находились на лѣвомъ берегу Волги. Вокругъ города со всѣхъ сторонъ, а особенно по дорогамъ разсѣяны были слободы на большое разстояніе, такъ что окружность его считали въ 24 версты. Въ Угличѣ считалось 17.000 тяглыхъ домовъ, несущихъ всѣ повинности и оброки. Всѣхъ же жителей было въ Угличѣ 40.000 обоего пола и всѣхъ сословій вообще. Дьяковъ, подьячихъ, писцовъ, стрѣльцовъ, или вообще всѣхъ военныхъ и гражданскихъ чиновъ высшихъ и низшихъ, которые служили въ Угличѣ, считалось 9.000 человѣкъ[2]. Кромѣ того, что Угличъ былъ въ то время обширенъ, богатъ, онъ былъ и очень красивъ; онъ еще хранилъ всѣ признаки стольнаго города бывшаго удѣльнаго княжества. На правомъ берегу Волги возвышался въ немъ «Кремль», обнесенный крѣпкою стѣною съ башнями, вооруженный пушками, пищалями и самопалами и окопанный глубокимъ рвомъ, примыкавшимъ своими концами къ Волгѣ. Черезъ ровъ, наполненный водою изъ Волги и изъ впадающихъ въ нее маленькой рѣчки Шелковки и Каменнаго ручья, устроены были деревянные мосты противъ кремлевскихъ воротъ, ведущихъ къ Волгѣ и въ городъ; эти ворота находились въ двухъ башняхъ—Спасской и Никольской, и задвигались дубовыми засовами. Внутри Кремля красовался воздвигнутый въ 1462 г. Угличскимъ княземъ Андреемъ Васильевичемъ каменный двухъэтажный дворецъ... Прочее строеніе продолжалось на востокъ отъ Кремля вплоть до Селивановскаго ручья. Около нынѣшней Воскресно-Флоровской церкви и колокольни были княжескія конюшни, почему и набережная рѣки Волги прежде называлась Конюшенной улицею. На противоположномъ берегу Волги прямо противъ Кремля находился княжескій хозяйственный дворъ, который служилъ всегдашнимъ запаснымъ магазиномъ; отсюда, какъ изъ кладовыхъ, шло черезъ Волгу все то, что только нужно было для содержанія двора и гостей. Для разведенія и содержанія рыбы здѣсь имѣлось сохранившееся доселѣ «царское озеро», большой и очень глубокій прудъ съ прекрасною ключевой водою».

До сихъ поръ не разобралась исторія въ темномъ дѣлѣ убіенія царевича Дмитрія, и можно уже сомнѣваться, что когда нибудь прояснится кошмарный

[1] Изъ лѣтописца, принадлежащаго Е. В. Барсову. «Труды Яросл. Губ. Уч. арх. Коммисіи», в. 1, ст. 134—135.
[2] Киссель. «Исторія города Углича», стр. 309—310. Ярославль. 1841.

Порталъ собора Покровскаго монастыря. 1479—1483 г.

сумракъ, покрывающій недолгую жизнь царственнаго ребенка и прославленныя мощи.

Послѣднее утро жизни царевича живо воскрешаютъ строки ниже приведеннаго сказанія. Авторъ, по мнѣнію Бычкова, сообщившаго сказаніе, былъ очевидцемъ событія.

«Царевичъ поутру восталъ дряхлъ съ постели своей, и глава у него государя царевича с плечъ покатилася, и в четвертом часу дни (10 ч. утра) царевичъ пошолъ к обѣднѣ, и послѣ евангелія у старцовъ Кирилова Монастыря образы принял. И

послѣ обѣдни пришелъ к себѣ въ хоромы, и платейцо перемѣнилъ, и в ту пору с кушаниемъ взошли, и скатерть послали и Богородиченъ Хлѣбецъ священникъ вынялъ; а кушалъ государь царевичъ по единожды днемъ, а обычай у него государя царевича былъ таковъ: по вся дни причащалъся хлѣбу Богородичну; и послѣ того похотѣлъ испити, и ему государю поднесли испити, и испивъ пошедъ съ кормилицею погуляти. И въ седьмой часъ дни, какъ будетъ царевичъ противу церкви царя Константина, и по повелѣнію измѣнника злодѣя Бориса Годунова, приспѣвше душегубцы, ненавистники царскому корени, Никитко Качаловъ до Данилко Битяковской, кормилицу его палицей ушибли, и она объмертвѣвъ пала на землю, а ему государю царевичу в ту пору киняся перерѣзали горло ножемъ, а сами злодѣи душегубцы вскричали великимъ гласом. И услыши шумъ мати его государя царевича и великая княгиня Марія Федоровна прибѣгла, и видѣ сына своего царевича мертва, и взяла тѣло его на руки, а они злодѣи душегубцы стоятъ над тѣломъ государя царевича обмертвѣли, аки пси безгласни, противъ его государыни матери не могли проглаголати ничто же, а дяди его государевы в тѣ поры разехались по домамъ кушати, того грѣха не вѣдая; и взявъ она государыня тѣло сына царевича Димитрія Ивановича, и отнесла в церковь благолѣпнаго Преображенія Господня и повелѣ государыня ударити звоны великія по всему граду, и услыша народъ звонъ великъ и страшенъ, яко николи-же бысть такова, и стекашася вси народи от мала и до велика и видѣ государя царевича мертва, и возопи гласомъ велiимъ мати его государыня Марія Федоровна, плачася, убиваяся, говорила всему народу, чтобы тѣ окаянніи злодѣи душегубцы царскому кореню живы не были» [1].

Надъ трупомъ младенца началось звѣрское избіеніе всѣхъ, заподозрѣнныхъ въ заговорѣ съ Годуновымъ.

Нагіе проявили непонятную дѣятельность. По распоряженію царицы матери, уже два дня спустя по смерти царевича, была убита «женка уродливая», которая хаживала на царскій дворъ «для потѣхи». Объясняли, что «эта женка царевича портила», быть можетъ, и не замѣчая въ своемъ подозрѣніи косвеннаго подтвержденія слуха о «падучей» болѣзни Дмитрія.

Какъ бы то ни было, по выраженію патріарха Іова, «царевичу Димитрію смерть учинилась Божьимъ судомъ»... но человѣческій судъ былъ въ рукахъ Бориса Годунова, а обвинять Нагихъ и Угличанъ было можно за небреженіе жизни царевича и за разгромъ, учиненный послѣ его смерти.

Годуновъ жестоко наказалъ Угличъ. Разореніе города отъ него поставлено въ мѣстныхъ лѣтописяхъ на ряду съ разореніями татаръ и Литвы. «Борисъ разъярися...

[1] А. О. Бычковъ. «Повѣсть объ убіеніи царевича князя Димитрія». («Чтенія Общ. Исторіи и древностей Россійскихъ». Октябрь, декабрь 1864 г.).

Крестъ въ соборѣ Покровскаго монастыря.

Рѣзьба изъ кости 16-го вѣка.

во градъ Углечь посла и повелѣ разорити, что убиша тѣхъ окаянныхъ, и на него глаголаху, иныхъ казняху, инымъ языки рѣзавъ, иныхъ-же по темницамъ разсылаху, множество людей сведоша въ Сибирь, и постави градъ палымь (Пелымь) и ими посадиша; и съ того времени Угличь запустѣ» [1].

Кара постигла не только гражданъ, но и колоколъ, напрасно оповѣстившій городъ объ убійствѣ.

«... а колоколъ есть великій виновникъ соборную церковь разлучивъ и неблагословно надъ нимъ учинивъ и въ Сибирскую страну въ городъ Тобольскъ нуждею его сославъ» [2].

Еще творческое сознаніе народа создавало вокругъ этого событія чудеса и

[1] «Лѣтопись о многихъ мятежахъ». Спб. 1771 г. [2] Переяславскій лѣтописецъ, цитировано по книгѣ Л. Ѳ. Соловьева «Краткая исторія города Углича».

Святыя ворота Покровскаго монастыря.
17—19-й вѣкъ.

легенды. «Въ городѣ и на посадѣ кто то невидимый ѣздилъ, стучалъ въ ворота и кричалъ: «чего вы спите: царя вашего не стало» [1].

Однако, Угличская драма 1591 г. имѣла продолженіе въ ужасахъ наступившаго «лихолѣтья». Угличскій лѣтописецъ, дошедшій въ довольно скучной и вялой редакціи 18—19-го вѣка, съ большимъ воодушевленіемъ разсказываетъ о гибели Углича «отъ поляковъ». Быть можетъ, еще живыя преданія сообщили столько живого чувства соста-

[1] Голубовскій. «Лѣтопись о многихъ мятежахъ». «Ист. Вѣст.» 1896 г., XII.

Богоявленская церковь Покровскаго монастыря.

вителю лѣтописца, а можетъ быть и то, что онъ былъ вдохновленъ дошедшими и до Углича образцами классической литературы.

«О раззореніи града Углича отъ Польскаго короля Жигимонта жалостное и умильное повѣствованіе вкратцѣ».

«Аще убо древніи гречестіи исторіи описатели и другія многія описаша о раззореніи славныхъ великихъ городовъ Трои, глаголю, Іерусалима, и о плѣненіи Царяграда, и чрезъ сіе вѣчной предаша памяти и въ слухъ людей объ ономъ внесоша, яко проидоша много вѣковъ, а память ихъ и донынѣ обносится по вселеннѣй, кольми паче намъ сущимъ гражданомъ о конечномъ раззореніи града Углича должно имѣть въ памяти». Затѣмъ, съ эпической послѣдовательностью «Лѣтописецъ» рисуетъ картины «пришествія поляковъ подъ градъ Углечь», «О первой брани Литвы

Малыя ворота Покровскаго монастыря.

и Христіанъ», «Посланіе съ предложеніемъ мира», «Отказъ Угличанъ Литовскимъ воеводамъ», единодушно говорящихъ: «умремъ за градъ нашъ и за сіе отечество, паче-же за святыя церкви, въ нихъ же народихомся вѣрою Святою; умремъ за нашего Государя, Святаго Царевича Димитрія, а сего богомерзкого короля не будемъ до послѣдняго издыханія почитать и Богомъ сего прекраснаго насажденнаго града волею не сдадимъ».

Послѣ неудачныхъ попытокъ взять городъ, поляки пошли на подкупъ. Гибель Углича была предварена слѣдующимъ образомъ. «Егда восхотѣ Господь Богъ рабамъ своимъ явити раззореніе града и животъ ихъ мученически скончати, яви старцу Николина монастыря, зовомаго Песочный, сице: въ недѣлю шестую великаго поста въ полунощи молящуся иноку со слезами и просящу Бога о помощи и побѣдѣ на поляки, тогда явися нѣкій прекрасный юноша во образѣ ангела Божія къ нему пришедша и глаголюща: «что, старче, плачеши и Многомилосерднаго Бога о семъ молишь, яко да побѣдитъ супостаты ваша? Но иди и рцы священникамъ и всѣмъ гражданамъ, яко созрѣла уже добрая пшеница и приспѣ время ю жати, и хощетъ Царь небесный скоро взяти въ небесную житницу». Паки юноша сіе вторично рекъ: «иди и не облѣнися и говори посреди церкви во уши всѣмъ людемъ», и абіе юноша невидимъ бысть. Тогда тече оный старецъ въ соборную церковь, и повелѣ

Башня воротъ Покровскаго монастыря.

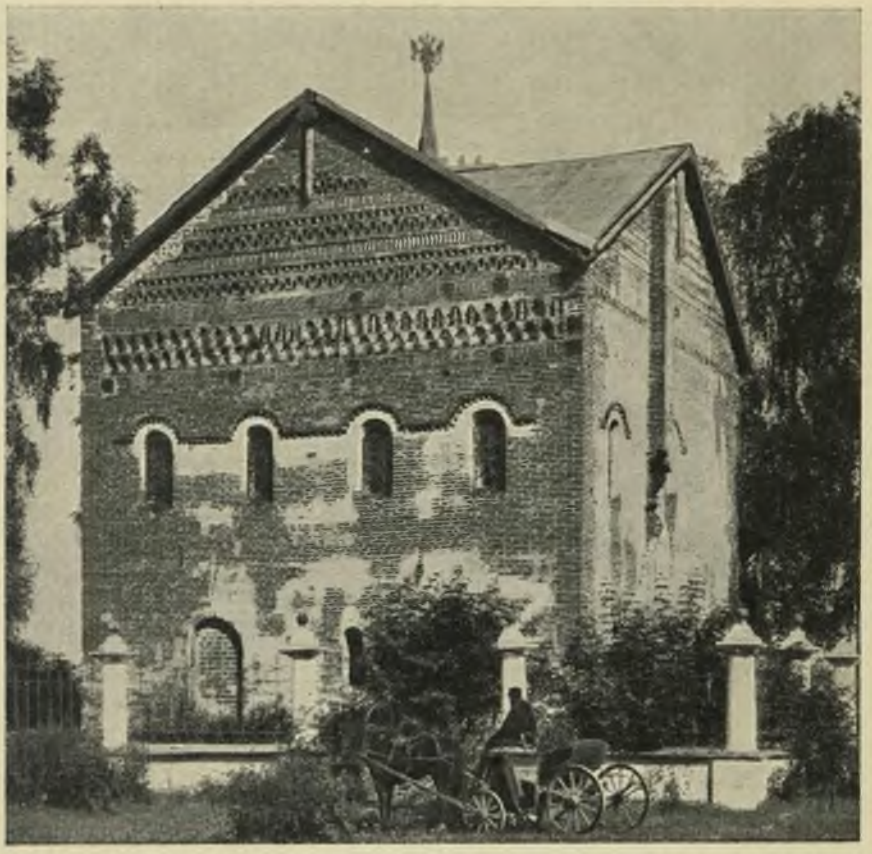
всѣмъ гражданамъ и священникамъ собратися. И бысть егда собрашася, тогда взыде и старецъ въ церковь и ста на амвонѣ посреди церкви и лицо его просвѣтися благодатію Божіею и глаголъ явльшагося ангела Божія всѣмъ во услышаніе сказа весь. Сіе слышавше граждане и священницы прослезишася и глаголаху: да будетъ воля Господня, якоже изволися Ему и будемъ: лучше намъ умрети, нежели пріяти папежскую вѣру». Старецъ же той во время святой литургіи причастися Святыхъ Таинъ и шедъ въ келлію возляже на одрѣ почи о Господѣ».

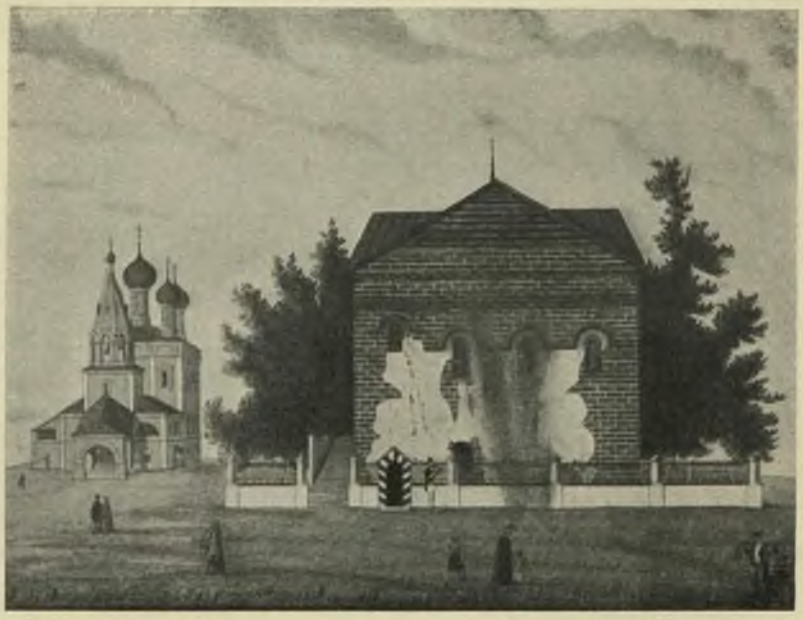

Соборъ Преображенія Господня.
1700—1713 г.

«О заповѣданіи гражданамъ Молитися Богу». «Священницы заповѣдаша тогда всѣмъ гражданамъ въ понедѣльникъ Страстныя седмицы собратися въ церкви, день и нощь въ моленіи пребывати, зане ужасошася пророча гласа о разореніи града и гласъ смерти возвратившагося, и всѣ тогда граждане молящеся и причащахуся Святыхъ Таинъ и пѣша панихиды по усопшихъ по всѣмъ церквамъ и всѣ слезы горестныя проливаху, оплакивая градъ свой прекрасный, паче же омываху своя многая прегрѣшенія».

Городъ былъ взятъ. Послѣ страшной рѣзни, напитавшей землю словно дождями, «труповъ человѣческихъ толико бысть по всей крѣпости, что не можно и малаго

Дворцовая палата Угличскихъ князей. 1481—1483 г.
(Фот. И. Ф. Борщевскаго и акварель 40-хъ годовъ Серебренникова).

Алексѣевскій монастырь.

мѣста обрѣсти, идѣже бы мертвыхъ тѣлъ не было и яко мостъ намостивъ». Но еще оставались горожане въ соборѣ, какъ въ послѣднемъ оплотѣ павшаго города. Поляки «устремишася къ соборной церкви и двери оной отломавше, ужасошася, яко множество бысть гражданъ обоего пола. И сотвориша граждане плачъ и крикъ велій въ церкви, взывающе другъ ко другу: «горе намъ грѣшнымъ!» и горцѣ рыдаху видяще свою кончину; устремишася же вси, хотяще вонъ бѣжати изъ церкви, но лютіи тираны, вшедше въ церковь, немилостивно всѣхъ посѣкаютъ, овыхъ изъ церкви вонъ влекуще горцѣй смерти предаваху, и толико въ церкви множество бысть убіенныхъ, яко крови ихъ чрезъ порогъ церковный преливатися. Егда же проклятіи Латини всѣхъ ту посѣкоша и не оставиша въ живыхъ въ церкви ни

Успенская «Дивная» церковь Алексѣевскаго монастыря.—1628 г.(?)
(Фот. И. Ф. Борщевскаго).

Успенская «Дивная» церковь Алексѣевскаго монастыря.—1628 г. (?)

единаго, но вси потоплени бывше въ своей крови и мыющеся въ оной отъ грѣховъ своихъ» [1].

Трудно представить себѣ истинное число погибшихъ тогда въ УгличѢ. Супоньевская лѣтопись подробно перечисляетъ жертвъ погрома, но нельзя ничѣмъ провѣрить приводимыя цифры.

[1] Л. Ѳ. Соловьевъ. «Краткая исторія города Углича».

Обработка алтарей Успенской «Дивной» церкви.—1628 г. (?)

«Здѣ умыслихъ изъ чести всѣхъ убіенныхъ окаянными папистами во градѣ Угличѣ въ третьей брани бысть убито разного рода званія 20 тысячъ человѣкъ: священниковъ, діаконовъ и церковно служителей по исчисленію церквей, до 500 человѣкъ. Сожжено и истреблено 10 мужскихъ монастырей и 2 женскихъ, а въ нихъ два архимандрита, восемь игуменовъ и двѣ игуменьи, монаховъ 500, церквей истреблено и сожжено 150, мірскихъ домовъ 12 тысячъ. Всего по исчисленію, убитыхъ, повѣшенныхъ, утопленныхъ и прочими смертями умученныхъ всякаго званія, пола и возраста до 40 тысячъ человѣкъ. Имъ же всѣмъ за вѣру Христову умерши подастъ Господь вѣчную память и покой» [1].

«Кто твою, граде, погибель теплыми слезами не оплачетъ, и кто не возрыдаетъ о убіенныхъ любезныхъ нашихъ гражданъ, кто не поболѣзнуетъ сердцемъ, кто не воздохнетъ? Воистину намъ достоитъ, братія, плакати, давидски глаголюще: «Аще не помянемъ тебе, граде Угличе, забвени будемъ и мы отъ Бога своего»; плакали сынове Сіони о запустѣніи града Іерусалима; плачьте и вы, о любиміи граждане, о раззореніи града Углича». Въ 18—19-мъ вѣкѣ Угличъ не имѣлъ исторіи,—по крайней мѣрѣ не знаешь, что можно было бы отмѣтить на ряду съ возвышенными и скорбными моментами древняго Углича.

[1] Л. Ѳ. Соловьевъ. «Краткая исторія города Углича».

Церкви Алексѣевскаго монастыря: Іоанна Предтечи (1681 г.) *и «Дивная»* (1628 г.). (?)

II.

ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ ПАМЯТНИКИ УГЛИЧА.

Близъ Углича сохранился единственный свидѣтель былой мощи древней культуры—соборный храмъ Покровскаго монастыря. *Стр. 152.* Монастырь расположенъ на живописномъ берегу Волги. Къ нему близко подходятъ темные лѣса, лишь у рѣки отодвинутые пашнями и деревнями.

Въ старину здѣсь было больше жизни, но слѣды человѣческой культуры, менѣе прочные, чѣмъ «равнодушная природа», погибли, уступивъ мѣсто сочнымъ изумруднымъ полянамъ да непроходимымъ чащамъ лѣсовъ.

Воскресенскій упраздненный монастырь.
Около 1674 г.

Такъ Богоявленская гора, сосѣдняя съ монастыремъ, судя по кладу, найденному здѣсь, могла быть мѣстомъ древнѣйшаго населенія; названіе Богоявленской горы пережило бывшій здѣсь Богоявленскій монастырь, не возстановленный послѣ польскаго погрома.

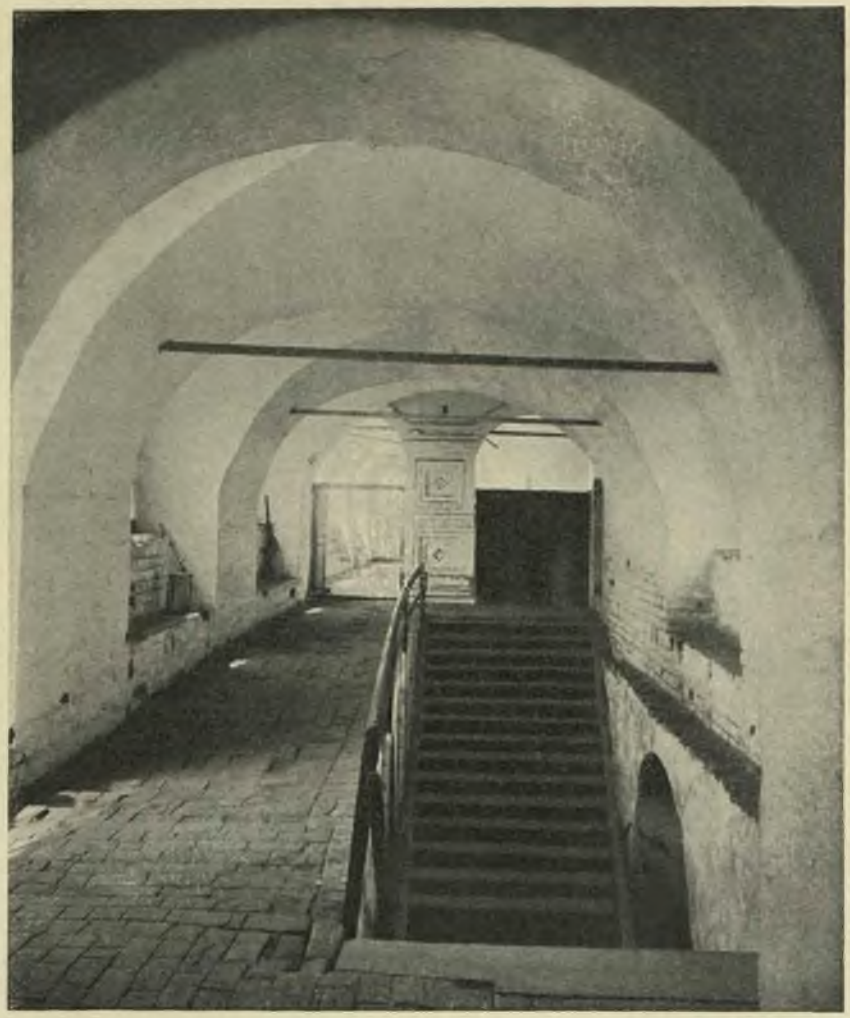
Житіе святого Паисія, основателя монастыря, разсказываетъ о чудесахъ, сопровождавшихъ построеніе соборнаго храма.

Самые размѣры храма были даны свыше, явившимися пятью крестами: «свѣтящихъ до земли, — четыре косвенно, пятый же впрямь». Руководясь указаніемъ, поставили алтарь на югъ — особенность довольно рѣдкая. Самое освященіе храма въ 1483 г. происходило при большомъ съѣздѣ духовенства, въ присутствіи князя и его семейства. Чудеса и здѣсь украшали дѣйствительность. «И бысть всенощное бдѣніе съ вечера въ новосозданной оной церкви соборной на самый той день

Воскресенскій упраздненный монастырь.—Около 1674 г.

Переходы Воскресенскаго монастыря.—Около 1674 г.

Пресвятыя Богородицы честнаго славнаго Ея Покрова, мѣсяца октября на 1-ой день. И на томъ бдѣніи нѣціи боголюбивые иноцы видѣша на высотѣ, идѣже въ шеи главнѣй бѣ создана церковь мала, ангеловъ предстоящихъ и сладко и тихо пѣснь сію поющихъ: «Радуйся, Сіоне святый, Мати церквямъ, Божіе жилище»!

Нашествіе поляковъ въ половинѣ 17-го столѣтія принесло страшное разрушеніе всему находящемуся въ Угличѣ. Не избѣжалъ общей участи и Богоявленскій монастырь.

За крѣпкими стѣнами монастыря укрылось больше тысячи человѣкъ. Игуменъ, надѣясь устыдить нападающихъ, вышелъ къ нимъ съ избранными двѣнадцатью

Переходы Воскресенскаго монастыря.
Около 1674 г.

монахами. Игуменъ былъ разсѣченъ пополамъ. Тотчасъ же погибли и сопровождавшіе его монахи. Ударъ, поразившій игумена, пришелся и по кресту, находившемуся въ его рукахъ. Въ настоящее время недостающая часть перекрестья этого отличнаго памятника русской древней рѣзьбы восполнена изъ дерева. Крестъ заключенъ въ деревянную обкладку, лишающую его контура простого изящества. *Стр. 151.*

Поляки разграбили все, и все предали огню. Среди собора былъ разложенъ костеръ «и церковь разжеся на подобіе пещи, братія и граждане въ потайной церкви горцѣй предавшеся смерти дымомъ задохнувшеся яко на сковородѣ сопрягошася» [1].

Массивный порталъ, поясъ собора, и грандіозныя пространства внутри, вотъ что дошло до насъ отъ величественнаго памятника. *Стр. 149.* Уже не видно двойного

[1] «Угличскій лѣтописецъ», стр. 53. Въ «Житіи» мы находимъ: «Церковь кровію Христіанъ освятилась паки. И огнемъ трупіе христіанъ пожжено бысть въ соборной сей церкви. И святыя иконы и писаніе на стѣнахъ писанная... вся погорѣ».

Порталъ царскихъ вратъ церкви Смоленской Божіей Матери Воскресенскаго монастыря.
1674 г.

ряда закомаръ, вѣнчавшихъ храмъ, да и главы кажутся переложенными въ 17-мъ столѣтіи, въ продолженіе котораго монастырь дѣятельно обстраивался.

Такъ, въ 1627 г. надъ престоломъ соборнаго храма была устроена шатровая сѣнь на четырехъ столбахъ съ подзоромъ, до насъ не дошедшая.

Очевидно, той же эпохѣ принадлежитъ Богоявленская церковь; документально извѣстно, что въ 1596 г. она уже существовала, но всѣ пріемы обработки заставляютъ относить настоящій храмъ къ 17-му вѣку. Ко второй половинѣ 17-го же столѣтія относятся башни святыхъ воротъ, между которыми, на мѣстѣ церкви св. Николая, помѣстилась колокольня (1832 г.) *стр. 152.*

Порталъ сѣвернаго упраздненнаго придѣла Воскресенскаго монастыря.
1674 г.

Мы отмѣчаемъ общность архитектурныхъ задачъ; и здѣсь, какъ въ Ростовѣ и Борисоглѣбскомъ монастырѣ, пристройкой къ церкви двухъ башенъ [1] была создана живописная группа, уже не разъ намъ встрѣчавшаяся. *Стр. 152.*

Въ концѣ 17-го столѣтія вокругъ одной изъ башенъ былъ сдѣланъ своеобразный, крытый обходъ, на двухъ массивныхъ аркахъ. Переходъ обрывается; теперь сбоку

[1] Есть извѣстіе, что храмъ существовалъ въ 1596 г. Архимандритъ Антоній. «Угличскій Покровскій монастырь». Яросл. 1870.

Трапезная палата Воскресенскаго монастыря.
1674 г.

видна никуда не ведущая дверь. *Стр. 155.* Стѣны монастыря или разрушены, или же ихъ и не успѣли построить въ 17-мъ столѣтіи (настоящая ограда сооружена въ 1763 г.).

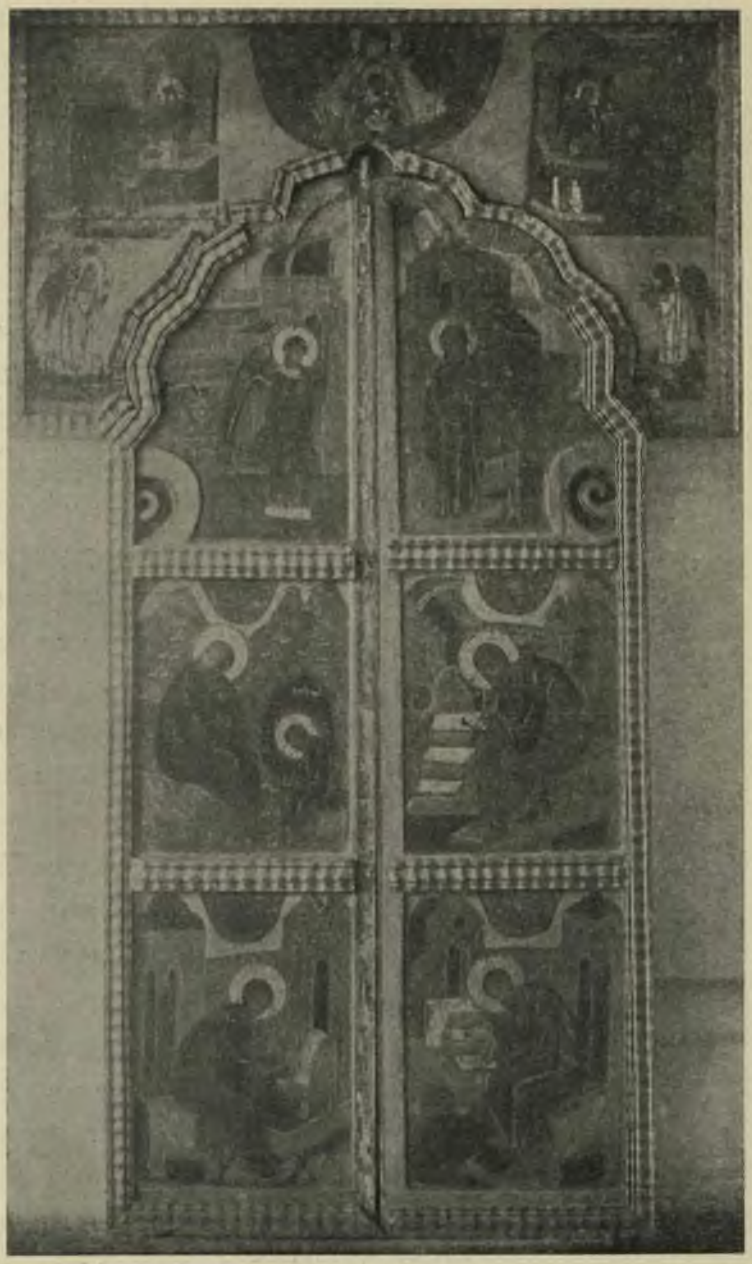
Малыя ворота монастыря, при консерватизмѣ провинціальной архитектуры, могли быть построенными уже въ 18-мъ столѣтіи. *Стр. 154.* Въ нихъ удержано еще диссимметрическое равновѣсіе, присущее многимъ памятникамъ русской архитектуры.

Помимо соборнаго храма Покровскаго монастыря, при князѣ Андреѣ Васильевичѣ Большомъ Горяѣ, были построены Новгородскими мастерами городской соборъ и каменныя палаты дворца [1].

Начатый въ 1485 г., соборъ не дошелъ до насъ; если можно довѣриться иконописнымъ формамъ, Новгородскій типъ собора засвидѣтельствованъ иконою князей Романа и Дмитрія, находящейся въ Николо-Улейминскомъ монастырѣ. Судя

[1] Л. Ѳ. Соловьевъ. «Краткая исторія города Углича».

Царскія врата.

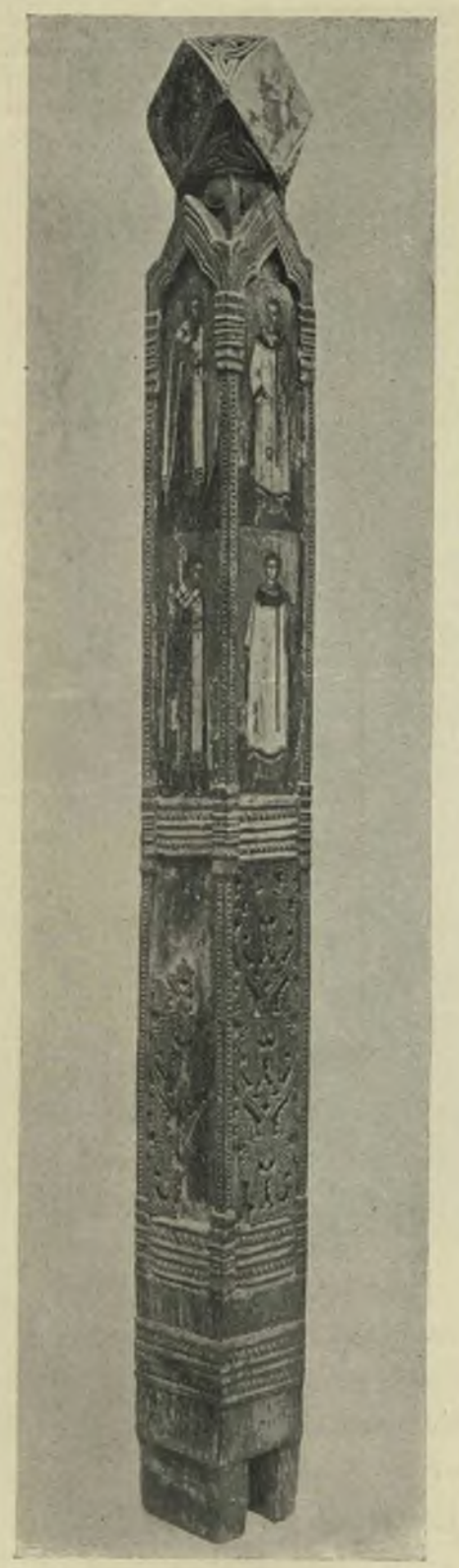

(Воскресенскій упраздненный монастырь).

по изображенію на этой иконѣ, соборъ былъ одноглавымъ, его стѣны заканчивались тремя неровными закомарами [1].

Пережившъ въ началѣ 17-го вѣка страшное разореніе, учиненное поляками, соборъ уступилъ мѣсто настоящему, выстроенному въ 1713 году. *Стр. 156.*

[1] Соборъ былъ подробно описанъ, какъ и всѣ церкви Углича, въ Писцовыхъ книгахъ 1674—1676 г. «Въ городѣ жъ соборная церковь Преображенія Господня объ одной главѣ, своды съ перепетивьемъ столбовъ, развершена по закомарамъ тесомъ, а глава на деревянныхъ дугахъ покрыта чешуею деревянною». «Труды Ярославской Архивной Комиссіи», т. II.

Колонка царскихъ вратъ, бывшихъ нѣкогда въ Покровскомъ монастырѣ.

Легко можно повѣрить, что Екатеринѣ II соборъ очень понравился. Онъ свѣтелъ и обширенъ, но всѣ архитектурныя формы потеряли смыслъ и связность; несмотря на запоздалые отдѣльные элементы, храмъ весь принадлежитъ 18-му столѣтію.

Интереснѣй колокольня. При значительной величинѣ, она создана серіознымъ перетолкованіемъ «Нарышкинныхъ» увлеченій архитектуры. Массивныя стѣны восьмигранника, утончающагося кверху, разработаны только плоскими членами дѣленія; особый тактъ заставлялъ строителя избѣгать рельефныхъ украшеній. Злой рокъ, скрывающійся и въ нашествіяхъ враговъ и въ реставраціяхъ ученыхъ обществъ, губилъ памятники эпохи князя Андрея. Таковой была реставрація дворцовой палаты, быть можетъ, сооруженной новгородскими мастерами въ 1481—1483 году [1].

То, что въ настоящее время носитъ названіе «дворца», представляетъ собою лишь одну, быть можетъ, центральную палату княжескихъ теремовъ. *Стр. 157.*

Все убранство постройки заключается въ обработкѣ щепцовъ, составленной нѣсколько разъ повторенными узорчатыми дорожками [2]. Эти щепцы, какъ и связанныя арочками окна, возвышались надъ цѣлымъ рядомъ дворцовыхъ построекъ частью каменныхъ, частью деревянныхъ. Восточная стѣна, наиболѣе удаленная отъ собора,

[1] Л. Ѳ. Соловьевъ. «Краткая исторія города Углича». [2] Подобное украшеніе, несомнѣнно, идетъ изъ деревянной архитектуры. Еще далю въ 80-хъ годахъ попадались на сѣверѣ избы, украшенныя подобными дорожками.

Архидіаконъ Авивъ.
Роспись колонки царскихъ вратъ.

украшена меньше другихъ, быть можетъ, она выходила къ дворцовымъ службамъ. За свое многовѣковое существованіе дворецъ видѣлъ много бѣдствій: онъ пережилъ гоненія злополучнаго Горяя и его семьи, убійство царевича Дмитрія и, наконецъ, польскій разгромъ 1609 г. «Устремишася окаяннїи аки пси бѣснующіися къ полатамъ царевича Димитрія и къ прочему бывшему тутъ строенію; и отломаше двери у полатъ, начаша гражданъ жестоко сѣщи остріемъ мѣча, и зѣло ту много гражданъ посѣкоша, яко отъ множества ихъ крови наполнитися погребамъ царскимъ и ямамъ и яко кладезямъ преливатися сотвориша» [1].

Реставрація 1890—1893 г. уничтожила благородный характеръ древности, а вмѣстѣ съ нимъ исчезло обаяніе подлинности памятника; кромѣ того добавленія въ «русскомъ стилѣ» менѣе идутъ къ характеру зданія, чѣмъ предшествовавшія имъ классическія частности ремонта 1802 году [2].

[1] «Угличскій лѣтописецъ», стр. 41.
[2] Въ настоящее время во «дворцѣ» устроенъ музей. Здѣсь помѣщенъ привезенный изъ Тобольска въ 1892 г. колоколъ и собраніе болѣе или менѣе случайныхъ предметовъ.

Входъ въ церковь Іоанна Предтечи. 1689 — 1690 г.
(Фот. Д. И. фонъ Эдинга).

Мало памятниковъ архитектуры оставилъ по себѣ 17-й вѣкъ въ Угличѣ; да это и понятно. Угличане, съ трудомъ обстраиваясь послѣ польскаго погрома, предпочитали ставить деревянныя церкви; только въ 18-мъ вѣкѣ состоятельность города позволила смѣнить прежнія церкви каменными. При всемъ томъ городъ нельзя назвать обездоленнымъ, разъ здѣсь сохранилось, быть можетъ, лучшее, что только было создано за весь 17-й вѣкъ.

Такимъ перломъ русской архитектуры является «Тріединая» церковь Успенія Божіей Матери въ Алексѣевскомъ монастырѣ. *Стр. 158, 159, 160.*

Народное сознаніе, вообще оставившее не мало слѣдовъ чуткости къ прекрасному въ искусствѣ, отмѣтило Успенскую церковь эпитетомъ «дивной». Церковь построена

Церковь Іоанна Предтечи. 1689—1690 г.

около 1628 г. [1]; какъ всѣ лучшія созданія своей и предшествующей эпохи, она почти лишена всякаго убранства, и въ то же время она прекрасна. Она прекрасна всѣми своими соотношеніями, внѣшне ее украшаютъ только необходимыя грани и рамки, только непзбѣжныя расчлененія. Но этого достаточно. «Дивная» церковь легко возноситъ въ высь свои шатры, связанные изумительнымъ чутьемъ, въ ней сочетались,

[1] Н. Лавровъ. «Путеводитель по церквамъ города Углича». Ярославль. 1869. Соловьевъ. «Краткая исторія города Углича». Существуетъ тенденція относить церковь къ болѣе ранней эпохѣ,—къ 16-му вѣку. (Киссель).

Церковь Іоанна Предтечи и Воскресенскій монастырь.
(Фот. Б. И. фонъ Эдинга).

какъ въ истинно-прекрасномъ произведеніи искусства, законы необходимости съ художественной свободой. Самая нарядная часть храма—алтарь получилъ обработку тѣмъ типомъ аркатуры, который помѣщали зодчіе Москвы 15—16-го вѣка на церковныхъ главахъ и абсидахъ. *Стр. 161.* Но здѣсь безполезно перечислять чѣмъ украшенъ алтарь, какими полуваликами, карнизами и кокошниками. Онъ украшенъ искусствомъ, тонкимъ, художественнымъ чутьемъ строителя. И настолько сильна и обаятельна красота всей церкви, что кажутся неумѣстными и безсильными нарушить общее впечатлѣніе всѣ позднѣйшія передѣлки и добавленія. Таковы настоятельскіе покои, уродливыя окна, пробитыя въ средней абсидѣ и, наконецъ, «фасонистыя» покрытія алтарей, очень распространенныя въ Угличѣ въ 18-мъ столѣтіи.

Церковь Іоанна Предтечи. 1689—1690 г.

Другая монастырская церковь во имя Іоанна Предтечи сооружена въ 1681 году [1]; она вѣрна отяжелѣвшимъ формамъ «соборнаго типа» конца 17-го столѣтія. *Стр. 163.* На этомъ отрицательномъ примѣрѣ убѣждаешься въ неповторимости того творчества, созданіемъ котораго явилась «дивная» церковь. При своей органической, ясной конструктивности, «дивная» церковь болѣе родственна елямъ, растущимъ около нея, чѣмъ позднему созданію одного и того же искусства.

[1] Н. Лавровъ. «Путеводитель по церквамъ города Углича». Ярославль. 1869.

Церковь Дмитрія царевича «на крови».—1692 г.

За Успенской «дивной» церковью слѣдуетъ по времени средняя группа церквей Воскресенскаго монастыря, начатая по распоряженію Ростовскаго митрополита Іоны Сысоевича въ 1674 году [1]. *Стр. 164.* Время основанія монастыря неизвѣстно. Въ бытность здѣсь Іоны монахомъ монастырь стоялъ у берега, и перенесенъ уже на новое мѣсто Іоной митрополитомъ. Принадлежитъ ли замыселъ группы самому Іонѣ, повсюду разсѣявшему архитектурные памятники, или въ этомъ выразились творческія исканія цѣлыхъ артелей, мы пока не знаемъ; вѣрно лишь то, что въ звонницѣ, предшествовавшей ростовскимъ, сказались исканія, нашедшія свое полное выраженіе позже въ Ростовѣ [2].

Двѣ прямо противоположныя точки зрѣнія выясняютъ, какъ вытянуты въ одну «фасадную» линію соборная церковь, звонница и меньшая церковь Смоленской Бо-

[1] Подробная опись монастыря 1702 г. приведена въ книгѣ «Угличъ. Матеріалы для исторіи города 17-го и 18-го столѣтія». Москва. 1887. [2] Очевидно, покрытіе звонницы, подрѣзающее обработку главки, неправильно. Не была ли крыша сдѣлана «бочкой», отвѣчавшей внутреннему коробовому своду? Въ настоящее время промежутокъ между послѣднимъ карнизомъ и двускатной крышей заполненъ очень небрежно; изъ южной сторонѣ онъ забитъ досками.

Житіе Андрея Юродиваго.
Роспись сѣверныхъ вратъ придѣла церкви Іоанна Предтечи.

жіей Матери съ трапезой. Въ то же время сзади эти постройки представляютъ величайшее разнообразіе архитектурныхъ плановъ, не подчиненныхъ никакому единству. *Стр. 165.* Воскресенскій храмъ силенъ своими массами, а не очертаніями и силуэтомъ. День, когда на свѣтломъ небѣ рисуются его скучныя испорченныя крыши и купола, гнететъ его. Ночью, когда между темнымъ небомъ и померкшей землей рисуются его стѣны, озаренныя невѣрнымъ свѣтомъ луны,—ночью выступаетъ истин-

Блюдо, хранящееся въ Музеѣ.

ное величіе и обаяніе этого храма. Тогда постигаешь изумительную красоту чередованія тяжелыхъ плоскостей со впадинами частыхъ арокъ. Внутри, опустѣвшіе переходы грандіозной развалины монастыря представляютъ живописнѣйшую смѣну свѣта и тѣни на мощныхъ аркахъ и сводахъ. *Стр. 166, 167, 169.* Большое разнообразіе вносятъ порталы входовъ. Грузныя стѣны получаютъ на нихъ дробную игру свѣта. Эти порталы не сохранили слѣдовъ раскраски, оставшейся почти не испорченной въ порталѣ царскихъ вратъ церкви Смоленской Божіей Матери [1]. *Стр. 168.*

Изъ большихъ палатъ сохранилась передъ церковью Смоленской Божіей Матери «трапезная» (?). *Стр. 170.* Разсѣвшіеся въ нѣсколькихъ мѣстахъ своды ея подперты

[1] За позднимъ иконостасомъ въ соборномъ храмѣ Воскресенія намъ удалось найти слѣды росписи, несомнѣнно относящейся къ 17-му столѣтію.

Крыльцо церкви Введенія въ Улейминскомъ монастырѣ.

1563 г. (Фот. Б. Н. фонъ Эдинга).

Святыя ворота Николо-Улейминскаго монастыря. 17—18-й вѣкъ. (Фот. Б. Н. фонъ Эдинга).

Входъ въ церковь Св. Троицы на Дивной горѣ.—1694 г.
(Фот. Б. Н. фонъ Эдинга).

теперь балками; очевидно близко время, когда только куча кирпичей будетъ указывать на существовавшій здѣсь памятникъ архитектуры 17-го столѣтія [1].

Слѣды фресокъ въ Воскресенскомъ монастырѣ убѣдительно говорятъ объ утраченныхъ навсегда фрескахъ. Въ Угличѣ сохранились главнымъ образомъ архитектурные памятники. Фрески сбиты, образа записаны или покрыты потемнѣвшей олифой. Однако, такія иконы, какъ находящіяся въ соборѣ, въ Улейминскомъ монастырѣ, царскія врата въ Воскресенскомъ храмѣ *стр. 171* и прекрасная роспись колонки *стр. 172, 173,* убѣждаютъ насъ въ томъ, что Угличъ въ 16—17-мъ вѣкѣ не былъ лишенъ отличной иконописи.

[1] Состояніе «монастыря» не поддается описанію. Словно уже обреченный на погибель, онъ еще стоитъ живымъ укоромъ и для Углича, и для ученыхъ обществъ, и для духовенства, отвернувшихся отъ былого творческаго храмоздательства. Какъ много въ наше время «друзей искусства», находящихъ жестокое удовольствіе смаковать извѣстія о «вандализмахъ». Но вотъ еще существуетъ Воскресенскій храмъ, его трагическая судьба не завершилась конечнымъ разрушеніемъ, и мы безучастно ждемъ. Храмъ рухнетъ, и только тѣмъ привлечетъ всеобщую симпатію и позднее признаніе. Надъ грудой развалинъ мы высказываемся больше, чѣмъ передъ живымъ еще организмомъ искусства; жестокое любительство!

Домъ Овсянникова около Ярославской улицы.

Домъ Букиныхъ и Аксаковыхъ

около Благовѣщенской улицы.

Почти рядомъ съ величественнымъ храмомъ Воскресенскаго собора, стоящимъ уже безъ огражденія монастырскихъ стѣнъ, высится церковь Іоанна Предтечи, построенная въ 1689—1690 г. *Стр. 174, 175, 176, 177.* Весь храмъ проникнутъ духомъ изящества, обычнаго въ эту эпоху, но колокольня, не теряющая изысканной стройности при богатомъ убранствѣ,—говоритъ о выдающейся одаренности строителя. Тонкая красота церкви словно родственна прелести сказанія объ убіеніи отрока Іоанна Чеполосова. Повѣсть, поясняющая причину построенія храма, начинается очень внушительно:

«Вещи и дѣла, аще неписаннїи бываютъ, тмою покрываются и гробу безпамятства предаются, написаннїи же яко одушевленнїи бываютъ и провозорно показуютъ».

Затѣмъ сказаніе подробно говоритъ о состоятельномъ посадскомъ человѣкѣ Никифорѣ Чеполосовѣ, имѣвшемъ сына, который былъ «тѣломъ зѣло прекрасенъ, наипаче же духомъ страха Божія процвѣташе и укрѣпляшеся».

Однажды весной, въ апрѣлѣ, мальчикъ пошелъ къ учителю и пропалъ. Его завлекъ въ свой домъ довѣренный слуга Никифора Чеполосова—Рудакъ, имѣвшій на отца Іоанна «злобственное... въ сердцѣ скрытое ухищреніе». Шестнадцать дней томился мальчикъ, запрятанный въ ларѣ; Рудакъ истязалъ его, вырывая каждую ночь по зубку, принуждалъ Іоанна отречься отъ родителей. Наконецъ, измученный самъ, Рудакъ убилъ отрока. Пастухи нашли тѣло Іоанна въ «мягковязкомъ» болотѣ, обнажившемся, чтобы открыть нетлѣнное тѣло.

Мощи были погребены съ великой торжественностью. Мученичество младенца и его небесное прославленіе утишили горе родителей. Явившись во снѣ матери, онъ настаивалъ на прощеніи убійцы Рудака, обѣщая встрѣчу на землѣ. И дѣйстви-

Домъ Калашниковыхъ
противъ Богоявленскаго монастыря.—18-й вѣкъ.

тельно, мощи были открываемы нѣсколько разъ. Въ первый разъ ихъ обнаружили, когда на средства Никифора Чеполосова начали строить храмъ во имя Іоанна Предтечи. Мощи, вокругъ которыхъ происходили чудотворенія, были освидѣтельствованы, но въ это время не только въ Москвѣ, гдѣ царь Петръ Алексѣевичъ переламывалъ все по своему, но даже и въ Ростовѣ не находили времени и охоты открывать новыя святыни [1].

Задумчивый Угличъ, надолго сохранившій возможность святости, чудесъ и свѣтлыхъ сказаній, — не получилъ санкціи новой святыни. Житіе говоритъ объ этомъ: «тогда архіереомъ о умиреніи народа пекущимся не до новоявленныхъ тогда мощей бяше; понеже тогда народъ во всеросійстей державѣ на архіереовъ по неразумѣнію своему восставаше и ропташе за новоисправленныя великороссійскимъ патріархомъ Никономъ книги, и бунты за сіе подвизаху, и мнози за тое смертію нелѣпотнѣ казняхуся».

[1] Въ половинѣ 18-го столѣтія мощи были обнаружены опять; «и одежда на немъ нетлѣпная, полукаѳтанье кукашное, красное»... Опять граждане приступили къ Ростовскому митрополиту, Арсенію Маціевичу, и опять безуспѣшно. Митрополитъ отказалъ, «покивая главою съ жалостью». Послѣдній разъ мощи были обнаружены въ 1840 г., но ихъ заложили вновь.

Церковь Казанской Божіей Матери.

1778 г.

Въ церкви, на ряду съ прекрасными очень древними иконами (какъ напр. Симеона Столпника въ житіи), сохранилась дверь нижняго придѣла съ изображеніями изъ жизни св. Андрея юродиваго. Лучезарныя краски и рѣшительное тяготѣніе къ живописнымъ пріемамъ, говорятъ о Петровской эпохѣ. *Стр. 179.*

Вскорѣ за построеніемъ церкви Іоанна, въ 1692 г. была закончена церковь Дмитрія «на крови», уже не первая на этомъ памятномъ для угличанъ мѣстѣ. *Стр. 178.* Церковь не принадлежитъ къ лучшимъ созданіямъ эпохи, въ ней не дано гармоничнаго сочетанія стройныхъ массъ съ декораціей ихъ покрывающихъ: колокольня груба, а стѣны церкви перегружены декоративными элементами. Но не въ архитектурныхъ формахъ значеніе церкви «на крови». Окрашенная въ багровый цвѣтъ, съ которымъ сильно контрастируетъ бѣлая обработка и темно голубыя главы, — церковь представляетъ въ общей картинѣ города, на ряду съ ярко-желтой окраской

Церковь Воздвиженія или Дмитрія Солунскаго.—1775 г.

другихъ храмовъ и темнотою зелени, изумительно счастливое пятно. Въ церкви, между прочимъ, хранится пелена съ изображеніемъ царевича. Преданіе упорно считаетъ ее работой царицы Маѳы, хотя извѣстно, что даже первый храмъ былъ сожженъ поляками.

Если вѣрить преданію, царь Алексѣй Михайловичъ прислалъ въ церковь блюдо, хранящееся теперь въ Музеѣ. *Стр. 180.* При большой грубости изображеннаго Богоявленія останавливаютъ вниманіе отлично найденные орнаменты.

Нѣсколько хорошихъ памятниковъ архитектуры и иконописи сохранилъ Николо-Улейминскій монастырь, находящійся въ 12 верстахъ отъ Углича. Здѣсь, въ 1460 г., идя въ Ростовъ, остановился для отдыха странникъ Варлаамъ. Онъ несъ

Церковь Рождества Христова.

1801 г.

изъ «Бара града» образъ святителя Николая. Образъ чудесно остался на мѣстѣ, когда странникъ думалъ продолжить свой путь. Начались чудотворенія. Усердіемъ князя Андрея Горяя былъ устроенъ монастырь, пользовавшійся особымъ вниманіемъ угличскихъ князей.

Изъ древнихъ церквей здѣсь сохранился храмъ Введенія Пресвятой Богородицы, построенный въ 1563 г. Церковь обезображена застройками и передѣлками 17-го и 18-го вѣка; глава, покрытіе и трапезная часть не имѣютъ ничего общаго съ прекрасно обработанными стѣнами и барабаномъ главы. Еще, несмотря на застройку со всѣхъ сторонъ, можно уловить отголосокъ серіознаго и сильнаго искусства въ южномъ крыльцѣ храма. *Стр. 181.* Съ особой логикой камня, здѣсь соединены упругія арки и прямыя границы плоскостей. Внутри, на западной стѣнѣ, сохранился интересный порталъ. На массивномъ столбѣ трапезной обращаетъ вниманіе прекрасная икона Параскевы «въ житіи», а въ проходѣ образъ князей Романа и Дмитрія съ видомъ Углича, о которомъ мы упоминали. Соборная церковь очень грузной

Домъ сельца Григорьевскаго. 18—19-й вѣкъ.

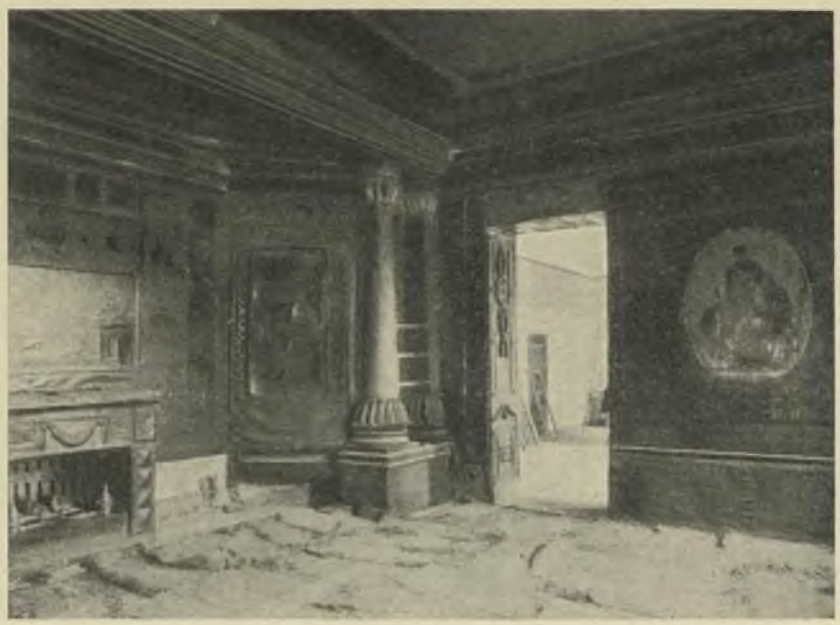
архитектуры несомнѣнно принадлежитъ второй половинѣ семнадцатаго вѣка. Тогда же, а можетъ быть уже и въ самомъ началѣ 18-го вѣка, когда была построена декоративно-боевая стѣна съ башнями, построили надвратную церковь Живоначальной Троицы. *Стр. 182.*

Какъ и въ Ростовѣ, мы видимъ здѣсь рядъ висячихъ гирекъ, помѣщенныхъ въ одной большой аркѣ; здѣсь мы отмѣчаемъ безсвязность воротъ съ окнами храма [1]. Концу 17-го столѣтія принадлежитъ церковь Троицы въ Дивногорской пустынѣ, находящейся въ 8 верстахъ отъ Углича.

Правъ былъ народъ, назвавшій это мѣсто «дивной горой»; рядъ густыхъ лѣсовъ, привольныхъ пашенъ виденъ съ края возвышенности, вѣнчаемой церковью. Самыми интересными частями памятника, оконченнаго къ 1694 г., является паперть, напоминающая Ростовскія галереи и гульбище, бывшее когда то открытымъ [2]. *Стр. 182.*

Восемнадцатый вѣкъ и первая половина девятнадцатаго, вообще говоря, не были эпохой захуданія и упадка Углича; такъ, по крайней мѣрѣ, заставляетъ думать большое число каменныхъ церквей и домовъ этого времени. Въ городѣ остались цѣлыя

[1] Тоже въ надвратной церкви Толгскаго монастыря. [2] Л. Ѳ. Соловьевъ. «Краткая исторія города Углича». «Архереомъ Ростовскимъ лѣтопись», перечисляя постройки преемника Іоны Сысоевича, Іосафа Лазаревича, говоритъ: «... въ Угличскомъ уѣздѣ, на Дивной горѣ, въ приписномъ монастырѣ, построилъ церковь каменную на полатахъ во имя Живоначальной Троицы».

«Китайская» комната въ Григорьевскомъ.

улицы, на которыхъ самымъ новымъ домомъ является домъ Николаевской эпохи. Обойденный желѣзной дорогой, Угличъ на рѣдкость сохранилъ культурныя наслоенія Александровской и Николаевской эпохъ.

Безъ помощи людей, отъ времени рушатся большіе, ставшіе ненужными дома, съ непремѣнными фронтонами, «боскеты» и «аллеи», высоко вытянувшись надъ садами, оглашаются только криками вороньяго царства. Въ такой обстановкѣ сохранилось немало старинныхъ домовъ, иногда красивыхъ, но почти всегда интересныхъ, какъ свидѣтели минувшаго.

Оттѣнокъ глухого провинціализма всегда въ большей или меньшей степени присущъ этимъ постройкамъ. Нѣкоторые изъ старыхъ домовъ были построены еще до европейской перепланировки города; они помнятъ еще безпорядочный и живописный Угличъ,—теперь улицы отошли отъ нихъ, тихо склоняющихся и разваливающихся на огородахъ.

Таковъ домъ Овсянникова на тупикѣ Ярославской улицы. *Стр. 183.* Домъ навѣрно принадлежитъ 18-му вѣку, но его «Елисаветинскія» формы не могутъ служить болѣе точной датой: въ Угличъ подобныя формы могли притти и въ самомъ концѣ вѣка.

Такъ же отступилъ отъ улицы деревянный домъ Букиныхъ-Аксаковыхъ, которому насчитываютъ 250 лѣтъ; очень жаль, что домъ не сохранилъ ни оконъ, ни

Передняя въ Григорьевскомъ.

18—19-й вѣкъ.

покрытія; характеръ всего дошедшаго до насъ лишаетъ эту постройку и столѣтней давности. *Стр 184.* Лучше сохранился маленькій каменный домъ Калашниковыхъ. *Стр. 185.* Стѣны особняка разработаны очень наивно, но пріятно, хороши вставки зеленоголубоватыхъ кафелей. Церковная архитектура говоритъ съ особой убѣдительностью, что много формъ и строительныхъ задачъ перешло изъ 17-го столѣтія въ 18-е.

Таково было одно изъ теченій; другое съ большимъ запозданіемъ приносило изъ столицъ «новыя архитектурныя формы». Церковь «Воздвиженія», построенная въ 1775 г., церковь «Казанской Божіей Матери», законченная въ 1778 г. уже ясно говорятъ объ этой отсталости. *Стр. 186, 187.*

Но еще болѣе поразительнымъ примѣромъ можетъ служить церковь «Рождества Христова» («Филипповская»), построенная въ 1801 г. въ такомъ типѣ, который показался бы въ Петербургѣ архаическимъ даже предыдущему поколѣнію. *Стр. 188.*

Семейный портретъ Зыковыхъ.—Около 1800 г.

Однако, помимо этихъ церквей, помимо маленькихъ домиковъ незамѣтныхъ людей, въ Угличѣ была осуществлена затѣя великолѣпныхъ хоромъ съ длиннымъ рядомъ парадныхъ комнатъ, съ галереями, театромъ, библіотекой и пр.

Уже рѣдко встрѣчаемое преданіе говоритъ объ Екатерининскомъ вельможѣ Григорьевѣ (или Григоровѣ), которому императрица подарила землю близъ стоявшаго здѣсь раньше «Кормового дворца» Угличскихъ князей. Григоровъ былъ самъ страстный любитель архитектуры и самъ построилъ для себя великолѣпный дворецъ, близкій по общему замыслу къ Останкинскому. *Стр. 189.*

Быть можетъ, проектъ идетъ отъ кого нибудь изъ сотрудниковъ Казакова, а быть можетъ, и это правдоподобнѣе, мы имѣемъ здѣсь осуществленіе общихъ архитектурныхъ задачъ, назрѣвшихъ на рубежѣ 18-го и 19-го вѣка.

Трудный замыселъ—увѣнчаніе главнаго корпуса фонаремъ—не получилъ счастливаго разрѣшенія, но общія соотношенія корпусовъ и связь ихъ довольно хороши.

Изъ внутренняго убранства хоромы сохранили очень мало, такъ какъ въ теченіе нѣсколькихъ десятилѣтій запустѣвшій домъ расхищался и временными владѣ-

Домъ усадьбы Зыковыхъ.—19-й вѣкъ.
(Фот. Б. Н. фонъ Эдинга).

Домъ Серебренниковыхъ на Ярославской улицѣ.—19-й вѣкъ.

Домъ Ожеговыхъ около церкви Иліи Пророка.
(Фот. Б. Н. фонъ Эдинга).

«Дума» 1815 года и Городской садъ.

телями и цѣлой округой крестьянъ, «добывавшихъ» даже мѣдные запоры дверей. И все же нужно отмѣтить, что въ нѣкоторыхъ комнатахъ сохранились отличные обои, лѣпнина карнизовъ и печи. Неисчислимы простые эффекты длинныхъ анфиладъ разнообразныхъ комнатъ; лучше всего сохранились проходы парадной лѣстницы. *Стр. 191.* Въ одной изъ залъ зимнія рамы составлены изъ разноцвѣтныхъ стеколъ; говорятъ, это придаетъ комнатѣ оттѣнокъ волшебной прелести. Самая несеріозная—«Китайская комната», разумѣется, не ближе къ стилю Китая, чѣмъ иная какая либо частность «дворца». *Стр. 190.* Однако, замыслы вельможи не ограничились стѣнами его хоромъ; былъ разбитъ прекрасный паркъ и выкопаны пруды, хитро обходящіе нѣсколько острововъ; острова Венеры, трехъ сестеръ, Діаны и Сампсона получили названія отъ статуй, стоявшихъ на островахъ. Въ дальнемъ углу

Домъ Бычкова

на углу Рыбинской и Ярославской улицы.—19-й вѣкъ.

Домъ, бывшій Леонтьевой.

19-й вѣкъ.

Наличникъ избы въ деревнѣ Фатьяново.
(Фот. Б. Н. фонъ Эдинга).

сада сохранились развалины павильона съ бассейнами; по преданію это «душистыя ванны» [1].

Неподалеку отъ имѣнія Григорьева или Супоньева и Волкова, какъ его называютъ именами послѣдующихъ обладателей, находилось еще одно «дворянское гнѣздо»— имѣніе Зыковыхъ [2]. На горѣ, съ которой открывается лучшій видъ на Угличъ *стр. 147*, расположился старинный паркъ; за нимъ домъ хорошей архитектуры первой половины 19-го столѣтія. *Стр. 193.* Изъ предметовъ убранства, нѣкогда любовно

[1] На старой фотографіи, относящейся къ серединѣ 19-го столѣтія, ясно видны «холодныя галереи», соединявшія главный корпусъ съ боковыми; при ремонтѣ 1912 г. не сохранили галерейнаго характера этихъ промежутковъ, получившихъ безформенныя окна и неопредѣленные простѣнки между ними. [2] Имѣніе недавно продано, и ничто не гарантируетъ дальнѣйшее существованіе памятниковъ былой культуры.

здѣсь собранныхъ, удалось снять семейный портретъ Зыковыхъ, писаный около 1800 г. *Стр. 192.*

Возвращаясь къ архитектурѣ города, мы отмѣчаемъ тяжелую ротонду дома Серебренниковыхъ *стр. 194* и маленькій и пестрый домикъ Ожеговыхъ *стр. 194;* широкія окна, безъ яснаго соотношенія съ декораціей, выдаютъ позднюю эпоху построекъ. Къ 1815 г. была построена городская Дума. *Стр. 195.* Наконецъ, домъ бывшій Леонтьевой, а еще раньше Владыкиной,—типичнѣйшій провинціальный особнякъ Николаевской эпохи. *Стр. 196.* Каменные львы воздвигнуты на деревянныхъ воротахъ охранять скромный «домъ съ мезониномъ». Послѣдній домъ города у Ярославскаго шоссе — Бычковыхъ, выдержанъ въ духѣ ранняго или очень провинціальнаго классицизма. *Стр. 196.* Городъ кончился. Старое шоссе, дороги и дорожки бѣгутъ по лѣсамъ, полямъ и лугамъ. Въ мѣстностяхъ привольныхъ и отрадныхъ расположились то здѣсь, то тамъ села и деревни. Внѣшній бытъ крестьянъ сохранилъ уже мало чертъ искусства и старины. Тѣмъ притягательнѣе являются такіе образцы рѣзьбы, какъ наличникъ избы въ деревнѣ Фатьяново. *Стр. 197.* Гдѣ, какъ не въ русской деревнѣ, могли быть соединены строго линейные «классическіе» элементы съ излюбленной на Руси узорчатостью!

Церковь Дмитрія царевича «на крови».
(Акварель 1840-хъ годовъ Серебренникова).

Оглавленіе

стран.

Предисловіе . . . . . 5 — 6

Ростовъ Великій.

Прошлое Ростова Великаго.

Введеніе . . . . . 9— 12

Глава I.—Вольный городъ . . . . . 15— 17

» II.—Подъ властью Москвы . . . . . 17— 22

» III.—Эпоха Іоны Сысоевича . . . . . 23— 34

» IV.—Захуданіе Ростова . . . . . 35— 46

Художественное наслѣдіе Ростова Великаго.

Глава V.—Древнѣйшая эпоха.

Литературныя извѣстія. Соборъ. Борисоглѣбскій монастырь: соборный храмъ, церкви Благовѣщенія и Сергія, ограда. Соборный храмъ Богоявленскаго Аврааміева монастыря. Церковь Вознесенія или Исидора Блаженнаго. Храмъ Преображенія Господня въ упраздненномъ Спасо-Песоцкомъ монастырѣ . . . . . 47— 72

» VI.—Выработка мѣстнаго архитектурнаго типа.

Бѣлогостицкій монастырь: церкви Благовѣщенія и Михаила Архангела. Постройки Архіерейскаго дома: церковь Вознесенія, Бѣлая палата, церкви Спаса «на сѣняхъ» и Іоанна Богослова. Борисоглѣбскій монастырь: церковь Срѣтенія, входной портикъ церкви Благовѣщенія, звонница, Святыя ворота. Звонница Ростовскаго собора. Деревянныя церкви: церковь Іоанна Богослова на Ишнѣ и церковь села Билюкова. Церковь Одигитріи въ Архіерейскомъ домѣ . . . . 73—108

Глава VII.—Фрески.

Фрески Воскресенской церкви, Спаса «на сѣняхъ». Роспись церкви Іоанна Богослова. Стѣнопись Троицкаго храма Яковлевскаго монастыря . . . . . 109—126

» VIII.—Восемнадцатый вѣкъ и эпоха классицизма.

Дмитріевскій храмъ Яковлевскаго монастыря, монастырская ограда. Перепланировка города и частные дома . . . . . 127—140

Угличъ.

Глава I.—Прошлое Углича . . . . . 143—162

» II.—Художествен. памятники Углича.

Постройки Покровскаго монастыря. Свѣдѣнія объ Угличскомъ соборѣ. Палаты Угличскихъ князей. Успенская церковь Алексѣевскаго монастыря. Воскресенскій монастырь. Церкви Іоанна Предтечи и Дмитрія царевича «на крови». Николо-Улейминскій монастырь. Церковная архитектура 18-го вѣка. Усадьбы: Григорьевское и Зыково. Городская архитектура начала 19-го вѣка . . . 163—198

Деревянная гравюра для обложки, изображающая церковь Срѣтенія и башни сѣверной стороны Борисоглѣбскаго монастыря, исполнена А. П. Остроумовой.

Надписи обложки исполнены А. И. Трояновской.

Фронтисписъ «Что городъ—то норовъ» исполненъ В. В. Ламсеге.

ЗАМѢЧЕННЫЯ ОПЕЧАТКИ.

Страница.	Строка.	Напечатано:	Слѣдуетъ:
23	1 сверху	Въ 1562 г.	Въ 1652 г.
43	въ подписи	Саккосъ Іоны II	Саккосъ Іоны III

5p.